

ПРОСТАЯ ПРАВДА

Михаил Палчей

Ужгород -2003

ЗАКАРПАТСКАЯ ЦЕРКОВЬ БОЖЬЯ

PO BOX 31531 Raleigh,

Nc 27622

ПРОСТАЯ ПРАВДА

MIKHAIL PALCHEY

Trans Carpathian Church of God reserve all rights in this book, and no parts of the text may be reproduced without written permission.

P.O. Box 31531

Raleigh, NC 27622

USA

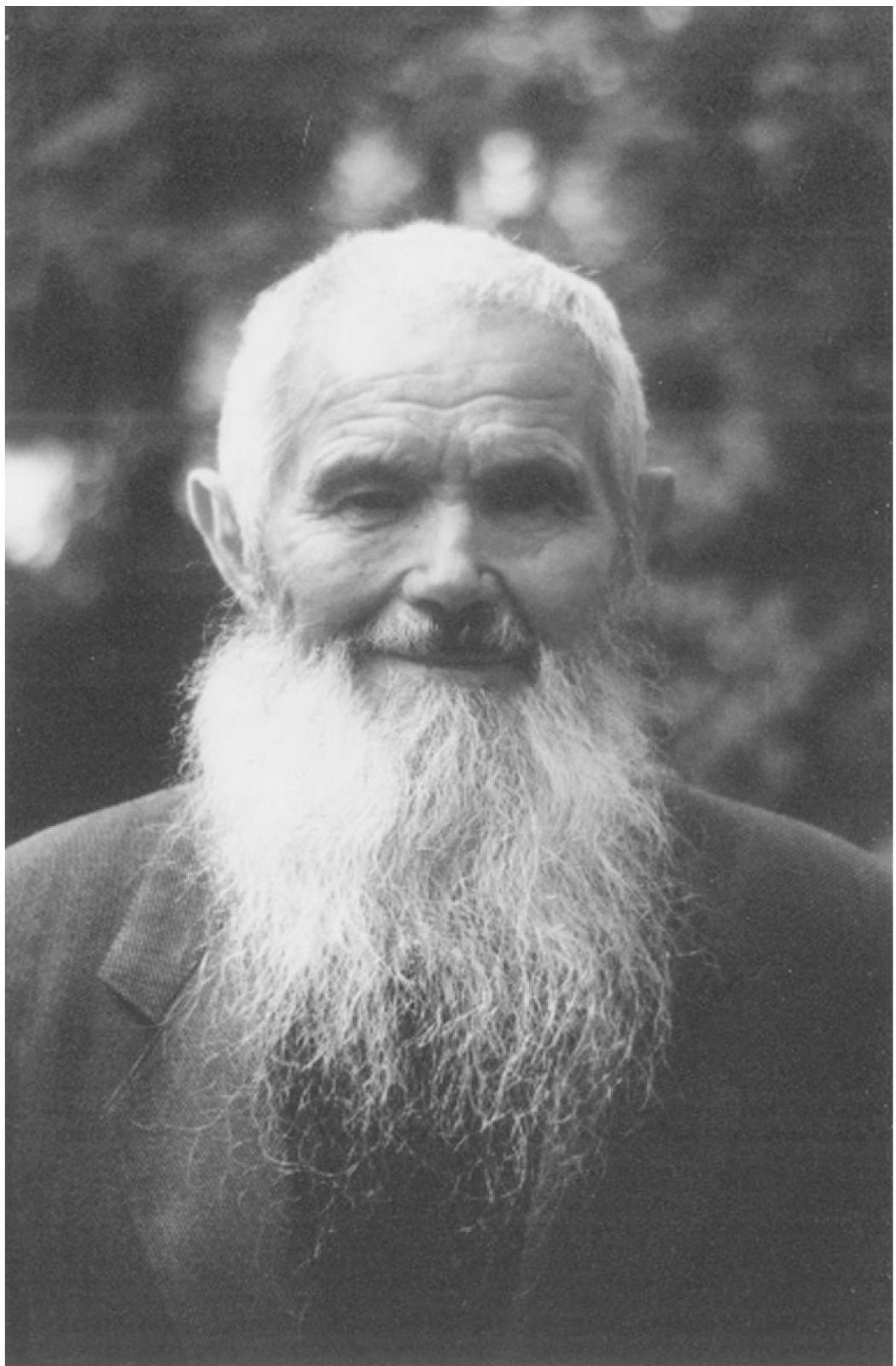
Все авторские права этой книги принадлежат Закарпатской Церкви Божьей и перепечатка любой части книги воспрещается без специального письменного разрешения.

Copyright © 1998 Transcarpathian Church of God All rights reserved Printed in Ukraine

БВК 86.3

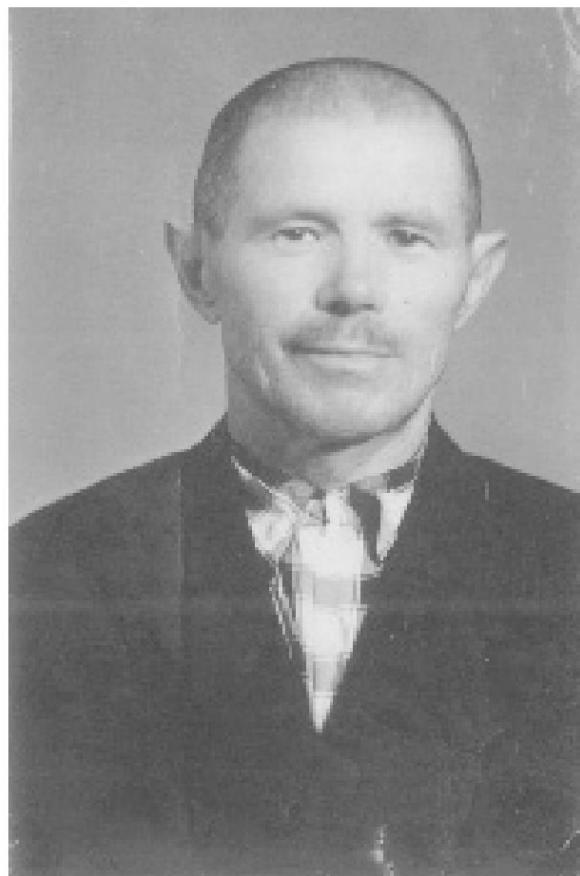
П 82

УДК 291.68

МИХАИЛ ПАЛЧЕЙ - 1993 г.

MIKHAIL PALCHEY - 1993 y.

1960 г.

1974 г.

1976 г.

1990 г. США.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга написанная Михаилом Палчеем посвящается его детям, внукам и родственникам, а также односельчанам и всем кто знал его в Закарпатье и других местностях, где ему пришлось побывать. Многие читатели этой книги, не знали его, и эта книга поможет им узнать о нем и его жизни.

Он был духовным лидером окружающих его людей. Биографический подход является одним из методов в поиске причины значения жизни. Михаил Палчей нашел значение не только в своей жизни, но он помог найти его многим сердцам верующих Закарпатья, а также всем тем, кто его знал, чтобы и они стремились к тому к чему стремился он. "Но они стремились к лучшему, то есть к небесному, посему Бог не стыдится их называя Себя их Богом..." (Епр.11:16).

Всё что написанное в этой книге происходило в действительности. Описываемые события, переживания и поступки обусловлены личностью Михаила Палчая, и принципами, которыми он руководствовался в своей жизни, и которые являются вечными и неизменными для всех поколений. Поэтому эта книга будет полезной всем, кто ищет причину для оптимизма в своей жизни, утверждая свое мировоззрение на реальности мира, ища наилучший выход в создавшейся ситуации.

Мы благодарим всех, кто помогал нам в выпуске этой книги. Когда Михаил Палчей жил в Закарпатье, все любили слушать о событиях, которые произошли в его жизни. Многим хотелось сохранить память об этих событиях. Пытались записывать его рассказы на магнитофон, но всё как-то не удавалось довести это дело до конца. По приезде в Америку у него появилось много больше свободного времени, и он решил написать книгу о некоторых событиях в своей жизни. Первая рукопись под диктовку Палчая была написана его дочкой Анной во Флориде. Позже в рукописи делались добавления и исправления, в результате получилась эта книга.

Палчай не увидел выхода в свет своей книги. 3 Августа 1997 года, он отошел в вечность, но он оставил добрую память после себя.

Пусть Бог благословит всех читателей этой книги, чтобы и они оставили добрую память после себя, как оставил ее для нас Михаил Палчай.

Глава 1

ИСТОКИ

Я родился в селе Рокосово в 1910 году. В то далекое время наш регион назывался Прикарпатская Русь, которая находилась под управлением Австро-Венгерской империи. Это был красивый природный край с невысокими, старыми Карпатскими горами, поросшими смешанным лесом. По каменистым прохладным горным склонам стекали зеркальные ручьи, неся свои воды на просторные, светлые равнины, где сливалась, уже за селом, в большую и быструю Тиссу.

Места эти были очень красивые, но люди там жили в тяжелых и трудных условиях. Мои родители были простыми землеробами. Они имели небольшое состояние, а основным богатством тогда считалась земля. Наша семья имела несколько участков земли в разных частях села, всего около гектара. Это была буро-каменистая земля, которую было очень тяжело обрабатывать. Земля требовала удобрения, но урожай приносил очень скучный. Бывали годы, что мы сажали два мешка картошки, а собирали только один, да и то очень мелкой. Основным продуктом питания для нас была кукуруза. Это был наш хлеб, это было наше богатство.

Мы также имели крытый соломой небольшой деревянный дом, размером где-то три на четыре метра, с двумя маленькими окошечками. Внутри дома помещались три деревянные кровати, на которых лежала солома, прикрывавшаяся жёсткими конопляными простынями. Здесь же были большая печка и стол. Пол в доме был глиняный. Когда в нем возникали ямы, мать замазывала их красно-коричневым, глиняным раствором.

Не хватало одежды и обуви. Мы ее делали сами. Чтобы сделать материю для шитья одежды, мы засевали поле коноплей, которая в плохом грунте рости не хотела, а росла только в хорошо прогноенном. Когда конопля вырастала, ее вырывали из земли, но не всю сразу, - сначала вырывали более высокие бесплодные стебли, которые назывались "Белые конопли." Через две недели рвали и другую, оставшуюся с семенами коноплю, которая называлась "Зеленые конопли." После этого конопля сушились, а затем ее надо было положить мокнуть в воду на неделю. Белую коноплю после сушки сразу же ставили в воду мокнуть, а из зеленой еще надо было выбить семена, после чего можно было также класть отмокать. Через неделю коноплю вынимали из воды и вновь сушили. Затем ее перетирали на тернице. Это было специальное приспособление, сделанное из двух досок, между которыми был небольшой промежуток для доски с острым ребром, - она-то ходила между ними, перетирая коноплю. После терницы конопляная солома делалась похожей на прядево. Это прядево надо было еще очистить от твердой сердцевины, которая была в стеблях и называлась "паздирья." Прядево очищали на "щити", - доске, в которой ровными рядами густо были набиты гвозди. По гвоздям ударяли прядевом и тянули на себя.

Длинные пряди, что отрывались и были около метра длиной, называли "повисом". Это был первый сорт. Когда "щить" забивалась прядевом, его начинали выдергивать руками, - это прядево называлось "мыканница". Оно было вторым сортом. Всё остальное прядево, остававшееся на щити, вынимали палочкой. Это прядево называлось "клоча" и было третьим сортом. Всю эту пряжу нужно было перепрясть в нитки. Из первого и второго сорта прядева делались тонкие нитки, а из третьего сорта - толстые. После этого нитки мотались на мотовила восьмеркой. Оттуда их осторожно снимали и, чтобы не спутать, связывали в двух концах, а затем ставили в специальный бочонок, который назывался "зваряльницей." Бочонок этот имел отверстие внизу. Его ставили на большую деревянную посуду, которая называлась "Дейжа." Когда зваряльница была набита полностью нитками, ее накрывали простыней. На простынь насыпали древесной золы и поливали сверху кипятком. Воду, которая вытекала снизу в дежжу, выливали в котел, кипятили и снова заливали в зваряльницу, и так целый день. На другой день обработанные таким образом нитки несли мыть в речку, после чего они делались белыми. После этого их сушили и мотали в клубки. Тонкие нитки сновали на сновальне, откуда их снимали и закрепляли на ткацком верстаке в длину. Толстыми нитками ткали поперек, и таким образом получалось полотно.

Вся эта работа требовала умения, терпения, приносila немало мучения и занимала много времени. Так как весна, лето и осень были заняты работами по хозяйству и на земле, то этими работами занимались зимой. Делали ее в основном женщины вечерами при тусклом свете каганчика. Каганчик изготавлялся из сырой картошки следующим образом: в небольшое углубление, вырезанное в картошке, заливалось масло, в которое ставили кусочек шерстяной материи, чтобы она медленно тлела долгими зимними ночами, давая слабый свет. Иногда люди собирались группами, - сколько вмещалось в чьем-нибудь доме. Весело крутились веретена, убавлялась пряжа, не уставали говорить языки, звучали людские голоса. В такие вечера можно было о многом переговорить, поспорить, спеть. Сходились люди и постарше, они знали много страшных историй про, ведьм и о другой дьявольской силе. Приходили и молодые люди, - послушать, повеселиться, испытать чувства молодости и любви. Как бы ни складывались условия жизни, люди жили, строили свою судьбы.

Одно время мой отец работал у еврея, который имел каменный карьер за нашим селом. Там дробили молотками большие камни на крупный щебень. Потом этот щебень нагружали в железные корзины и грузили в вагон-узкоколейку. Работа была изнурительная и страшно тяжелая, но зато можно было что-то заработать.

В то время грамотных людей было очень мало, но отец знал немножко грамоты. Он учился три года в Повче на дьяка. Однажды во время учебы он увидел, что их игумен-учитель, которому нельзя было жениться, наведывается к одной женщине. Выбрав время, когда отец был наедине с игуменом на кухне, он его спросил:

"Пан отец! А вам можноходить к какой-нибудь женщине?"

От этих слов игумен пришел в такую ярость, что схватил с печки горячую сковороду и бросил ее в отца с такой силой, что мог его убить. Но отец успел уклониться, сковорода ударила о каменный пол и рассыпалась на куски. Отец выскочил на улицу в чем был одет на тот момент, и убежал. На учебу он больше так никогда и не возвратился. Хотя из-за этой науки отец чуть было не поплатился жизнью, но дома она принесла ему пользу. Еврей - хозяин сделал его управляющим над всем производством каменного карьера. Он вел учет телег, которые подвозили камень для дробильщиков, учет груженых вагонов и учет другой работы, какую там выполняли. Всю информацию о работе он давал хозяину, а тот начислял деньги рабочим, кто сколько заработал. Когда отец начал работать в карьере, наша семья стала жить немного лучше.

Мой старший брат Петро начал ходить в школу. У него были две книги: букварь и читанка, а также грифельная досточка, чтобы писать. С этими книгами и грифельной досточкой проходил школу и мой другой старший брат Иван.

Мои родители были греко-католиками, иначе называемые униатами. Они очень строго держались своего вероисповедания. Нас, детей, также строго воспитывали по всем обрядам этой религии. С раннего детства учили молиться и водили в церковь. Жизнь была трудная и тяжелая, но мы молились Богу и верили, что Он даст нам лучшую долю. Но стало хуже.

В 1914 году началась Первая Мировая Война, и моего отца забрали на войну. Мать осталась одна с пятью детьми. Самому старшему Петру было четырнадцать лет, Ивану - десять, Марийке - шесть, мне - четыре, а самой младшей сестре Анне - один год. Наступило трудное, голодное время, особенно для нашей семьи. Чтобы не умереть с голоду, нужно было обрабатывать землю. Зимой были нужны дрова. Мать говорила:

"Принесите дров - дам хлеба." Тогда мы бежали в лес и несли по вязанке дров. Мать за это отрезала нам по куску кукурузного хлеба. Поскольку не у всех из нас была обувь, то и не все могли далеко отходить от дома, особенно в большой снег. У кого были постолы, тот был счастливый. Другие дети имели только башмаки из мягкого дерева, сверху которого был прибит кусок кожи по размеру ноги. Зимой в этих башмаках можно было выбежать на огород по нужде. Да и то, если был большой снег, то ноги быстро замерзали. Для матери было особенно плохо, когда зимой нужно было идти полоскать одежду в прорубь. Она брала с собой горячую воду и, когда ее руки деревенели в

холодной воде, отогревала их в теплой. После такой стирки руки были красные, как огонь. Так в борьбе с трудностями, голодом, холодом проходил год за годом.

В конце войны на малое время территорию нашего села заняли румынские войска. В последний день перед отступлением они решили сжечь наше село. Отступать румынские войска должны были ночью и тогда же хотели совершить это дело. Но, когда наступила ночь, началась сильная буря. Сверкали молнии, гремел гром и лил сильный дождь. В ту ночь делали поминки по одной женщине, и тут же, на поминках, молния убила другую женщину. Божья рука не дала румынским военным совершить свое злодеяние. Утром их уже не было.

В 1918 году закончилась война, но отец не возвращался. Наша Прикарпатская Русь перешла под управление Чехии. Отец пришел в 1920 году. Во время войны он попал в русский плен. Его отправили работать в Харьков на большой металлургический завод. Там с ним случилось несчастье. Однажды, когда большой кран поднимал какую-то тяжелую металлическую заготовку, эта заготовка сорвалась и упала отцу на ногу. Ему оторвало два пальца, и он пришел домой инвалидом. Дома он болел и ослаб настолько, что работать почти не мог. По возвращении отца родился мой младший брат Андрей. Дома отец прожил года два и умер. Вскоре, уже после его смерти, от него родилась сестра Юля.

В это время мой старший брат Петро начал работать в карьере. Мы стали жить лучше. Вскоре после смерти отца моя старшая сестра Мария заболела тифом. Она промучилась неделю с высокой температурой и умерла. От умершей сестры мне остались ее постолы, в которых позже я начал ходить в школу.

В нашем селе в то время были две школы. Одна государственная, а другая церковная. Я пошел в церковную. Мне тогда исполнилось двенадцать лет. В церковной школе учил один дьяк. Когда я пришел в школу, дьяк спросил мое имя, фамилию и дату рождения. Потом спросил:

"У тебя есть букварь, и на чем ты будешь писать?" Я вынул из котомки грифельную досточку и читанку брата, на которой не было обложек и не хватало нескольких листков спереди и сзади. Букваря у меня не было. Дьяк посмотрел и сказал:

"Грифельная досточка у тебя хорошая, а эта книга тебе не годится.»

"Я могу читать и из этой," - ответил я.

"А ну, читай здесь," — указал дьяк на первый лист читанки. Я начал читать.

"А! Ты здесь выучил всё наизусть, - перебил меня дьяк. - Я тебе открою в другом месте." Он открыл середину книги. Я стал читать и там.

"Хватит, иди садись," - сказал дьяк.

В школе выбрали двух учеников, которые будут ходить в церковь на один час каждый день. Я вдвоем с одним одноклассником стал ходить читать молитвы: "Верую" и послание к Филиппийцам, четвертую главу. Потом выбрали еще двух учеников для посещения церкви. Нас четверых стали называть "Церковными министрами." По праздникам нас одевали в длинные белые одежды с желто-

золотистыми воротниками и перепоясывали поясами такого же цвета. На головах у нас были красные колпаки с крестами. Мы вчетвером с горящими свечами шли впереди. За нами шел дьяк с большим Евангелием в руках. Сзади него шел священник, а за ним уже весь народ. Из церкви мы выходили во двор и обходили ее вокруг. За один такой обход три раза все останавливались. За каждой остановкой священник читал два, три стиха из Евангелия, которое держал дьяк. Потом все заходили в церковь, а мы четверо проходили в священническую комнату. Трое из нас там переодевались и выходили, а я оставался со священником. Я Зставил в кадильницу жар, раздувал его и добавлял туда ладан. Священник брал у меня кадильницу и, размахивая ею, шел между народом. Из кадильницы выходил дым с приятным запахом. После этого священник заходил в свою комнату и отдавал мне кадильницу. Я высыпал из нее угли иставил ее на свое место. Затем священник брал чашу и вливал в нее вино, а я добавлял в вино немного воды. Священник этим вином причащался. Затем он вносил в церковь книгу, а я нес впереди него свечу, которая называлась "Троица." Он ставил книгу на стол, а весь народ подходил по очереди ее целовать.

Я продолжал ходить в школу, но дьяк нас ничему не учил. В класс он приходил пьяный. Склонит голову на стол и говорит:

"Палчей, иди задавай задачи." Я шел к доске и писал задачи, а он в это время засыпал. Когда все задачи были написаны и списаны с доски, в классе делался шум. Дьяк просыпался и спрашивал:

"Что такое?"

"Всё, все задачи написаны," - отвечал я.

Дьяк видел, что я знаю всю эту науку и часто посыпал меня в соседнее село Копаню на почту. Пока я шел пешком четыре километра туда, а потом обратно, занятия в школе заканчивалась. Так я проучился полгода.

Однажды в наш класс пришел директор двух наших школ. Так как я сидел за первой партой, то он попросил меня читать. Потом спросил еще таблицу умножения. Я начал быстро считать:

- Два, четыре, шесть, восемь и так дальше. Когда я начал считать умножение на шесть, он остановил меня:
- Хватит, хватит. Потом проверил и других учеников. А когда уходил, то сказал мне:

"Соберешь все, что у тебя есть, и пойдешь завтра в государственную школу, во второй класс." Так за один год я окончил два класса. Школу все заканчивали в двенадцать лет, но кто хотел, тот могходить в повторную школу еще один год. Но я не захотел, я желал идти работать.

В это время мой брат Петро начал работать управляющим карьера, как наш отец. Я его очень просил взять меня работать в карьер. Сначала Петро не хотел, но потом все же согласился. Так в тринадцать лет я начал работать в карьере. Дробить молотком камни я мог наравне со взрослыми, поэтому брат подвозил мне камни, что были помельче. В это время вагоны в карьере уже начали загружать деревянными тачками. Полную тачку я везти не мог, поэтому грузил только половину тачки щебнем. Грузить двенадцати-зубчатыми вилами для меня тоже было очень тяжело. На обед я брал с собой кусок кукурузного хлеба и луковицу, и с таким питанием грузил вагон. Один старый человек, увидев, что я могу заработать столько же, сколько и он, пришел к моему брату и говорит:

"Петро, я вижу что ему очень тяжело грузить, но мы можем работать с ним на пару. Он будет дробить, а я могу грузить." Брат согласился, и я стал работать с этим старым человеком. Теперь мы вдвоем могли заработать столько же, сколько зарабатывали и другие рабочие в карьере.

В карьере я работал до тех пор, пока Петро не уехал во Францию на заработки (многие Карпатские люди шли работать, на время в другие страны). Из Франции он вернулся через два года и хотел жениться на девушке, с которой давно дружил. Но мать не желала, чтобы он женился на этой девушке. Она говорила Петру, что эта девушка болеет туберкулезом. Брат снова уехал во Францию.

Я пошел работать в карьер, что был расположен на другом берегу Тиссы, в селе Кирайгазо. Здесь мы работали по трое человек на погрузке одного вагона. Когда с нами работали еще двое человек, мы могли загрузить два вагона в день по десять тонн каждый.

Прошел слух, что на дорогах можно заработать больше и легче, чем в карьере. Мы собрали бригаду из нескольких человек и пошли работать на дорогах. Здесь и впрямь можно было заработать больше, а работать было легче. Мы дробили камень прямо на дороге и его не надо было никуда возить, а только сделать кагат для сдачи инженеру. Если в карьере можно было заработать двадцать крон в день, то здесь нам выходило по тридцать.

С приходом чешской власти в наш регион условия жизни наших людей во многих отношениях изменились к лучшему. Начали строить дороги, мосты. Даже одна или две машины в день стали проезжать по дороге за селом. В магазинах можно было купить рис, сахар и другие продукты. Стало возможным купить одежду фабричного изготовления, нитки, керосин для ламп и многое другое. Даже начал ходить пассажирский поезд, но на нем редко кто ездил, - люди экономили деньги. Одна поездка в ближайший город Хуст стоила одну крону. Поэтому люди считали за лучшее пойти пешком в город, а это десять километров в один конец. В то время за одну крону можно было купить килограмм кукурузы; корова стоила тысячу крон, а участок земли в шестьдесят соток стоил восемь тысяч крон.

Так в трудах, в борьбе за жизнь и существование я взрослел, набирался сил, опыта. Так проходили годы моего детства и юности.

Глава 2

БЛАГАЯ ВЕСТЬ

Когда мне исполнился двадцать один год, я задумал построить себе дом размером восемь на четыре метра и с крыльцом спереди. Для дома нужен был дуб. Я подсчитал, что для моего дома необходимо сто двадцать дубовых заготовок длиной четыре метра и не менее тринадцати сантиметров в диаметре. У нас был свой собственный лес, одна восьмина, далеко за селом, рядом с церковным лесом. Наш лес был буковым, некоторые деревья в нем достигали метра в диаметре, о для моего дома такие деревья не годились. Когда наступила зима, я пошел заготовлять дерево для дома в государственный лес. Нужно было идти около двух километров по равнине и еще километр в гору. После того как я рубил дерево, я снимал с одной стороны ствола кору, чтобы оно лучше скользило по снегу. Затем я вбивал клин с одного конца дерева, цеплял на него цепь и тащил за собой. Для основания дома нужны были большие деревья по тридцать сантиметров в диаметре, они назывались "протесами," потому что их надо было тесать с четырех сторон. Такое дерево я сам тащить не мог, и потому звал на помощь своих друзей. Позже для всех, кто мне помогал, я купил самогона и сделал угощение. В то время люди были очень гостеприимны и любили помогать друг другу. Позовешь двоих, а собирается десять человек. За одну зиму я натаскал бревен на целый дом. Весной позвал мастеров строить. Когда сруб с крышей были готовы, то для полов (первый слой) я навозил камня, а сверху присыпал глиной. Так у меня появился свой дом.

Каждое воскресенье я устраивал в новом доме бал. Мы звали пару музыкантов, сходилась молодежь потанцевать, приходили люди и постарше полюбоваться на молодых. Принесли выпивку, и до поздней ночи дом гудел: веселились люди. Так мы проводили свои воскресные дни.

В то время жизнь стала более активной и интересной.

Появились газеты, стало много политических партий. В городе Хусте проходили митинги и демонстрации, на которых коммунисты вместе с социал-демократами кричали:

"Евреи вон! Чехи вон! Хлеба давай! Работу давай!"

Богатые и знатные люди города сидели на балконах и только усмехались, глядя на все это. Проводились выборы в парламент. Кто был грамотный, знал за какую партию голосовать. Неграмотные люди спрашивали у других, за кого им голосовать. Во время выборов, раздавали по двадцать две карточки с кандидатами. Неграмотные загибали уголок на карточке того кандидата, за которого им советовали голосовать.

Я продолжал работать на дороге. У нас была своя бригада из девяти человек. Со мной в бригаде работал мой сосед Николай по фамилии Павлий. Он был моим сверстником и лучшим другом. Николай решил жениться на девушке по имени Анна. На свадьбу старшая сестра Анны подарила ей Евангелие. Сестра Анны Вилма Галас со своим мужем уже читали Библию. А после свадьбы начала читать Евангелие и жена Николая. Она читала тайком, прячась от мужа. Когда Николай узнал об этом, он был сильно рассержен на Анну за то, что она читает какую-то американскую книгу. Он хотел порвать книгу на кусочки, но Анна книгу спрятала. Николай начал ругать жену, даже бил ее за это. Так как я был лучшим другом Николая и его самым близким соседом, то, видя эту ситуацию, поощрял и хвалил Николая за строгость к жене:

"Правильно, Николай, делаешь, на твоем месте я поступил бы так же. Они в нашу церковь ходили, а теперь оставили свою веру." Всех, кто читал Библию, мы сильно осуждали. Но в 1932 году начал читать Евангелие и сам Николай, да еще стал посещать Вилму. Она уже много знала из Евангелия, и у них создалась маленькая община из нескольких человек. Николай был новичком в этой общине. Однажды он решился и позвал собрание в свой дом. На это собрание он пригласил и меня. Но когда Николай ушел, я собрался и сразу же пошел к моему другому соседу Петру. Он также был моим другом.

Петро был очень сильный и здоровый парень, он никого не боялся в нашем селе и мог побить любого. Я пришел к нему со зловредным планом в голове.

"Петро, ты знаешь, что у Николая завтра будет служение, там будут все, кто отступил от нашей веры. Давай пойдем на это служение и покажем им, как оставлять свою церковь и веру." Петро согласился, но сказал:

- Драку начнешь ты.
- Конечно, начну.

На другой день, когда все собрались, мы зашли в дом Николая. Там уже сидел один из американских миссионеров. Когда нас увидели, все начали приглашать нас ближе к столу, где сидели мужчины. Присутствующие стали петь из Псалтыря. Служение началось. Затем кто-то сказал:

"Станем на колени и будем молиться." Все преклонили колени для молитвы. Только мы с Петром не знали, что нам делать. Становиться на колени мы не хотели, но и стоять было стыдно. После колебаний преклонили колени и мы. Собравшиеся стали молиться, но не из церковных молитв, которые я все знал наизусть. Когда молитва закончилась, все встали, и кто-то прочитал места из Библии, а затем начал говорить миссионер. Я не знал, что они читали, но мне заполнились такие слова: "И спрашивал его народ, что нам делать? Он сказал им в ответ: "У кого есть две одежды, дай не имеющему, у кого есть пища, делай то же". Спрашивали Его также воины: "А нам что делать?" Он сказал им: "Никого не обижайте, не клевещите и довольствуйтесь своим жалованием." Я до этого никогда не читал Библию, и эти слова слышал впервые. Миссионер проповедовал на эти слова целый час. Когда он закончил, то сказал: "Будем молиться," - и все снова преклонили колени для молитвы. В конце молитвы миссионер молился такими словами: "Господь, благослови тех, кто желает сделать нам зло." После этих слов мои руки опустились, эти слова я принял на себя. Когда молитва закончилась, все стали разговаривать между собой. Петро толкает меня в бок:

- Начинай драку. Я молчу. Он вторично толкает:
- Начинай драку, чего ждешь?
- Выйдем во двор, я тебе что-то скажу.
- Да ты сюда не рассказывать пришел, - ответил он. Мы вышли во двор.

- Не могу начинать драку, - ты слышал они за нас молились. Петро плонул на землю, махнул рукой.
- Дурак ты, Михаил, - и ушел домой, а я пошел к себе. На другой день, встретившись с Николаем, я стал сильно его ругать и унижать разными плохими словами.
- У вас плохая религия, вы не признаете папу Римского, а он сидит на престоле апостола Петра. Наших священников вы тоже не признаете, в нашу церковь не ходите, не креститесь, даже шляпу не снимаете перед распятием Христа. Так многими доказательствами, которым я был научен, я старался доказать Николаю. Но Николай мне ответил:
- Если бы твоего единственного сына распяли на кресте, то ты бы этот крест обожествлял и кланялся ему?
- Я бы этот крест не хотел никогда больше видеть. Дальше Николай сказал:

"Я человек неграмотный, да я еще и не много знаю из Писания, и я тебе не могу всего объяснить. Ты же знаешь грамоту и знаешь все церковные обряды, и ты бы мог доказать любому человеку. На следующее воскресенье у нас будет большое собрание в городе Севлюш, и ты можешь пойти со мною туда. Там будут наши братья, и ты сможешь им все доказать. Если ты им докажешь, то они тебя послушают и оставят эту веру."

Спор с Николаем я продолжал ежедневно, но когда пришло воскресенье, мы собирались и пошли в Севлюш. Этот город находился в шестнадцати километрах на Запад от нашего села. Пока мы дошли

пешком, то весь двор был заполнен народом. Служение началось с молитвы. Затем один за другим стали говорить проповедники. Николай сразу, как мы пришли, подошел к главному из них.

- Здесь со мной пришел один юноша. Он хочет доказать, что наша вера неправильна. С ним нужно поговорить, чтобы он уверовал. Если он уверует, полсела нашего тоже уверует. Руководящий сказал:

"Хорошо, после собрания подойдите ко мне." Когда первый проповедник начал проповедовать, я подумал: "Этот знает больше, чем наш поп." Второй за ним говорил, еще более проявив знания в премудрости слова. Когда проповедники говорили, то я понял, что этим проповедникам не сможет доказать ничего и наш священник. Когда закончилось собрание, я потихоньку, между народом пробрался на улицу, оставив Николая, и пошел домой. Николай искал меня, но не нашел. Потом он пришел ко мне домой.

- Где ты был? Я тебя искал. Эти люди хотели с тобой разговаривать, а ты меня оставил.

- С ними я бы не смог говорить, они очень научены. Николай спрашивает:

- А как, хорошо они говорили?

- Для себя они говорили хорошо. Они выбрали из Библии все то, что им подходит, а что нам подходит, оставили. Если бы я читал Библию, то я бы им доказал.

- А ты хочешь читать эту книгу?

- Да, хочу. Через минуты две Николай приносит мне новенький американский Новый Завет.

- Это тебе подарок, читай и будешь иметь счастье в жизни. Я побежал домой и принес листочки, что остались от отцовской книги. Я хотел проверить, точно ли это Евангелие, нет ли разницы между ними. Николай нашел мне то место, что было у меня на листке, и тогда я поверил, что это точно Священное Писание.

Я начал читать Евангелие. Читал его ночами, а днем работал. Я читал очень много, но почти ничего не понимал. Однажды Николай приходит и спрашивает:

- Сколько ты прочитал?

- Я читаю по пятнадцать глав за вечер.

- Ты читай одну главу пятнадцать раз, тогда уразумеешь. Он мне разъяснял многие места, которые он знал, и я начал понимать больше. Потом он мне сказал:

"Когда ты начинаешь читать, то помолись, и Бог даст тебе лучше понять, что ты будешь читать." Я так и начал делать, как он мне сказал. Я стал молиться на все молитвы, какие знал: "Отче наш", "Богородицу", "Верую" и другие. Чем больше я читал, тем больше я начинал понимать и знать Священное Писание. Сначала я говорил своей матери, о чем я читаю и чему я научился. Но мать начала меня ругать.

- Ты, юноша, оставь эту книгу, тебе сначала надо жениться, а потом такие книги читать. Такие книги может читать только священник, а простым людям их читать нельзя. Мои друзья по работе тоже начали меня упрекать. Брат Иван и другие говорили мне:

"Оставь ты всё это."

Но больше всех старалась меня переубедить мать.

"Сын, оставь читать эту книгу. Если священник узнает, что ты ее читаешь, что ты ему объяснишь?" Над этими словами я задумался. Я знал, что если он узнает, что я читаю Евангелие, то наша дружба с ним порвется. А мы были с ним большими друзьями.

Вскоре женился мой брат Иван. Его жену звали Анна. Они перешли жить в другой дом.

Я продолжал устраивать балы в моем новом доме и старался заглушить мое внутреннее томление души танцами, выпивкой с друзьями. Как я ни старался отогнать эту тягость с души, она не уменьшалась, а, наоборот, увеличивалась. На протяжении долгого времени я переживал эти мучения. Но, наконец, я понял, как от них избавиться. И я решил от них избавиться. Как-то в воскресение, когда мои друзья собрались на танцы, и, как обычно, принесли с собой бутылку водки, мы вышли во двор и разлили водку по стаканам.

- Ты, как хозяин, то тебе первому. Но я ответил, что пить не буду. Все сразу спросили:
- Почему, что случилось? Сначала я хотел скрыть.
- Настроения нет.
- Когда выпьешь, то настроение сразу появится. Тогда я решил всё им открыть.
- Я читаю Новый Завет, а там написано: "Пьяница Царства Божьего не наследует." Все в один голос засмеялись.
- Ты молодой о царстве думать, пусть старики о нем думают, а мы должны веселиться. В этот вечер я уже не танцевал. Целый вечер просидел, а когда закончился бал, я встал и сказал:

"Ищите себе другой дом, потому что в моем доме танцев больше не будут никогда.

Эта весть пронеслась по селу как пожар. Все стали говорить, что я читаю Новый Завет. Но в церковь я продолжал ходить еще на протяжении долгого времени. Я не мог расстаться со священником. Священник знал, что я читаю, но мне ничего не говорил. Однако слух о том, что в нашем селе много людей начали читать Библию, дошел до греко-католических миссионеров. В одно воскресенье в наше село приехал греко-католический миссионер по имени Скыба. Он собрал людей в церковном дворе и начал свою проповедь.

- У одной вдовы был сын, и мать всегда учила его читать перед сном молитву Пречистой Девы Марии "По твою милость." Каждый день она заставляла его молиться, пока он не подрос. И однажды сын вдовы говорит:
- Мать, я поеду на заработки с друзьями.
- Иди, сынок, только не забывай молиться "По твою милость". Он ушел из дома матери и нашел себе плохих друзей. Однажды они совершили убийство. Их поймали и посадили в тюрьму, а после осудили на смертную казнь. За день перед казнью в тюрьму пришел священник, чтобы они

исповедались и причастились. Но сын вдовы не хотел исповедоваться. Священник просил его три раза, но он отказался. Тогда священник, уходя, сказал:

"О! Ты, окаянный грешник, хотя помолись "По твою милость." Сын вдовы вспомнил слова матери и сказал:

"Я хочу исповедоваться." Когда он исповедался и причастился, ему на душе сразу стало легче. На другой день их всех ведут в поле казнить. Сын вдовы увидел икону Пречистой Девы Марии и говорит судье:

"Отпустите меня в последний раз помолиться перед иконой Пречистой Девы Марии." Когда он пошел и стал молиться, икона его обняла и говорит:

- Мой отец тебя простил, Сын мой тебя простил и я тебя прощаю. Судья услышал эти слова и говорит:
- Если Бог тебя простил, Иисус и Матерь Божья простили, то и мы тебя прощаем.

После рассказа этого миссионера я понял, что это обман, и мое отношение к церкви стало еще более противоречивым.

В это время моя младшая сестра Анна вышла замуж за одного хлопца из нашего села по имени Таврило. Они начали строить дом напротив дома моего дяди Василия. Я пошел им помочь. В то время дядя был помощником председатель села села. Он увидел, что я работаю у сестры, пошел и позвал председателя села села к себе. Потом они пришли к нам, где мы работали, и председатель говорит:

- Михаил, мы хотим с тобой побеседовать. Ты мудрее твоего отца?
- Нет.
- Ты мудрее миссионера Скыбы? Ты слышал вчера его проповедь?
- Я слышал не проповедь, а сказку!
- Бей себя по устам, ты согрешил! Тогда я пересказал им всё, что говорил Скыба, и спрашиваю:
- Что, это правда? Беров не знал, что ответить, а только сказал:

"Приходи вечером в церковь послушать другого миссионера." Вечером я пошел в церковь. Другой миссионер начал свою проповедь так:

Дорогие мои верники. Раньше было очень хорошо жить, когда смерть говорила, видела и слышала. В одно время Бог послал смерть к одной молодой женщине, у которой было много детей. Смерть пришла в дом этой женщины и говорит:

Я пришла забрать жену от мужа и мать от детей. Муж с детьми услышали слова смерти и стали громко плакать, усердно просить смерть:

"Оставь нам нашу мамочку, как мы будем жить без нее?" Смерть пожалела детей и оставила им мать. И сама себе сказала:

"Бог многомилостивый и долготерпеливый меня простит." Пришла смерть к Богу, а Бог ее спрашивает:

- Ты исполнила мое приказание?
- Нет, потому что дети очень плакали. Я знаю, что ты многомилостивый и долготерпеливый, меня простишь. Тогда Бог говорит:

"Отныне ты будешь немая, слепая и глухая." Миссионер продолжал:

- Так в наше время и происходит. Когда люди в поле слышат, как звонки звенят, то спрашивают друг друга:

"Кто умер? Кто умер?" Никто не знает, ибо смерть не трубит, кого губить. До этих пор я слушал, а потом вышел из церкви.

На другой день я снова работал у сестры. Приходят мой дядя с председателем села и спрашивают:

- Что ты, Михаил, скажешь на эту проповедь?
- Это тоже сказка. Этот миссионер говорил не из Библии. Где в Библии такое написано, что он говорил? - спросил я у них. Они не знали, что мне ответить, а когда уходили, на прощание сказали:
- Пропал ты, Михаил!

На другое воскресенье служение должно было быть у Вилмы Галас, и Николай пригласил меня. Я пришел на служение. Из гостей не было никого. Служение начали без молитвы. Сразу стали читать главу, в которой было написано: "В церкви Апостолов было все общее". Затем над этой главой начали рассуждать. На служении были богатые и бедные люди. Бедные говорят:

- В нашей общине тоже должно быть всё общее. А богатые отвечают:
 - Вы свое имущество пропили, а теперь уверовали для того, чтобы мы с вами делились?
- Разгорелся спор. Я сижу и думаю: "Больше на их служение я не приду, если их мысли двоятся на слова Священного Писания." Потом смотрю на одного человека, он молчит, не говорит ни одного слова, только смотрит на все, что происходит вокруг. Тогда я подумал: "А почему я не могу делать, как он? Буду приходить и буду молчать, как Седак, ни с кем не споря." После этого на собрании сделали небольшой перерыв. Мужчины вышли во двор перекурить, потом продолжили служение. Такими были у них первоначальные службы.

Но я никак не мог решиться, мои мысли двоились. Нужно было расстаться с церковью, и особенно мне жаль было расставаться с моим другом священником. Я знал наизусть все псалмы и усвоил, как проводить все церковные службы. Мы со священником проводили похороны, парастасы, панихиды и разные службы, а мне всё это очень нравилось.

Я продолжал читать Священное Писание, и многое из прочитанного запоминал. В 1934 году Николай пригласил меня на служение в село Копаню. Пресвитером там был один старишок. Он был в Америке и оттуда вернулся верующим. Мы пришли на служение, сели, а Николай начал о чем-то переговариваться с пресвитером. Я не слышал, о чем они разговаривали, но пресвитер заметил, что я новый в их собрании и, наверное, спрашивал Николая обо мне. Служение началось, пропели псалом, потом помолились, после молитвы начали читать главу из Евангелия, тринадцатую от Иоанна. После этого один старишок встал на проповедь, затем второй, после чего пресвитер говорит:

"А теперь скажет проповедь молодой юноша из Рокосова Палчей. Я как услышал эти слова, то хотел оттуда убежать. До этого я еще никогда, ни в каком месте не говорил проповедь. Я об этом и не думал. Я так растерялся, что не знал, что делать. Я весь вспотел, голова пошла кругом. Но все-таки я встал, набрался смелости и прочитал тридцать четвертый и пятый стихи из главы, которую читали в начале собрания. Там были написаны такие слова: "Новую заповедь даю вам, да любите друг друга. И потому узнают, что вы мои ученики, если будете иметь любовь между собой." И хотя Бог своим перстом написал Десять Заповедей на двух скрижалях прежде, однако Христос дал еще дополнительную Новую заповедь. И еще говорю: "Станем любить не словами и языком, но делом и истиной. "Ибо так Бог возлюбил мир, что отдал единородного сына своего, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную." Я еще несколько стихов сказал о любви и на этом закончил. Сел и думаю: Всё, больше моей ноги не будет на их служениях." По дороге домой говорю Николаю:

"Всё, больше на ваши служения я ходить не буду! Ты знаешь, как я перепугался? Я весь умылся в поту и не знаю, что я там на говорил.»

- Да ты слышал пресвитера? Такую проповедь, как ты сказал, никто из старших братьев не сказал. Так споря, пришли мы из Копани домой. Не знаю каким образом, но из Копани разнесся слух по всему региону, что в Рокосове уверовал молодой юноша и уже говорит проповедь.

После этого, где-то через месяц, в селе Ардове должен был быть брак. Николай пришел ко мне и говорит:

"Пошли, посмотришь, как у нас делают бракосочетание молодым." Хотя это было далеко, более двадцати километров от нашего села, и идти надо было пешком, я согласился. Собралось много народа: и молодых, и старых. Мне было интересно узнать весь порядок бракосочетания. Когда мы пришли, многие молодые люди желали со мной познакомиться, и мы отошли в сторону. На бракосочетание были приглашены и два американских миссионера, которые говорили проповедь. А потом пресвитер сказал:

"Еще скажет слово Божье брат из Рокосова Палчей!" Я испугался еще больше, чем в Копане: по всему телу выступил холодный пот, я не знал, где нахожусь, что со мной делается. Я не знал, что буду говорить, что говорят у них на бракосочетании. Но отказаться после того, как объявили мою фамилию перед таким множеством народа, для меня было бы еще большим позором. Тем более, что люди уже ждали, когда я появлюсь. Я стал пробираться через толпу к тому месту, что было подготовлено для проповедников. Хотя я был в большом страхе, но Бог меня укрепил и вложил в мои уста, что надо говорить, он дал мне смелость.

С тех пор я уже не боялся говорить проповеди. В нашем селе еще никто не говорил проповедь в сельской общине, служение проводили без молитвы. Если кто-то из гостей приходил на служение, то ему давали говорить проповедь. Однажды к Николаю пришел брат проповедник. Николай стал его просить, чтобы тот написал ему молитву, но проповедник ответил:

"Молитву не надо писать, что хочешь получить от Бога, о том молись и благодари за всё." Но Николай просил, чтобы он всё это ему написал. Проповедник написал ему короткую молитву, которую Николай быстро выучил, приходит ко мне и говорит:

"Михаил, я выучил молитву, и мы теперь будем начинать и заканчивать служение с молитвой." Служение было у Вилмы. Перед началом служения Николай встал и говорит:

"Братья и сестры! Служение будем начинать с молитвой." Хотя это была выученная молитва, но она была произнесена в первый раз в этом служении. Потом, как всегда, была прочитана глава из Священного Писания, а после чтения этой главы меня вызвали на проповедь. Это была моя первая

проповедь в нашем селе. На другой день, в понедельник, я пошел в лес за дровами. Когда я вышел на гору и зашел в густой лес, то преклонил колени для молитвы: "Господи, научи меня молиться! Я желаю тебе служить вовек!" После этих слов у меня потекли градом слёзы, уста наполнились словами молитвы. При этой молитве я чувствовал, что вижу перед собой Бога. Как долго продолжалась эта молитва я не знаю, но у меня было только одно желание, чтобы Бог не забрал от меня Его молитву. Возвращаясь домой, таща на себе дрова, я думал только о молитве. Дома я бросил дрова и сразу пошел к Николаю.

- Николай, я хочу молиться!
- А кто тебя научил, кто тебе написал молитву?
- Меня сам Бог научил молиться!

В нашей общине после этого служение Николай начинал с молитвы. Я же заканчивал служение молитвой. Иногда наоборот: я начинал служение молитвой, а он заканчивал. Так община начала возрастать духовно. Приходили новые члены. Уверовал мой брат Иван с женой. В бригаде, где я работал, тоже все уверовали, кроме одного человека. По мере того, как умножалась наша церковь, умножалась и радость в наших сердцах.

Мы стали знакомиться с братьями и сестрами из других общин. В селе Великие Лучки, расположенному за шестьдесят километров от нашего села, мы познакомились с братьями и сестрами во Христе. Их община называлась "Свободные Христиане." Они верили, что надо креститься в воде. Наша община называлась "Пророческий Свет." Мы не признавали водное крещение, умывание ног, преломление хлеба. Нас учили, что всё это надо понимать духовно, а не буквально. Креститься надо в духовной воде, о которой Христос говорил Самарянке, когда она просила у него воды: "Если бы ты знала дар Божий, и кто говорит тебе: "дай мне пить", то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую. А кто будет пить воду, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную." (Иоанна 4:10,14). В этой воде мы и должны креститься. О преломлении хлеба Христос сказал: "Я есмь хлеб жизни." Эти слова написаны в Евангелии, и нам нужно открывать Евангелие, словно мы ломаем хлеб. А что касается умывания ног, то люди тогда ходили босиком по песку и грязи. Когда же приходили в дом, устланный чистыми коврами, то, чтобы не испачкать ковры, им нужно было умывать ноги. А сейчас мы ходим обутыми и нам не нужно омывать ноги, а только очищать обувь. Мы с Николаем много рассуждали и много думали об этих вопросах. Мы всем интересовались и посещали много других общин в нашем регионе. Николай был моим самим искренним и любимым другом, ибо через него Бог призвал меня к покаянию. Но был период времени, когда мой друг тяжело заболел и никуда со мной ходить не мог. Мне стало трудно одному.

В том году собралась конференция в городе Севлюш. На ней присутствовали представители от каждой общины нашего региона. Здесь разъяснялось много вопросов из Священного Писания: как мы должны их понимать, и что нам следует делать, а что нельзя. Я сидел и все слушал, а в конце говорю:

"Я тоже имею вопрос! Нужно ли нам водное крещение или нет?" Один молодой представитель встал и начал разъяснять:

- Мы должны понимать это духовно... Он объяснял так, как мы и были научены. Но после него встал его родной брат и говорит:

"Ты это можешь проповедовать между нами! А как ты объяснишь это тому народу, который знает, что Иоанн крестил в воде на Иордане, где от него принял крещение Сам Христос, что сами апостолы

преподавали крещение? Он продолжал дальше: Нам не нужно запрещать креститься в воде, кто желает пусть крестится!" Я очень обрадовался этому ответу.

Придя домой, я сразу зашел к Николаю поделиться радостью. Я рассказал ему все, что слышал на конференции, и что решила конференция: Кто желает принять водное крещение, тому пусть не запрещают. Николай тоже этому очень обрадовался и говорит:

"Я желаю принять крещение, но не могу, так как я тяжело больной." Николай сильно загорелся этим желанием. Мы решили позвать одного пресвитера Михаила Федьку, и посоветоваться о нужде Николая. Когда пресвiter пришел, мы ему все рассказали. Он помолился и решил покрестить Николая в большом корыте в теплой воде. Николай был в очень тяжелом состоянии. После крещения пресвiter говорит:

"Нужно совершить преломление хлеба." Я его спрашиваю: "А мне можно участвовать в преломлении?"

- Нет, ты еще не крещенный в воде.
- Я тоже хочу принять крещение на речке, мы с Николаем об этом много думали и говорили. Тогда он допустил и меня. Вдвоем с Николаем мы участвовали в преломлении хлеба. Я тогда не думал, что эта "Вечеря Господня" с моим другом была первая и последняя. Через некоторое время мой любимый друг отошел в вечность. Он оставил молодую, любимую жену и маленькую дочку Иру, которой не было и трех лет. На похоронах был большой плач о нашем умершем брате. Я плакал и думал, что понес большую утрату. Николай был мне как отец, хотя он был только на три года меня старше. Он призвал меня ко Христу, на путь спасения, как когда-то апостол Андрей призвал своего брата апостола Петра. Так мы расстались навсегда с моим любимым другом.

Вскоре после этого Бог послал мне другого друга - Василия Палчея, с которым мы работали в одной бригаде. Позже Бог призвал мою сестру Анну и ее мужа Гаврилу ко спасению. Со своим шурином мы держали очень крепкую дружбу.

Глава 3

ТРУД

После Октябрьской Революции Россию покидали многие состоятельные, образованные люди. Они разъезжались по многим странам мира. Но некоторые из таких людей остались дома, они надеялись, что и при Советской власти смогут сделать свою карьеру. Но, прожив некоторое время при Советской власти, они увидели безнадежность своего положения. Однако для некоторых уже поздно было что-либо изменить. Другие, рискуя жизнью, тайно бежали через границу. Всё, что было на них, и было их имуществом. Так, спасаясь от репрессий красного террора и безисходного положения, много русских появилось в нашем kraе. Чешские власти относились к русским лояльно, признавая их образование, и гарантировали им равные права со всеми гражданами Чехии.

Мы работали в разных местах нашего kraя, везде, где строились дороги. Одно время начали работать у русского инженера по фамилии Якушев. Мы работали в городе Хусте. Здесь было много рабочих людей. Извозчики возили камень в телегах, а мы этот камень дробили на щебень. Другие за нами этот щебень разгребали, трамбую и ровняя дорогу. Потом все неровности на дороге присыпали песком, укатывали специальной каталкой, которую тянула лошадь. Другая лошадь возила воду в бочке, чтобы поливать песок для каталки. Так объединёнными усилиями и трудами людей и

животных строилась дорога. Над извозчиками инженер поставил двух людей, чтобы они вели учет телег с камнем. Но извозчики приносили водку и закуску для учетчиков, а те вместо одной телеги писали им две. Так получался непорядок в работе. Инженер, заметив в чем дело, поставил меня подписывать за каждую привезенную телегу камня. Я дробил камень и вел учет телегам. Нам, дробарям, платили от куба дробленного камня. Мы делали небольшие, метровой высоты, кагаты для сдачи инженеру. Принимал от нас эти кагаты другой инженер, помощник нашего главного инженера, тоже русский. Как-то я надробил кагат камня метр в высоту и три метра в длину. Инженер пришел принимать. Концы моего кагата были сделаны под углом, и инженер не стал замерять кагат с самого конца. Я увидел, как он меряет, и говорю:

- Это не правильно.
- Нет! Правильно, - отвечает он. Так мы с ним поссорились. Поскольку он не хотел со мной согласиться, я пошел к главному инженеру. Я знал, что в моем кагате было три куба, но так, как мерил инженер, выходило только два куба. Я пришел к главному инженеру, рассказал что случилось. Но он оправдал не меня, а своего помощника. Тогда я сказал и главному инженеру, что это неправда. Он не соглашался, и мы поссорились с ним. В конце разговора он сказал:
 - С сегодняшнего дня вы у меня не рабочий.
 - А вы мне не пан, - ответил я.

После этого я собрал бригаду, и мы пошли работать в село Чинадиево за семьдесят километров от нашего села. Здесь мы тоже работали на строительстве дороги, а на воскресенье приходили домой. Проработав здесь какое-то время, в одно воскресенье я пошел в село Копаню. Иду домой с горы, а мне навстречу несется грузовик. Проехав мимо меня, он резко затормозил, развернулся, оттуда выскоцил мужчина и начал мне кричать. Я обернулся и вижу, что это инженер Якушев. Когда я подошел, мы поздоровались, и он мне говорит:

"Будете работать у меня." Но я ответил, что перебрался на работу в Чинадиево. Он спросил, сколько я там зарабатываю. Я ответил. Тогда он сказал:

"Я плачу вам в два раза больше." Я подумал и согласился. Тогда он написал мне записку и сказал:

"Пойдете завтра в Вилок, найдете там пана Винникова и скажете, чтобы он взял вас на работу. Что он вам скажет, то и будете выполнять. Когда начнете работать, то узнаете в чем там проблема." Я пришел к пану Винникову, и он дал мне работу. Мне дали лопату, и я пошел разбрасывать и планировать глину на дороге. Когда я стал работать, то сразу увидел в чем здесь проблема. Глину для дороги возили только две телеги, а разбрасывали ее больше десяти человек. Разбросав глину, рабочие брали деревянные трамбовки и шли эту глину трамбовать. Они только улыбались от этой работы. Все делали вид, что работают. На эти две телеги вполне хватило бы и двух человек. Но я не вмешивался, что мне говорили делать, то и делал. После того, как глины навезли достаточно, извозчики начали возить камень. Здесь была другая проблема. На телегах у них было по два ящика, которые ставились один на другой. Два таких ящика считался один куб. Набрав два полных ящика камня, извозчики привозили его на дорогу, а пан Винников писал им один куб. Потом извозчики высыпали этот камень с телеги. Они высыпали верхний ящик на дорогу, а нижний оставляли полным, потом его накрывали пустым ящиком и снова шли грузиться. Но пан Винников ничего не видел, он считал кубы и смотрел в бумаги, сколько камня еще осталось привезти. И начисляя зарплату рабочим. Где-то через дня три приехал главный инженер пан Якушев. Он принес нивелир и стал проверять уровень дороги. Глядя в нивелир, он писал - первая ось столько-то, вторая ось столько-то. Так прошел он всю дорогу, записал все оси на бумагу. Потом зовет:

- Пан Винников! Идите сюда. Вы понимаете, что здесь написано? Пан Винников отвечает:
- Пан инженер, я на дороге все знаю, как должно быть, но на бумаге не знаю.
- Вы дурной, - кричит пан Якушев и плюет в его сторону. Потом зовет его помощника.
- Вы понимаете, что здесь написано?
- Так-то я понимаю, но на бумаге не могу.
- Вы дурной, - кричит пан Якушев и плюет в его сторону. Потом зовет меня и говорит:

"Вы все видите этого человечка? Без его разрешения вы не должны лишний шаг шагнуть." Так главный инженер возложил управление работой на дороге на меня. По бумагам главным считался пан Винников, потому что у него был диплом инженера, но теперь он помогал мне. Сделанную работу мы должны были сдавать частному инженеру пану Якушеву, а от него из Праги приходил принимать штатный инженер. Это был государственный заказ, поэтому работу от нас принимал штатный инженер. Через несколько дней, когда камня было навезено столько, сколько кубов было нужно по бумагам, пришли частный и штатный инженера принимать дорогу. Слой камня на дороге должен был быть толщиной в тридцать сантиметров, но здесь не было и пятнадцати сантиметров. Инженер Винников начал беспокоиться: что теперь будет? Я говорю:

"Ничего не будет. Вы их ведите в корчму, а после я буду сдавать." Я подошел к штатному инженеру и спрашиваю:

- Пан инженер! Через сколько метров вы будете делать замеры?
- На каждой оси, - ответил тот.
- Тогда я приготовлю ямы для замеров.
- Делайте. Пан Винников пошел с панами в корчму, а я с рабочими начал копать ямы. Я сказал рабочим, чтобы на каждой оси копали ямы глубиной в пятьдесят сантиметров. Когда ямы были выкопаны и заложены камнем по краям, я пошел в корчму за панами.
- Всё готово, можно идти принимать. Штатный инженер имел специальный щуп-линейку. Он положит этот щуп в яму на тридцать сантиметров и идет дальше. Я говорю:

"Пан инженер, глубже меряйте."

- Я вас не заставлял делать больше. Мы будем платить только за то, что должно быть. Так штатный инженер принял всю дорогу. Пан Винников не понимал, что случилось. Случилось чудо. После этого случая мы с Винниковым стали большими друзьями. Со мной также работал мой шурин Гаврило. Нас двоих Винников очень сильно уважал. Он тоже был русским и как-то тайно пересек границу. В России он учился на инженера, но не доучился. Уже здесь, в Чехии, закончил свое образование и стал работать. Теоретические знания у него были, но в практике он мало что понимал. Мы стали большими друзьями и с паном Якушевым. Он тоже нелегально с женой пересек границу. Он нам рассказывал, как он пересек границу. Якушев с женой пришли в одно село возле границы. Здесь он собрал детей, раздал им флаги, надавал и конфет и сказал:

"Если кто-нибудь будет вас спрашивать, куда идёте, скажете, на экскурсию, а это наши учителя." Так подошел он к границе, дети вернулись домой, а он с женой перешел через границу.

Глава 4

ВОДНОЕ КРЕЩЕНИЕ

В 1937 году у нас совершилось первое водное крещение на речке Тисса. Водное крещение приняли шесть человек: мой брат Иван, его жена Анна, Галас Михаил и его жена, Василий Поган и я. На другой год к нам пришли пять сестер из Копани, чтобы мы преподали им водное крещение. Я им говорю:

"Идите к своему пресвитеру и спросите его, допускает ли он вас к крещению? Если да, то принесите от него разрешение, и тогда вы можете принять у нас водное крещение." Они пошли к своему пресвитеру и пересказали все, что я им говорил. Их пресвитер тогда еще не верил в водное крещение, но когда они ему всё пересказали, он прослезился и сказал:

"Идите, креститесь во имя Иисуса Христа." Когда наши братья во Христе, с которыми имели общение, узнали, что мы крестились и другие у нас начали креститься, то они мне говорили:

"Ты погубил народ, ввел людей в заблуждение. Нам нужно идти вперед, а ты идешь назад. Ты оставил духовное, а нашел плотское." Когда проводились служения, меня вызывали на проповедь, и я вел тему о "Водном Крещении." За мной вставал другой проповедник и начинал читать Матфея 13: 3-8: "Вот вышел сеятель сеять: И когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то: Иное упало на места каменистые, где не много было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока: Когда взошло солнце увяло, и как не имело корня, засохло: Иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его: Иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, другое в шестьдесят, иное в тридцать." Потом проповедник объясняет: Ученики не понимали эту притчу, и Христос им разъяснил: "Сеятель есть Сын Человеческий, земля это люди, птицы - это сатана, который приходит и уносит посевенное из сердец." Так и в настоящее время у нас. Мы сеем доброе, духовное семя, но потом приходят те, которые погружают людей в воду, объясняют всё буквально. Они, как те птицы, клюют из сердец наших людей это доброе семя. Много пришлось перенести упреков. С большими усилиями и трудом распространялось водное крещение в нашем kraе. Но постепенно Бог открывал глаза и крестились многие, так постепенно все поверили, что водное крещение нужно.

Глава 5

ЖЕНИТЬБА

Когда мне было двадцать восемь лет, я решил жениться на одной красивой, молодой девушке по имени Юля. Она жила в селе Гетеня, в тридцати километрах от нашего села, на другом берегу Тиссы. Когда мы поженились, Юле было девятнадцать лет. В то время верующих было очень мало, а в Гетене только несколько семей. Когда мы совершали бракосочетание, всё село пришло смотреть, как у нас проходит свадьба. Многие говорили, -

- Что это за свадьба, без музыки, без танцев и без спиртного? Но многие одобряли:
- Это лучше, чем у нас: люди приходят трезвые и уходят трезвые. Отец моей жены читал Евангелие, а мать уже была верующая. Всех детей у матери моей жены было семь душ, четыре девочки и три мальчика. Юлия была самой старшей среди детей и большой помощницей своей матери. Но когда мы перешли жить в Рокосово, мать Юлии сильно заболела и в течение четырех

месяцев после нашего брака умерла. Это была для нас большая утрата, особенно для моей жены. Много раз Юлия оплакивала свою мать, но во всем была воля Божья. Мы с женой посещали разные собрания нашего края, ходили пешком много километров за пределы многих районов.

Пан Якушев имел брата, который работал на железных дорогах. На следующий год он начал строить узкоколейку от города Мукачево до города Хуста. Длина ее была более семидесяти километров. Этот заказ был на несколько миллионов крон. Мы с Винниковым должны были вести эту работу. Но у меня образования было только два класса, и когда кончились работы, зимой я пошел учиться. С моим образованием я не мог вести такую работу. За одну зиму я закончил эту школу и сдал курсы за восемь классов. Закончив школу, я готовился к большой работе, но не суждено было сбыться этим планам. Однажды я ждал поезд на железной дороге в поселке Королево, когда из него вышел министр нашего края, с которым мы были знакомы. Он подошел ко мне и сказал:

"Всё, все программы закрываются, немцы взяли Судеты, началась война." Чехи остановили финансирование всех программ и сами начали выбираться из нашего края. После этого часть края подпала под управление Венгрии, а другая часть получила автономию. Так как под Венгрией оказалась часть с нашей столицей Ужгородом, то столичным городом стал город Хуст. Вскоре автономная часть нашего края стала независимым государством, которое называлось Прикарпатская Украина. Появилось свое правительство во главе с президентом Августином Волошином. Но недолго продержалось это правительство. Так как венгры были в союзе с Германией, то Гитлер подарил им Прикарпатскую Украину. Президент Волошин мобилизовал добровольцев на защиту нашего государства от венгров. Добровольцами были в основном студенты, семинаристы и другие люди. Они называли себя "сичовиками." Весной 1939 года "сичовики" преградили путь венгерской регулярной армии с винтовками в руках. Да и винтовки не у всех "сичовиков" были. Недалеко за нашим селом возле речки Тиссы состоялся неравный бой. Венгры пустили в ход артиллерию и танки и пошли в наступление. Сопротивление было сломлено, многие молодые студенты были убиты. Тринадцать из них закопали в одной яме на кладбище в конце нашего огорода. Венгры взяли под свой контроль территорию Прикарпатской Украины.

В том году в нашей семье родилась девочка, которую мы назвали Марийкой.

Глава 6

ВЕНГЕРСКАЯ ОККУПАЦИЯ

С приходом венгерской власти жизнь наших людей стала тяжелой. Венгры издевались над нашими людьми, заставляли говорить по-венгерски, некоторых даже убивали. Особенно стали притеснять верующих, которые делали собрания по домам. Как-то жандармы пришли в наше село. Всю нашу общину: мужчин и женщин, призвали в канцелярию и стали всячески ругать:

- В нашей державе есть только три свободных вероисповедания: Римо-католическая, греко-католическая и собор-Крестень. Из этих трех можете выбирать любую и там молиться. Если будете

проводить служение по домам, то дом, в котором будет служение, забросаем гранатами и взорвем вместе с вами. Потом говорят:

"Кто из вас хочет идти в греко-католическую церковь, -становитесь направо." Но никто даже не шевельнулся. Тогда жандарм говорит:

"Вы, наверное, не поняли, что я сказал. Теперь, кто не хочет идти в греко-католическую церковь, становитесь направо." Тогда все единодушно перешли направо. В это время приходит один старичок - Поп Николай. Он услышал, что всех верующих арестовали, и пришел узнать: правда ли это. Когда он открыл дверь, жандарм спрашивает переводчика:

- А это кто такой? Он тоже верующий?
- Нет, только его жена, - ответил переводчик. Тогда жандарм приказал ему:
- Выходи вон! Старик говорит:
- Не выйду, с сегодняшнего дня я тоже буду верующим, как эти люди. Жандарм разозлился:
- Вы, как крысы, чем больше их убиваешь, тем больше они размножаются. Уходите! Чтобы я вас больше здесь не видел! Молитесь каждый в своем доме, а вместе чтобы собраний не делали!

Так мы разошлись по домам. До этого мы проводили собрания по воскресеньям, в среду и пятницу вечером. Но после этого происшествия мы стали собираться каждый вечер. Закрывали окна одеялами, пели вполголоса псалмы, молились и проповедовали.

Однажды наш брат Мошкола пригласил нашу Рокосовскую общину к себе на воскресное служение. Он жил в другом селе Шарды в четырех километрах от нашего села. Его дом находился недалеко от греко-католической церкви. Это было глухое, удаленное село в горах. Все знали, что там нет жандармов, и потому пошли туда. На служение был приглашен американский миссионер Артур Райт, который написал много песен. Призваны были члены Копанской общины, а также братья и сестры из других сел. Еще не началось служение, как дом окружили люди. Они шли в греко-католическую церковь, и когда узнали, что у Мошклы служение верующих, взяли колья, палки и камни. Многие из них вошли в дом, а те, что были во дворе, кричали:

"Выбрасывайте их вон! Мы с ними здесь расправимся!" -На всех верующих напал страх, а особенно был испуган Артур Райт.

"Что теперь будет?" Но в это время является председатель села и говорит:

"Люди честные! Идите в свою церковь и будьте спокойны, я сними расправлюсь. Я перепишу все их фамилии и отдам в суд. Их всех посадят в тюрьму, и тогда они будут знать, как собираться по домам." Люди послушались его и пошли в свою церковь, а он зашел в дом и переписал все наши фамилии и адреса. Когда он увидел стариков из своего села, то спросил их:

"А вы, что здесь делаете? Рядом греко-католическая церковь, а вы здесь топчетесь. Во имя венгерского закона! Я повелеваю всем разойтись отсюда!" - закричал он. Беров вышел из дома и пошел в свою церковь, а мы с молитвой начали служение. Мы только успели закончить служение, как люди начали выходить из церкви. Когда они увидели, что мы еще не разошлись, то вновь взяли колья, камни и подняли такой крик, что нельзя было разобрать, что они кричали. Один кричал одно, другой другое, а молодые хлопцы ворвались внутрь и хотели нас выбросить из дома. Начали с тех, кто сидел впереди за служением. Стали напирать на стол, за которым мы сидели, и сильно давить. Они давили стол с одной стороны, а мы с другой не пускали. Стол начал трещать. Мы увидели, что нас постигла беда. Но Бог побудил меня встать. Я говорю:

- Люди добрые! Дайте мне слово! Прошу вас! Крик утих.
- Вы христиане и мы христиане. Мы в одного Бога верим и в его сына Иисуса Христа. Может быть, мы заблуждаемся, так вы докажите нам, что мы заблуждаемся, и мы все последуем вашим правильным путем. Выберите одного представителя, который бы говорил за вас, а мы выберем одного из нас, который будет говорить за нас.
- Правильно! Мы вам докажем. Тогда они говорят одному своему:
- Петро! Ты будешь за нас. Но Петро отказался.
- Иван, будешь ты! Но и он отказался.
- Тогда, Василий, ты будешь. Но и Василий отказался. Между ними был один цыган по имени Иовшко. Тогда они говорят:
- За нас будет говорить Иовшко. Он уже читал Евангелие и многое понимал.
- Я буду, - ответил Иовшко. Мы выбрали между собой представителя пресвитера Андрея Палюха. Но он мне говорит:

"Я уже старый, а ты, Михаил, молодой, пожалуйста, говори за меня и за нас." Тогда я спросил у них: - Кто будет задавать вопросы первым?

- Мы будем задавать вопросы, а вы будете отвечать, - сказал Иовшко. Потом он открыл Евангелие от Матфея -двадцать третью главу - и начал читать:
- "На Моисеевем седалище сели книжники и фарисеи, что они велят соблюдать-соблюдайте, но по делам их не поступайте." Как вы это понимаете? - спрашивает Иовшко. Я стал отвечать:
- Моисей был вождь народа Израильского, и он написал хорошие законы. Но эти законы перебрали книжники и фарисеи. Книжники это те, которые читают много книг, а кто такие фарисеи, - сейчас объясню. В магазине находится продавец, в табачная лавка продает сигареты трафикар, на почте почтальон, а на фаре фарисей. Тогда церковных священников называли фарами. Я говорю дальше:
- Что они велят соблюдать - соблюдайте, но по делам их не поступайте, ибо они говорят хорошо, но плохо делают. Мы так понимаем, а вы как? Иовшко говорит:

"Это понимаете хорошо." Потом продолжает читать дальше: "Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить одного: и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвоем худшим вас" Я начал разъяснять, -

- Книжники и фарисеи учат людей не красть, не убивать и исполнять все Божьи заповеди, а когда люди оставляют грех, то они считают других людей вдвое худшими себя. Мы так понимаем, а вы?

-Правильно понимаете, - ответил Иовшко. На многие вопросы я давал ответы, а Иовшко всегда говорил:

"Правильно понимаете." Когда он закончил задавать вопросы, то я говорю:

"Теперь мы вам зададим хотя бы один вопрос!" Но он сильно испугался, поднял руки вверх и говорит:

"Люди честные! Они понимают хорошо, если бы мы так понимали, то было бы хорошо! Оставьте людей, пусть идут себе домой." Люди послушались Иовшка и оставили дом. Я призвал всех к молитве:

- Поблагодарим Бога, что помог нам до сего места, а также попросим Бога, чтобы и дальше нам помогал. Мы помолились, а после молитвы я говорю:

"Вы, сестры, будете идти впереди, а мы, братья, сзади. Если будут кричать или говорить, ничего не отвечайте. Если нас даже будут бить не бегите, ибо все христиане терпели побои. Идя дорогой, приветствуйте их: Слава Иисусу Христу." Так мы вышли из дома и пошли дорогой. Пока мы шли мимо них, они ничего не говорили, а когда мы прошли чуть дальше, они набрали в руки камней и стали бросать, но не в нас, а в изгородь, находившуюся недалеко от них. Когда они увидели, что мы не побежали, то повернулись и пошли домой, а мы пришли спокойно к себе.

При венграх было очень трудно совершать религиозные мероприятия, которые исходили не от их власти. Если кто-нибудь умирал, надо было идти в канцелярию за разрешением похоронить. Там давали предписания, по каким правилам должны проходить похороны. Всё было в их власти: кому-то они давали разрешение сразу, а кому-то только через три дня.

Случилось, что у наших друзей в селе Черна умер маленький ребёнок. Так как в их селе почти не было верующих, то они пригласили Рокосовскую общину похоронить ребёнка. На похороны собралось очень много народа из многих сел нашего края. Отца ребёнка не было дома, он еще утром пошел в канцелярию за разрешением. Когда мы пришли, то увидели дома мать и мертвого ребёнка, который лежал в койке. Я спросил мать:

- Почему ребёнок в койке?

- Нет гроба, - отвечает она.

- А доски есть у вас?

- Есть, но некому сделать гроб. Тогда я позвал брата из нашего села Василия Погана, - он до этого делал гробы верующим в нашем селе. Мы с Василием быстро сделали гроб, сестры его

прибрали, положили в него мертвого ребёнка, и мы начали служение. Мы думали, что пока отец придет с разрешением, мы проведем служение. Служение продолжалось очень долго. Но отца мы не дождались и были вынуждены закончить служение. Братья стали рассуждать, что делать с телом. Решили так: служение мы совершили, но разрешения нет, и кто знает, когда оно будет. Потому мы разойдемся по домам, а ребёнка оставим дома. Завтра придут трое или четверо братьев и похоронят тело.

- А ты как думаешь, Михаил? - спрашивают они меня.
- Лучше бы было похоронить ребёнка, потому что нас призвали сюда совершить похороны. Но братья говорят:
- А если по дороге нас встретят жандармы и запретят хоронить?
- Будем просить у Бога помочи. Если нас встретят жандармы, то мы им скажем, что хотим похоронить ребёнка, а вы если запрещаете, то мы оставляем его вам и делайте с ним, что хотите. Братья согласились.

Так и сделали. Все вышли на улицу, и с пением Давидового псалма похоронная процессия двинулась в сторону кладбища. Народ услышал поющих людей и стал выходить на улицу из домов. Люди снимали шапки, хотя была зима и было очень холодно. Весь народ последовал за нами. На кладбище меня призвали на проповедь. Люди слушали с большим вниманием, многие плакали. Так мы похоронили ребёнка, а поздно вечером отец ребёнка принес разрешение на похороны.

Хотя время было очень трудное, но Бог хранил и помогал, давая успех в наших делах. В то время даже работу было трудно найти. Я начал работать в нашем сельском карьере, но сильно снизили заработки, и я вынужден был оставить эту работу. Работа нашлась в селе Тячевцы в семидесяти километрах от нашего села. Здесь нужно было дробить камень для ремонта дороги. У нас была бригада из двадцати человек: десять из них были верующими. Мы сразу нашли в селе семью верующих, и они дали нам место для ночлега. Это была богобоязненная семья, они очень любили слушать слово Божье. У них была дочка Циля, лет семнадцати, она тоже приходила слушать слово Божье, молиться и петь псалмы вместе с нами. Так мы проводили вечернее время. От них мы узнали, что в этом селе живёт много верующих людей, у них даже есть свой молитвенный дом. У их соседа тоже была семнадцатилетняя дочка и её тоже звали Циля. В один вечер мы пришли с работы раньше, чем в другие дни, и я спрашиваю Цилю:

- Твоя соседка тоже верующая или только её родители?
- Да, - ответила Циля.
- А почему ты не приглашаешь её к нам?
- Потому что она со мной не разговаривает. Мы с ней в ссоре уже давно.
- А почему вы не примиритесь одна с другой.

- Циля со мной не хочет мириться. К нам приходил наш пресвитер, хотел примирить нас. Потом был областной пресвитер, но ничего не вышло. Она не хочет примириться.
- А ты хочешь с ней примириться?
- С ней невозможно примириться.
- Ты отвечай за себя. Ты желаешь примириться?
- С ней невозможно примириться. Я в третий раз говорю:
- Циля, я тебя спрашиваю, желаешь ли ты помириться? Отвечай только за себя.
- Да, желаю, - ответила она. Тогда я пошел к соседям.

Захожу во двор, а Циля сидит на стуле и вяжет. Я поприветствовал ее и говорю:

- Ты знаешь, что мы у вашего соседа живем и мы верующие?
- Знаю.
- А почему ты не приходишь к нам? Мы каждый вечер молимся, поем псалмы, разбираем слово Божье.
- Циля на меня сердится.
- Вам нужно примириться, ведь вы обе христианки.
- С ней невозможно примириться.
- А ты хочешь с ней примириться?

- Нас уже приходил мирить областной пресвитер, но ничего не вышло, с ней невозможно примириться.

- А на служения вы ходите?
- Ходим, но когда я раньше её иду на служение, она меня увидит, то остается дома. Когда она раньше пойдет на служение, то я остаюсь дома. Мы одна на другую даже смотреть не можем.
- Но так, - говорю, - жить нельзя. Вам нужно обязательно примириться.
- Она со мной не хочет примириться.
- Я сейчас тебя спрашиваю. Ты хочешь с ней примириться?
- Я хочу, но она со мной никогда не примирится. Тогда я говорю:

Пошли в их дом. Она согласилась. Когда мы зашли в дом, где были на квартире, Циля села далеко от Цили. Я созвал всех моих друзей, встал и говорю:

"Мы имеем очень важное дело. Мы сами не в силах его разрешить, но есть на небесах премудрый Советник, который посоветует, как нам поступить. Ибо, где ни призывали Его дети Его, он никому не отказывал." 11 Был брак в Кане Галилейской и там призвали Иисуса, Его мать и его учеников. И

когда брак продолжался, то не стало у них вина, а матерь Его сказала: Вина нет у них. А Он говорит: Что мне и тебе жено, еще не пришел час мой.

И мать Его сказала: Что повелит Он вам, то делайте. Там было шесть каменных водоносов, чистых, вмещающих по две или три меры. Иисус говорит им: Наполните сосуды водою. И они наполнили доверху. И говорит им: Теперь почерпните инесите к распорядителю пира. Распорядитель не знал, что это вино сделанное Иисусом из воды, и сказал хозяину: Всякий человек подает сперва худшее, а ты хорошее вино сберег доселе." Сейчас подумаем, братья и сестры. Если они не призвали бы Иисуса Христа на брак, то там был бы очень большой недостаток, хозяину большой стыд. Поэтому мы сейчас преклоним колени и призовем нашего Иисуса Христа, премудрого Советника в этот дом, и предадим все наши дела Ему. Преклоним колени и будем молиться. После молитвы я говорю:

"Я хочу привести один пример. Были два брата во Христе, ходили в одно служение. Но они поссорились и возненавидели друг друга так, что даже не хотели встречаться друг с другом. И это длилось долгое время. Но одному брату пришли мысли, что, живя так, они не наследуют Царства Божья. И он пошел к другому брату и сказал:

"Мы оба хотим наследовать Царство Божье, а долгое время в ссоре." Иисус Христос сказал: "Мириесь с соперником твоим, пока ты на пути с ним." А апостол Павел говорит: "Да не зайдет солнце вас в гневе вашем." Мы не в силах примириться, мы можем сделать еще худшую ссору, давай пойдем к пресвитеру, пусть он нас примирит. Брат согласился, и они пришли к старику пресвитеру." Старик был богобоязненный и справедливый. Он их спрашивает:

- Я бы хотел знать, кто из вас виноватый? Один говорит: -Я не виноватый. И другой говорит:
- Я не виноватый. Тогда пресвитер обратился к обоим:
 - Я вас не могу примирить до тех пор, пока вам Бог не откроет, кто из вас виноватый. Идите домой, молитесь, чтобы Бог открыл вам, кто из вас виноватый. Я тоже буду молиться за вас. Так они разошлись по домам. Оба помолились. Легли спать, но сон отошел от них. Под утро Бог открывает обоим. Один из них встает и идет сказать другому, что это он виноватый. Но на середине дороги он встречает другого брата, и тот говорит:
 - Это я виноват.

Когда они узнали, что Бог открыл каждому из них, что он виноват, то обнялись, заплакали и пошли к пресвитеру. Пресвитер сказал им:

"Подайте друг другу руки и признайтесь друг перед другом." Они вместе преклонили колени и просяли у Бога прощения за то, что так долго жили в ссоре. Потом поблагодарили Господа за примирение и в радости разошлись по домам. Когда я закончил эти слова, обе Цили встают и бегут навстречу одна другой, говоря, -

- Это я виновата.
- Нет, это я виновата. Обе плакали, встали на колени и начали просить у Бога прощения и благодарить Его за возможность примирения. Мы все также с радостью благодарили Бога за помощь и любовь к нам. В тот вечер от радости они не могли расстаться. Когда наступило воскресенье, сестры оделись в одинаковые платья и пошли вместе в молитвенный дом. Братья, увидев двух Циль вместе, спрашивали один другого:

-Что за перемена? - наши Цили идут вместе в молитвенный дом? Спрашивают их:

- Кто вас примирил?
- К нам приехали верующие люди дробить камень на дорогу. Это Бог их прислал в наше село, чтобы через них примирить нас между собой.

Когда я стал верующим, то у меня было большое желание и любовь проповедовать и приводить других ко спасению. У меня был велосипед и я часто ездил на нем по другим селам возвещать об Иисусе Христе и Его спасении.

Однажды я ехал на велосипеде в Севлюш, проехал полдороги, вижу - впереди идет девушка. Я поравнялся с ней, остановился и заговорил:

- Добрый день.
- Добрый, - ответила она.
- Откуда вы? - Она строго посмотрела на меня и грубо ответила:
- Для чего вам знать, откуда я.
- Чего вы боитесь? Я вам скажу откуда я. Я из села Рокосова. Тогда она смягчилась,
- А я из Букового. Тогда я спрашиваю:
- У вас в селе есть люди, которые читают Библию и не ходят в церковь? - спросил я ее.
- Есть у нас две такие семьи.
- А что вы можете сказать про таких людей?
- Да что я могу сказать о них. Они в нашу церковь не ходят, собираются по домам, рукой не крестятся, перед крестом не снимают шляпу.
- А какая жизнь между этими людьми?
- Жизнь между ними как-будто хорошая: не ругаются, не пьянятся. - Я начал с ней говорить на темы из Священного Писания. Мы проговорили всю дорогу пока пришли в город, а там я попрощался с ней и ушел.

На следующее воскресенье эта девушка пришла в Копаню к своим знакомым на служение. Я тоже был туда приглашен, но ее не узнал. Три недели спустя я снова был в Копане на служении. После окончания служения ко мне подошла девушка и говорит:

- Вы меня не узнаете?
- Нет.

- Я та самая, с которой вы беседовали, когда ехали в Севлюш. С того времени я стала верующей.

В другой раз я ехал на велосипеде из Хуста, когда увидел идущих впереди двух женщин. Догнав их, я узнал женщину из нашего села и ее дочку. Я остановился и пошел пешком вместе с ними, беседуя о спасении. Невольно я заметил, что дочка идет босиком, неся обувь в руках, хотя стояла уже глубокая осень, и был небольшой морозец. Я спросил её мать:

- А почему она идет босиком?
- Обувь жмет, и она не может идти обутая, - ответила мать.
- Я её могу отвезти домой, предложил я. Мать очень обрадовалась. Тогда я посадил её дочку на велосипед и поехал. Но, когда я стал подъезжать к нашему селу, на дороге стояли жандармы, они меня остановили и говорят:

"Вы нарушили закон, - и начали писать акт. За нарушение закона вы должны отсидеть трое суток в тюрьме." Так я отсидел трое суток в Севлюшской тюрьме, но я не пожалел об этом, потому что вскоре эта женщина и вся ее семья стали верующими.

Глава 7

ДУХОВНЫЕ ПОЗНАНИЯ

В 1940 году у нас родилась вторая дочка, которую мы назвали Юлией. В то время жизнь была очень трудной: шла война. В 1941 году немцы напали на СССР. В это время призвали в армию нашего брата Михаила Галаса. Он отказался брать оружие, за что его посадили в тюрьму в городе Дебрецен. Его жена была на суде и там она познакомилась с одной верующей из Дебрецена. После суда Михаилу с Вил мой назначили свидание и разрешили передачу. Я решил посетить брата и пошел на свидание вместе с Вилмой. Моя жена подготовила для брата передачу, Вилма собрала чемодан, и мы пошли. Поезд прибыл в Дебрецен ночью, мы зашли в здание вокзала, чтобы просидеть там до утра. Но жандармы выгоняли оттуда всех вон, кроме транзитных пассажиров. Куда мы пойдем ночью в чужом городе? Вилма испугалась и говорит: "Давай пойдем в город." Но я ответил: "Оставь вещи возле меня, а сама ходи среди народа и не беспокойся." Я встал на колени возле вещей и начал молиться, чтобы Бог сохранил нас от всякого зла и довел до желаемого места благополучно. Всех людей вокруг меня жандармы выгоняли вон, а меня обходили, как будто не видели. Вилма походила немного, а потом вернулась и мы просидели на скамейке до утра, - никто нам даже слова не сказал. Утром мы пришли к Михаилу в тюрьму, - нам разрешили свиданье на один час. Мы много беседовали, молились, и время пролетело очень быстро. В конце вручили ему передачу, которую принесли с собой. Но он не мог забрать все сразу, а два разаходить ему не разрешали.

- Может, отдать кому-нибудь из заключенных то, что у нас осталось, - предложил я. Но Вилма возразила:
- У меня в этом городе есть одна знакомая, бедная верующая женщина, давай отнесем это ей. Когда мы пришли к той женщине, она очень обрадовалась и подготовила для нас еду. Мы стали молиться о благословении пищи. Сперва помолился я, потом стала молиться хозяйка. Она молилась на венгерском языке, и я всё понимал, но потом она стала молиться на каком-то незнакомом мне языке. Я очень испугался, когда услышал это. Мы сели за стол, но я и есть больше не хотел, а начал расспрашивать хозяйку:

Что это за язык, почему я почувствовал страх и какую-то силу? И она начала мне объяснять из своей венгерской библии, со второй главы Деяния апостолов: "Дух святой сошел на Апостолов и стали говорить иными языками" Затем она нашла восьмую главу Деяний, где говорится: "Верующие в Самарии уверовали во Христа и приняли водное крещение, но Духа Святого не приняли. Апостолы услышавши, что Самаряне приняли Христа, послали Петра и Иоанна помолиться за них, ибо Дух Святой не сходил еще ни на одного из них, а только крещены были во имя Господа Иисуса. Тогда возложили на них руки и они приняли Духа Святого." Она открыла десятую главу, где написано, что весь дом Корнилия был крещен Духом Святым, там не нужно было возлагать руки на народ. Они слушали Петра, говорящего о спасении не только Израильтян, но и язычников. "Когда Петр еще продолжал речь, Дух Святой сошел на всех слушающих слово." Она открыла еще одно место из девятнадцатой главы Деяний: "Когда Павел прибыл в Эфес и нашел там некоторых учеников, сказав им: Приняли вы Духа Святого уверовавши? Они же сказали ему: мы даже и не слыхали есть ли Дух Святой. Он сказал им: во что же вы крестились? Они отвечали: во Иоаново крещение. Павел сказал: Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям: что бы веровали в грядущего по нем, то есть во Христа Иисуса. Услышавши это они крестились во имя Господа Иисусу. И когда Павел возложил на них руки, нисшел на них Дух Святой и они стали говорить иными языками, и пророчествовать." Мы побеседовали еще немного, попрощались и ушли. Приехав домой, я тщательно перечитал все эти места, но значения этому никакого не придал.

Брату Михаилу дали два года тюрьмы. В военное время этот срок был не таким строгим, но для него заключение стало большой трагедией. Вскоре его жена Вилма заболела тифом. От этой страшной болезни ей никто не мог помочь, и она умерла, оставив четверых детей, которых мы разобрали по домам.

В начале войны забрали на фронт нашего другого брата Михаила Андреевича Палчея. Вскоре он попал в окружение, и за шесть недель о нем никто ничего не знал. Через шесть недель, когда он освободился, он написал коротенькое письмо на березовой коре своей жене Марте. Она получила письмо и сразу начала готовить посылку. Я об этом ничего не знал. В ту самую ночь я имел сновидение: Пришел ко мне старичок и говорит: "Иди к Марте и скажи ей, чтобы она не готовила посылку, ибо ее муж придет домой." Утром я проснулся и забыл об этом сне. Я иногда занимался столярным делом, и мой инструмент находился у Марты. Прихожу к Марте за инструментом, а она держит на руках ребёнка и плачет. Спрашиваю ее:

- Почему ты плачешь?
- Как мне не плакать, сейчас с продуктами очень тяжело, а у меня сгорел весь противень печенья. Я получила от мужа письмо и готовила ему посылку. Тут я вспомнил сон и говорю:
- Марта, ты не посыпай посылку Михаилу, потому что он придет домой. Она засмеялась:
- Как он может прийти домой, если за шесть недель я не получила от него письма. Тогда я рассказал ей свой сон. Тут она заплакала:
- Я всё равно приготовлю посылку, а если он придет, то мы созвовем собрание и с этой посылкой сделаем Вечерю любви. Я взял инструмент и пошел домой. Это было утром. После обеда Марта взяла посылку и понесла на железнодорожную станцию, чтобы сдать ее в почтовый вагон. Почтовый вагон был первым в составе. Когда она подходила к этому вагону, то из другого вагона выходил ее муж. Когда он увидел ее, то громко закричал:

"Марта! Марта!" От неожиданности у Марты чуть посылка из рук не выпала. Со станции они пришли вдвоем, и она рассказала Михаилу о моем сне. Они сразу дали знать мне, что сон был действительно

от Господа. Я бросил работу и побежал к ним. От радости я не помнил, как появился у них: то ли я пришел, то ли прилетел. Мы собрали благодарственное собрание. Марта, как и обещала, сделала Вечерю любви. Мы благодарили за сон, который был действительно от Бога, а затем разошлись по домам.

В то время было трудно с работой, шла война, и хотя линия фронта была далеко на восток от нашего края, но иногда в нашем селе ненадолго останавливались немецкие войска. Переносят ночь, пробудут сутки и уходят дальше на восток.

Как-то нашлась работа у одного Тячевского богача. Из нашего села собралась небольшая бригада рабочих и мы пошли работать в Тячево. Приступили к работе и стали дробить камень для дороги. Приходит наш хозяин и спрашивает, нет ли среди нас взрывника. У меня был документ взрывника.

- Я могу работать взрывником. Тогда он повез меня в карьер. Здесь я стал ждать его помощника по работе. Но у них неожиданно возникла проблема. Они наняли на работу инженера, а тот выбрал деньги, не рассчитался с рабочими и убежал. Приходит помощник, толстый, пухатый мужчина. Подошел к большому камню, снял кепку, со злостью ударил ею о камень и говорит:

- Чтобы эта земля провалилась, нельзя найти человека, который бы мог повести работу. Я ему говорю:

- Что вы такое говорите, вы, наверное, не хотите платить, потому и нет такого человека.
- Мы платим хорошо. Сколько кто запросит, столько заплатим.
- Я могу найти человека, если будете платить ему четыреста пенгов в месяц.
- Будем платить, давайте человека.
- Это буду я. Мы с ним сели на мотоцикл с коляской, и он повез меня по дороге, которую я должен был делать. Дорога шла между гор, ревел мотоцикл, отвечало эхо, а он мне показывал пальцем на ходу, где искать ближайшие к дороге карьеры, где будут мосты. Проехав всю дорогу, мы насчитали двадцать два моста. Он оставил меня одного и сказал:

"Ищи рабочих," а сам ушел. Строительство дороги для меня не было большой трудностью, но здесь нужно было строить дорогу на румынской территории, в чужой местности. Румынского языка я не знал, а нужно было искать рабочих и объяснять им, что делать. Я стал искать ближайшие карьеры, извозчиков, рабочих для дробления камня и других рабочих. Нашел семьдесят человек. Ведя работу, я учил румынский язык, и так работа пошла. Фамилия главного босса была Ботезий. Он мне обещал, что даст в помощь бухгалтера. Но проработали весь сезон, а бухгалтер так и не появился. Все расчеты заработков рабочим я делал сам. Сам же раздавал рабочим и деньги. Но работа продвигалась. Так, с весны до осени были сделаны двадцать два моста. С паном Ботезием мы стали большими друзьями. После того, как работы на дороге были завершены, он сделал меня заготовителем. Я заготовлял яблоки и отправлял в Венгрию. Бывали дни, когда я отправлял по несколько вагонов с яблоками в день. Яблоки были разных сортов. Первый сорт яблок нужно было перестилать каждый слой, и тогда

работа шла помедленней. Я покупал яблоки у людей, отправлял вагоны, расплачивался с рабочими. Работа шла без каких-либо проблем.

С паном Ботезием у нас была крепкая дружба, он мне доверял во всех своих дела. Он даже хотел мне помочь в покупке имения с большим садом. За пару сезонов этот сад мог окупить себя и всё имение. Но я посоветовался с женой, и мы решили не влезать так глубоко в житейские заботы. После этого у меня была еще одна возможность разбогатеть. У пана Ботезия был друг, богатый еврей. Когда стало известно, что нацисты истребляют евреев, то он решил уехать из нашего края. Он искал человека, на кого мог бы оставить свое имущество. Пан Ботезий предложил ему меня. Все свое богатство: дом, земли он предлагал мне в бесплатное пользование, но с условием, что после его возвращения я верну ему половину имущества. Но и в этом случае мы посоветовались с женой и решили не брать имущество еврея.

Глава 8

ПРИХОД СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Через некоторое время наш край освободили части Красной Армии. Многие люди тогда жили надеждой, что при русских мы заживем лучше, чем при всех бывших властях. Ведь они почти как наши люди. Многие встречали воинов Красной Армии с хлебом, салом и другими продуктами, кто что имел. Но очень скоро наши глаза открылись, и мы увидели, что такая советская власть. Если бы у меня было большое имение или хозяйство, то за это я бы мог попасть в Сибирь. Но все обошлось отобранный новой телегой. При отступлении венгры за нашим селом взорвали три железнодорожных моста. Русские взяли власть в нашем kraе в свои руки, чьему многие были очень рады, мечтая о свободе и лучшей жизни. Мы думали, что при советской власти сможем свободно проповедовать Евангелие, свободно служить Богу. Так и было целый год: мы собирались на служения, и нам никто даже слова не сказал. Наоборот, верующих русские уважали, потому что мы не отказывались ни от какой грязной работы. Что венгры разрушили, все надо было отремонтировать. Советские чиновники собрали собрание в сельсовете и говорят:

"Ваше село должно построить заново три железнодорожных моста." Меня выбрали старшим и дали в помощь четырех бригадиров. В каждой бригаде было по двенадцать или тринадцать человек. Каждый трудоспособный житель нашего села должен был отработать не менее пятнадцати дней на строительстве мостов. За сорок дней мосты были построены. Работа не прекращалась ни на один день. Все работали с охотой, добросовестно, потому что русские нас освободили из-под Венгрии.

Однако вскоре обозначились перемены: начали записывать в колхозы, на что люди не очень соглашались. Потом дали норму на каждого жителя села: нарубить по два кубометра дров. Так как я не хотел вступать в колхоз, то должен был рубить дрова в лесу, пока не закончатся работы на участке села. Нас отвезли на машине за сорок километров в лес. Там я проработал два дня, и нас привезли домой на выходной в субботу вечером. В эту ночь я видел сон: Прихожу в сельсовет спросить, когда нас отвезут на работу в лес. Но мне по дороге встречается заместитель председателя сельсовета и говорит: Ты куда идешь, Михаил? Отвечаю: -Иду спросить в сельсовет, когда нас отвезут на работу в лес? Он говорит: Ты больше не будешь рубить дрова с людьми. Ты будешь строить фундамент. Я проснулся и рассуждаю с женой, что бы этот сон значил. В понедельник утром я пошел к председателю сельсовета спросить, когда нас отвезут на работу. А он говорит:

- Машина уже вышла из Хуста за вами, идите скорее домой за вещами, чтобы не опоздать. Я вышел из сельсовета и встретил заместителя председателя:

- Ты куда спешишь, Михаил?
- За вещами домой. Уже машина вышла из Хуста за нами. А он мне говорит:
- Ты больше не поедешь в лес, ты будешь строить фундамент. Иди спроси у председателя, видно, он уже забыл. Я зашел к председателю и передал ему, что мне сказал его заместитель. Он ударил себя ладонью по лбу и сказал:
- О, правда, ты больше в лес не поедешь, будешь строить фундамент возле клуба. Я построил этот фундамент, и меня больше не посылали в лес.

В 1947 году под видом верующих приехали к нам большие гости из Москвы. Это были два чиновника - Кареев и Андреев. Созвали всех верующих Закарпатской области в молитвенный дом в Мукачево. Когда я пришел туда, то молитвенный дом уже был полон народа, и я сел сзади возле самих дверей. Областным пастором у нас тогда был Петро Семенович. Эти чиновники пригласили Семеновича за кафедру. Он увидел, что я сижу сзади, и послал Мукачевского пресвитера, чтобы пригласить меня сесть впереди. Когда все Закарпатские представители прибыли, конференция началась. Сначала встал Карев и говорит:

"Мы прибыли из Москвы для того, чтобы объяснить вам Советские Законы. У нас в Советском Союзе не запрещено верить в Бога и Ему служить. Только нужно принять регистрацию. Регистрацию можно принять в Православной, Адвентистской или в церкви Евангельских Христиан Баптистов. Нужно подать список своих церквей уполномоченному религиозных культов области. Если вы согласны на регистрацию, то теперь выберите четырех представителей, которые и подпишутся, что все общины области согласны на регистрацию. Трех человек выбирайте вы, а четвертого выберем мы. Это будет Михаил Палчай. Если вы согласны, то поднимите руки." Все подняли руки. Тогда я встал и говорю:

Я не могу подписываться за область, даже за свою общину я не могу подписать. Мне сначала надо посоветоваться с членами своей церкви. А Кареев встал и заявил:

- Что вы за пресвитер, если вами бабы управляют! Вы должны ими управлять! Однако я отказался подписываться. Тогда он говорит:
- Может быть, никто не желает подписываться за регистрацию? Мы отлучимся на пятнадцать минут, а вы решите между собой: хотите ли вы регистрацию или нет. Они вышли из молитвенного дома, а мы остались. Представители Закарпатской области решили принять регистрацию. Только я один решил отказаться. Через пятнадцать минут вернулись Кареев и Андреев, заняв свои места. Спрашивают меня:

- Ну как, Палчай, вы решили?
- Я решил остаться вне регистрации!
- Что? Вы не будете подписываться за Закарпатье?

- Нет. Тогда вместо меня выбрали другого представителя. Но в тот день всё же никто не подписался. На другой день собрали только баптистов, и между ними выбрали тоже пятерых представителей. Но и они в тот день не подписались. На третий день должны были собраться все: Свободные христиане и баптисты, чтобы вместе подписатьсь. Когда все собрались, Карев говорит: "Теперь мы подобны свече, зажженной с обоих сторон, когда пламя зажглось с обоих сторон, то уже нет и разделений. Так и мы сошлись вместе, и пламя любви нас соединило." Начали вызывать тех, кто должен был подписываться. Но меня вызвали первым. Я отказался. Отказался потому, что всё это делалось по приказу коммунистической партии. Уполномоченный по Религиозным культам области был коммунистом, который, естественно, в Бога не верил. Но все десять представителей вышли и подписались под всем, что им представили Карев и Андреев. Так закончилась конференция, и мы разошлись по домам. Хотя я отказался подписатьсь и был против регистрации, но мне стали присыпать каждый месяц журнал "Вестник." Потом прислали двух представителей из Москвы, чтобы рукоположить меня на пресвитера. Я отказался, и они уехали в Москву. После этого журналы мне больше не присыпали. Как-то пригласил меня областной пресвитер к себе и говорит: "Михаил, если ты не примешь регистрацию, то тебя арестуют.»

После этого меня начали преследовать. Каждую неделю один или два раза меня вызывали в КГБ и говорили одно и то же: "Если не зарегистрируешь церковь, будешь арестован. Потом меня стали вызывать в район и предлагать: "Если зарегистрируешь церковь, то мы тебя сделаем учителем начальной школы в районе. Но я отказался. Тогда мне открыли Библию - тринадцатую главу Римлян: "Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога" Я им говорю: "Если власть от Бога, то Бог выше власти." И меня сразу выгнали вон из кабинета. А было это в двенадцать часов ночи. Транспорта уже никакого не было, и мне пришлось идти пешком из Хуста. Но Бог мне помогал во всем. Позже меня вызвали в областное КГБ в Ужгороде. Там меня тоже долго упрашивали, а затем стали угрожать. Когда же я отказался, то меня выгнали вон, хорошо, что не ночью.

Глава 9

НАЧАЛО ДУХОВНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЗАКАРПАТЬЕ

В 1948 году в Тячевский район, в село Нягово, приехала работать учительницей русская молодая девушка. Поселилась она на квартире у одних верующих -старика со старухой. Они часто слышали ее молитвы на иных языках. Но проработала она учительницей недолго -всего два месяца. Когда власти узнали, что она верующая, то выслали ее из этого села домой. В том же селе жила одна молодая женщина, которая служила в добровольной армии. Но в армии она сильно простудилась и заболела туберкулезом. Так как там ее не могли вылечить, то послали в районную больницу лечиться и освободили от армии. В больнице она пробыла один месяц, врачи увидели, что помочь ей ничем не смогут, и выписали ее домой умирать. Приехав домой, она чувствовала себя всё хуже и хуже. Пошла к православному священнику и говорит:

- Я буду умирать, но хочу спасения души. Что мне делать, чтобы спастись? Священник ответил ей:
- Дай деньги на службу, на паастас и на панаходу, а потом придешь исповедоваться во грехах, причастишься и будешь спасена. Его ответ не удовлетворил ее. Она знала, что в их селе есть еще одни верующие старики. И пошла к ним, и спрашивает старика:

- Что мне делать, чтобы спасти? С каждым днем я чувствую себя всё хуже и хуже, и жить я больше не буду. А старик ей отвечает:
- Даже не знаю, что тебе сказать. Тебе уже поздно думать о спасении. Чтобы быть спасенной, нужно креститься Духом Святым.
- Как это? Я не понимаю, - спрашивает она.

- Ты уже не можешь быть крещена Духом Святым, потому что для этого нужно поститься и молиться, а ты не в силах даже разговаривать. На том она ушла домой. Но для себя решила: Всё равно я уже жить не буду, так буду поститься, может, Бог примет мой пост, и буду спасена, и легче умру. И начала поститься семь дней подряд: не ела, не пила, а лишь молила, сколько было сил, Бога о спасении. На седьмой день, когда она молилась, то почувствовала обновление и силу. Стала говорить иными языками и пророчествовать. Было ей сказано так: "Я Бог твой, Я тебя исцелил." Она стала прыгать от счастья. Потом побежала к старикам, чтобы поделиться с ними своей радостью. Зашла в их дом и говорит:

"Вставайте со мной на колени и будем молиться." Старики очень удивились, потому что сами они не были крещены Духом Святым, а только слышали о духовном крещении от учительницы, которая жила в их доме. Тогда она начала молиться сначала на своем языке, а потом, исполнившись Духа Святого, на иных языках. Затем пошло пророчество и были сказаны те же слова: "Я Бог твой, Я тебя исцелил." Когда старики услышали эти слова, то стали от радости плакать и благодарить Бога. Эта весть разнеслась по всему Закарпатью. Расстояние от Нягова до нашего села около шестидесяти километров, но мы услышали эту весть и в нашем селе. Когда я услышал об этом, то загорелся желанием поехать и увидеть эту женщину. Я пришел к старикам и спрашивала их:

"Это правда, что у вас есть одна крещенная Духом Святым?" Они мне всё рассказали и пригласили эту женщину к себе. Когда она пришла, мы стали молиться. Сначала она молилась на нашем языке, а потом на румынском и было сказано: "Копай землю, а то умрешь!" Мы встали с молитвы, и я начал рассуждать: "Что бы это значило?" Это не что иное, как мне нужно готовиться к духовному крещению. Когда я приехал домой, то наши братья и сестры меня уже ждали, что я им расскажу. Когда я рассказал в собрании, что я там видел и слышал, то одна сестра говорит:

"Давайте и мы будем поститься и молиться, пока не будем крещены Духом Святым." Я же предложил:

"Давайте будем поститься только два дня в неделю." Все согласились пребывать в посте и молитве эти два дня.

Было это в первых числах декабря 1948 года. Одна сестра из села Великие Комяты услыхав, что в Рокосове постятся и молятся о Духовном Крещении, начала поститься и молиться наедине. И через две недели эту сестру Галас Бог крестил Духом Святым. Мы продолжали так поститься до 1949 года. В одно воскресенье мы собрались для служения в селе Крива. Когда служение кончилось, мы преклонили колени для молитвы - просить у Бога благословение на дорогу. Но одну сестру из нашего собрания, Анну Кудрун, в это время Бог посетил Духом Святым, и она получила духовное крещение и стала говорить иными языками. В понедельник вечером мы собрались к ней в дом для молитвы. Мы только преклонили колени для молитвы, как я вижу видение: Предо мной стоит высочайшее дерево - всё в золоте. Ветви его тонкие и длинные, спущены вниз, как на иве. На ветках множество листьев, по три листочка вместе. Я смотрел вверх на это дерево, как вдруг повеял тихий ветерок, и эти листья стали падать на мою голову. Я почувствовал, словно электрический ток прошел по моему телу от

головы до ног. Потом вижу двух женщин, стоящих на коленях и молящихся на иных языках. Когда мы встали с молитвы, я рассказал видение, и все очень обрадовались. Мы были уверены, что Бог хочет крестить нас Духом Святым. В этот вечер две сестры - Марта Гоздок и Мария Поп, пришли ночевать в наш дом. Моя жена расстелила койки для ночлега, но уснуть никто не мог. Мы много разговаривали о слове Божьем и преклоняли колени для молитв. Так мы пробыли до утра. Утром все собрание собралось в наш дом, и мы вместе преклонили колени для молитвы. На этой молитве Бог посетил сестру Марту, а потом и сестру Марию Духом Святым. Затем Бог крестил Духом Святым моего брата Ивана и его жену Анну, и она получила пророчество. Было сказано: "Бог сделал этот дом домом Корнилия, кто зайдет в него в течение трех дней, будет крещен Духом Святым." Потом была крещена четвертая сестра - наша соседка Павлий Мария. Она тоже получила пророчество. Через нее тогда было сказано: "Вы, народ Мой, должны отличать чистую пищу от нечистой. Не должны оскверняться нечистой пищей. Читайте Исаия 66:15, 16, 17 стихи." Затем была крещена моя жена и сестра Юля Терпай. До обеда того же дня было крещено Духом Святым девять душ. Когда услышала дочка Василия Романа - Анна, что в нашем доме собирались для молитвы, и уже крещено девять душ, то она бросила работу и сразу побежала к нам. Дорогой она размышляла: "Я недостойна войти внутрь дома, а стану у порога и буду молиться." Когда она пришла и преклонила колени у порога, то Бог сразу крестил ее Духом Святым, и она стала говорить иными языками и пророчествовать. Через нее были сказаны такие слова: "И вы, Мой народ, должны считать субботу благословенным, честуемым, святым днем. И не делать в день субботний никакого дела, а свято проводить служения." Эти слова меня очень огорчили, потому что я был очень тверд в убеждении, что суббота не для нас. В нашем районе было несколько субботников, и они мне говорили о субботе. Но я был большой противник субботы, даже слушать не хотел о субботе. Я говорил, что суббота для евреев, а не для нас. Но сейчас, когда было сказано это пророчество, я глубоко задумался и стал тщательно исследовать Священное Писание.

Я взял Библию, и мне открылась 56 глава книги пророка Исаии с четвертого по седьмой стих: "Ибо Господь так говорит об евнухах: которые хранят Мои субботы, и избирают угодное Мне, и крепко держатся завета моего, Тем дам Я в доме Моем и в стенах Моих место и имя лучшее, нежели сыновьям и дочерям; дам им вечное имя, которое не истребится. И сыновей иноплеменников присоединившихся, к Господу, что бы служить Ему и любить имя Господа, быть рабами Его, всех хранящих субботу от осквернения ее и твердо держащихся завета Моего, Я приведу на святую гору Мою, и обрадую их в моем доме молитвы; всесожжения их и жертвы их будут благоприятны на жертвеннике Моем; ибо дом Мой назовется домом молитвы для всех народов." Прочитав эти стихи, я понял, что суббота дана не только для народа Израильского, но и для язычников. Я еще прочитал 58 главу Исаии с тринадцатого по четырнадцатый стихи. Потом начал внимательно изучать Новый Завет. Нашел в Деяниях Апостолов места 13: 42-45 и убедился, что апостолы тоже праздновали день субботний, и язычники просили их проповедовать и в следующую субботу. Затем я нашел в Деяниях 16:13-16 стихи и 17:2, 18:4 и на этом стихе я особенно остановился. Здесь было написано: "Во всякую же субботу он говорил в синагоге и убеждал Иудеев и Эллинов" И открыл мне Бог глаза, и я понял, почему Бог не писал на бумаге или на доске Десять Божьих заповедей, а на каменных скрижалях. А теперь Бог написал Десять Заповедей на скрижалях наших сердец. В тот день при наступлении вечера собралось в наш дом множество народа, мужчин и женщин с детьми. И до утра все, кто находился в нашем доме, были крещены Духом Святым. Наши четыре девочки тоже были крещены Духом Святым. Марии тогда было одиннадцать лет, Юлии десять, Мальвине пять и Анне два года.

Наутро пошел слух по всему селу, что у Мигаля Палчея происходит чудо. И собрался весь народ нашего села: верующие и неверующие, всё начальство села. Никто на работу не пошел. Сельсовет, школа, колхоз не работали. Весь народ собрался вокруг нашего дома. Дом окружал деревянный забор и садовые деревья. Люди поломали забор и деревья, тесня друг друга, чтобы только увидеть,

что же делается внутри дома. Председатель сельсовета, председатель колхоза, учителя школы тоже были здесь. Они решили вызвать милицию и КГБ, чтобы разогнать народ и отправить на работу. Прибыла милиция и сотрудники КГБ и стали разгонять народ. Но люди плакали и не хотели расходиться. Все думали, что настал конец света. Потом вызвали меня и говорят:

- Распусти народ. Но я им в ответ:
- Я народ не призывал и прогонять не буду. Вас вызвали наводить порядок вы и делайте..

-Ну, хорошо, Палчай. Скажите нам, как долго это будет продолжаться?

- Всего три дня, - отвечаю. Там же находились врачи -муж и жена. Председатель сельсовета говорит врачу:

Может, они сошли с ума. Идите и проверьте их.

- Я не пойду, пусть идет жена, - ответил врач. Она подошла к дверям, которые были открыты, увидела одну женщину, тоже врача, та пела Духовную песню на иных языках. Когда она увидела эту поющую женщину, у нее выступили слезы, и она вернулась назад. Муж спрашивает ее:

Правда, что они сошли с ума? Она ответила тихо:

Я бы хотела так же сойти с ума. Муж застыдился председателей, взял ее за руку, и они ушли домой.

Окна, двери в доме были открыты. Люди с улицы смотрели в окна, старались увидеть, что там происходит внутри. Секретарь сельсовета тоже смотрел в окно кухни со двора. В кухне были одни дети. Дети стояли в кругу и пели Духовные песни, а один десятилетний мальчик стоял в кругу и махал руками, как регент. Для нас это было большой неожиданностью, что дети так прекрасно поют. Когда секретарь увидел детей, то сказал:

"Интересно, кто мог научить этих детей так красиво петь. Им ведь от двух до четырнадцати лет, и все поют. О старших можно подумать, что научились. Но кто мог этих малых научить?" Здесь, действительно, была сила Божья. Так продолжалось все три дня, как и было сказано через пророчество. Кто бы ни заходил в дом - неверующий или верующий, - каялся, проливал слезы и был крещен Духом Святым. На всех был страх Божий. По окончании трех дней началась работа в сельсовете, колхозе, больнице, дети пошли в школу. Но эта весть разнеслась по всему Закарпатью. Многие люди приезжали в Рокосово просто посмотреть, но каялись, и Бог крестил их Духом Святым. Многие получали Духовные песни и Духовные дарования. Это продолжалось весь 1949 год, каждый день. Многие получали исцеления. Меня всё больше стали преследовать, потому что совершались публичные служения для Водного крещения. Такие служения в 1949 году у нас были три раза. В первый раз было крещено в воде сто четыре человека, во второй раз крестились девяносто шесть душ, а в третий раз - восемьдесят человек. Водное крещение совершалось на реке Тисса.

В то время Бог наставлял нас и открывал, что произойдет, и это сбывалось. В один день, когда мы собирались для служения, приходит начальник районного финотдела с нашим председателем сельсовета и еще одним финансистом в наш дом. Но дом был заполнен народом и они не могли войти. Тогда они вызвали меня во двор и спрашивают:

- Вы хозяин дома?

-Да.

- Какая у вас музыка? Духовой оркестр, гитары, баян или что-нибудь еще?

- У нас никаких музыкальных инструментов нет. Это народ Божий поет.

- Что вы меня обманываете, мы слышали, что у вас есть всякого рода музыкальные инструменты. Председатель стал настаивать:

- Почему вы таите и не хотите сказать правду. Я отвечаю:

- Заходите в дом и увидите, что там есть, а чего нет. В дом они не зашли, но зашли в дом моего брата Ивана. Там составили акт и наложили налог на четыре дома - на наш дом, на дом Андрея Павлия, на дома Степана Когута и Василия Романа. На каждый дом по тысяче двести рублей. Когда прислали платежный налог, я поехал в район к председателю райкома, с которым мы были знакомы. Когда зашел к нему в кабинет, то он закрыл дверь на замок, чтобы никто не мешал нам в разговоре:

- Рассказывайте, Палчай, зачем вы пришли ко мне.

- За помощью. На наши дома наложили большой налог: по тысяча двести рублей на семью. Он говорит:

- В этом деле я помочь вам не могу. Только, если я выну деньги из своего кармана и дам вам. Потому что советские законы такие, что написано пером, то не вытащишь и волом.

У нас была одна верующая русская - врач, так я и ее спрашивал, куда написать, чтобы отменили налог? Она ответила точно так, как и председатель райкома, будто сговорились. И я уже уверился, что никто нам не поможет. Так как у нас заплатить было нечем, то верующие из другого района принесли нам деньги. А через три дня надо было заплатить налоги. Но вечерами мы по-прежнему собирались на молитву. И вот вечером через сестру Марию Павлий идет пророчество: "Не бойтесь. Платить не будем ни копейки." Но мы впали в большое сомнение. Не знали: верить сказанному или нет. А ночью мне приснился сон, и был голос: "Тебе нужно идти в область!" Я проснулся. А утром говорю жене:

"Мне нужно идти в область, в Ужгород." Ужгород от нашего села за сто километров. Я забрал все платежные ведомости и пошел. Задумал я пойти к председателю обкома. В центре города спрашиваю у людей:

- Где находится обком?

- А к кому вы хотите идти?

- К председателю.

- Вас к нему не пустят, там милиция пропускает только по пропускам. Но я пошел и никого не увидел перед собой. Не знаю как, но я очутился в кабинете. Поздоровался. Председатель меня спрашивает:

- За каким делом пришли?

- Я пришел из Хустского района. На нас наложили налог по тысяча двести рублей, а я даже не знаю за что.
 - Не может быть, - говорит он. Здесь написано, что вы каждый год имеете доход по сорок тысяч, и из этих сорока тысяч вы должны заплатить тысячу двести рублей налог. Глядя на меня, он далее спрашивает:
 - Скажите, чем вы занимаетесь?
 - Я простой рабочий. Покачав головой, он долго меня допрашивал, чем я занимаюсь. А потом говорит:
 - Это за то, что вы пастор.
 - Если в самом деле за то, что я и пастор, то почему такой же налог наложили на эти три дома?
 - и показываю ему ведомости.
 - А этого я уже не знаю.
 - Я не получаю ни от кого ни одной копейки. Имею то, что зарабатываю своими руками.
 - А за что вы служите? - перебил он меня.
 - Христов гроб воины за деньги стерегли. Иуда носил денежный ящик, за то после и повесился. А я хочу жить и Христу служить. Мы еще продолжили беседу. А затем он говорит:
 - Пойдите в конец этого коридора, там находится Облфинотдел, и там всё расскажите, как мне. Пока я дошел до того отдела, он позвонил им и всё рассказал. Открываю дверь, а они меня спрашивают:
 - Зачем вы пришли к нам? Начал я им рассказывать,
 - Ладно, мы всё знаем. Пишите жалобу на несправедливый налог и принесите к нам. Я отвечаю:
 - Я могу сразу написать.
-
- За себя вы можете написать, а за других кто будет писать? Идите домой и завтра придет. Я приехал домой, написал жалобы на несправедливый налог, все четверо расписались. На другой день принес я эти жалобы в Облфиннотдел. Когда я зашел в кабинет, то человека, с которым я разговаривал вчера, не было, а на его месте сидел другой человек и спрашивает меня, зачем я пришел. Я говорю, что принес жалобы, но человека, которому должен отдать их, не вижу.
 - Давайте их сюда, я положу их ему на стол под стекло, а завтра он будет здесь и рассмотрит ваши жалобы. Но я возразил:
 - Завтра уже будет поздно, - нам сказали, если завтра мы не заплатим налог, то продадут наши дома.
 - Идите домой спокойно, никто не продаст ваши дома, а если придут за деньгами, то скажите, что вы были в Облфиннотделе. Я вернулся домой, и никто нас больше за эти деньги не спрашивал. Прошло две недели и меня вызвали в районный финотдел. Как только я туда зашел, на меня сразу закричали:

- Это вы были в облфинотделе?
- Я был.
- Ничего, мы к вам подойдем с другой стороны! Можете быть свободны! Мы были очень благодарны Богу за то, что Он сказал и исполнил.

С братьями и сестрами во Христе из села Кушница у нас были близкие, добрые, христианские отношения. Хотя это село находилось далеко от нашего села, среди Карпатских гор, но это не являлось препятствием для Евангельской вести. В этом селе многие приняли Христа, как личного спасителя. Многие были крещены Духом Святым. Здесь Бог тоже проявлялся в славе и силе Духа Святого. В этом селе была одна женщина, одержимая нечистым духом. Нас призвали Кушницкие братья, чтобы молиться за нее. От нашего собрания пришло трое: я, Анна Роман и Василий Павлий, которые были еще не женаты. Мы пришли и собирались для молитвы в доме брата Ивана Гецко. Братья ушли, чтобы пригласить эту женщину для молитв. Но она не хотела идти, и тогда братья привели ее силой. Дьявол сильно мучил ее. Отнимал от нее ум, она никем не могла работать. Мы преклонили колени для молитвы, но она не захотела преклонить колени, а стала подходить к каждому брату, пытаясь двумя пальцами выколоть глаза. Когда мы увидели, что она хочет сделать, то попросили их братьев выйти в другую комнату. Осталось нас только трое, и с нами она преклонила колени. Мы стали усиленно молиться. Призывая имя Иисуса Христа. Но бес говорил: "Не выйду." Мы вновь молились, призывали имя Иисуса Христа, а бес снова говорил: "Не выйду." Мы встали с молитвы, чтобы немного отдохнуть, и стали читать места Священного Писания, как Христос изгонял бесов. Прочитали место, где Христос по своему воскресению сказал ученикам: "именем Моим будут изгонять бесов, будут говорить новыми языками; Будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы" Мы вновь преклонили колени и стали молиться. Она также преклонила колени с нами. Мы стали призывать имя Иисуса Христа, повелевая бесу выйти. Когда продолжали это делать, то бес спрашивал:

- А куда мне идти? Мы говорим:
- Иди в безлюдное место! Тогда бес поверг ее на землю. Когда она встала, то начала плакать и благодарить Бога за очищение.

Вскоре после этого случая, в субботний день, двое верующих - муж и жена привели к нам в дом одного бесноватого. Они рассказали, что сатана сильно его мучает. Мы с женой вместе с ними стали молиться и призывать имя Иисуса Христа. Бес говорит: "Я ухожу." Мы поблагодарили Бога, думая, что бес вышел. Жена и муж пошли ночевать к нашим соседям, а этот человек остался у нас. Позднее к нам пришел еще один гость на ночлег. Моя жена постелила мне и ему на чердаке, а человеку, за которого мы молились, в другом месте - на сеновале. Мы еще не успели уснуть, как бес стал мычать,

как корова, ржать, как конь, пищать, как свинья, лаять, как собака, мяукать, как кошка. И таким сильным голосом, что соседи вокруг нас не могли спать. Мой брат Иван, который жил рядом с нами, сильно испугался и говорит своей жене:

- Пошли со мной к Михаилу, скажем, пусть прогонит этого бесноватого со двора.

Ибо, если до утра он останется у него, то Михаила посадят в тюрьму. Мы вдвоем с братом пришли к этому бесноватому, и я стал просить его слезть с сеновала, но он не хотел. Мы стали усиленно просить его и он, наконец, слез. И сразу бес поверг его на землю. Я посмотрел, а у него лицо все в крови. Моя жена быстро принесла воды, чтобы он умылся. Но со страху забыла принести полотенце. Она побежала за полотенцем, а он схватился и побежал вниз по нашему огороду. Мы за ним, чтобы он ничего с собою не сделал. Там бес снова поверг его на землю, а потом освободил его. Тогда он стал плакать и благодарить Бога за исцеление. После этого он многократно приезжал к нам и всегда благодарил за очищение.

В то же время наша родственница попала в искушение. Она была очень богобоязненна, крещенная Духом Святым, но когда молилась наедине, то слышала голос, говорящий ей:

- Не верь Богу и Христу, а если будешь верить, то приготовляйся к смерти.

Сначала она ничего никому не говорила, а стала приготовляться к смерти. Пошила себе новую одежду, пришла к нам и говорит: "Я буду умирать, мне постоянно на ухо говорит голос: - "Не верь Богу и Христу, а если будешь верить, то приготовляйся к смерти." Я уже подготовилась. Лучше умру, но буду верить." Я ей говорю:

- Сестра, не верь этому голосу. Мы преклонили колени и стали молиться. Нас было трое: моя жена, я и наша родственница. При молитве эта сестра подняла сильный крик, что мы перестали молиться. Я обращаюсь к ней:

- Ты, сестра, не кричи, а только верь, что на этой молитве Бог тебя очистит и исцелит.» Мы снова стали молиться, призывая Иисуса Христа на помощь, и она очистилась и стала здоровой. Мы были очень благодарны нашему Богу.

В нашем собрании была еще одна сестра, которой при молитве голос сказал: "Замолчи, не молись." Каждый раз, когда она приходила на служение, она хотела объявить в церкви, чтобы за нее помолились. Но служение окончается, и все разойдутся по домам, а она только дома вспомнит о своей нужде, как бы не забыть, но когда служение закончилось, то опять забыла. Так продолжалось долгое время. На одном служении она только и думала о своей нужде, как бы не забыть, но когда служение закончилось, то опять забыла. Но в тот раз после служения она осталась у нас дома. Когда все разошлись, она вспомнила о своей нужде и все нам рассказала. Я ей говорю:

"Ничего, что все разошлись, главное, чтобы наш Господь был с нами. Ты только верь, что на этой молитве Иисус Христос придет в наш дом и очистит тебя." Мы преклонили колени и призвали Иисуса Христа, и она стала здоровой. Все мы были очень благодарны нашему Богу. Многие дела творил Бог над нами, вселяя в сердца веру и надежду в наше спасение.

Глава 10

Мы собирались каждый вечер для молитвы. В один из таких вечеров председатель сельсовета Ракущинец и его секретарь Тесличко хотели нарушить наше служение. Подойдя к нашему дому, они слышали пение, молитву, разговоры. А в дом никак не могли войти - из-за большой темноты никак не могли найти дверь. На них напал страх, и они отошли от дома. И хотя они недалеко жили от нас, но несколько раз садились, чтобы отдохнуть. После того Ракущинец отказался быть председателем. Он рассказал это всё в райкоме. Председатель райкома решил сам проверить. Как-то он приехал в наше село, взял Ракущинца и Тесличку, и вместе пришли в наш дом. Когда они зашли, у нас шло служение. В это время Василий Палчай встал на проповедь. Председатель райкома простер руку, чтобы взять Василия, но его рука одеревенела и он крикнул:

"За мою руку я вам отплачу!" И еще крикнул: "Прекратите!" Но мы продолжали служение. Когда они увидели, что мы их не слушаем, то собрались и ушли. Затем снова вызвали Ракущинца в райком и сказали: "Выбирайте одно из двух: или далее будете председателем, или мы вас посадим в тюрьму." Так Ракущинец остался председателем села. Через несколько дней после этого мы с Ракущинцем ехали поездом в Хуст, он сел возле меня и всё мне рассказал. Он был добрым человеком, но тоже боялсяластей. Он много раз напоминал, что меня арестуют, но я никому об этом не говорил. А через сестру Марию Павлий было в то время сказано Духом Святым: "Михаил, тебя арестуют, ты будешь там страдать, а мы здесь будем страдать." И так почти на каждой молитве шло одно и то же пророчество. Я уже к этому привык и пренебрегал. Наконец, мне самому было сказано моими устами: "Те, которые будут тебя арестовывать, сейчас находятся в этом селе." В тот день мы собирались в гости в село Кушница за пятьдесят километров от Рокосова. Там было назначено на воскресенье преломление хлеба. Мы поехали туда еще в четверг, чтобы участвовать в трехдневном посте, приготовиться к преломлению хлеба.

Это был 1950 год. Там также были души, желающие принять водное крещение. Мы молились, чтобы было сказано, кто должен преподать крещение, а кто должен преподать преломление хлеба. И было открыто на брата Ивана Радя, что он должен преподать крещение, а мне совершить преломление хлеба. Мы, двадцать человек, пошли на речку, а другие остались на месте и продолжали молиться. Когда крещение было закончено, мы вышли из воды и преклонили колени на берегу. При молитве у меня появилось видение: показаны те, которые будут меня арестовывать, я их очень запомнил - младший лейтенант КГБ, а другой в гражданской форме. Я уже был на сто процентов уверен, что буду арестован. Вернувшись на служение, я встал и начал говорить об умывании ног, а мне Бог вновь показывает видение: кому я буду умывать ноги. Я закончил проповедь, взял полотенце, препоясался, влил воду в умывальник для мужчин, а потом для женщин. Когда я вернулся, а брат Костраба Юра, который мне был показан в видении, уже сидит, и его ноги в умывальнике. Я сильно обрадовался, что мне было показано, сбылось. Я продолжал служение. Я начал читать Луки 22:15: "И сказал им: очень желал Я есть с вами сию пасху прежде моего страдания." Иисус Христос в последний раз с учениками ел эту пасху, так и я с вами - в последний раз преломляю этот хлеб, прежде моего страдания. Многие начали плакать, а некоторые взороптали и не поверили. Когда преломление хлеба закончилось, то один брат пригласил нас к себе на ночлег. Он сильно меня начал обличать, говоря:

"Всё было хорошо, но не надо было говорить, что ты больше не будешь преломлять с нами хлеб, прежде твоего страдания. А если тебя не будут судить в течение года или двух лет, то ты не сможешь с нами участвовать в Воспоминании." Я ему говорю:

"Как я сказал, так и будет. Я только поеду домой и меня арестуют." Мы переночевали ту ночь в Кушнице, а утром поехали домой. Дома не успели мы с женой переодеться, не прошло и пяти минут, как приходит посыльный из сельсовета и говорит: "Вас троих: Павлия Андрия, Ивана - твоего брата и тебя вызывают в сельсовет." Когда мы пришли в сельсовет, то я сразу узнал тех двоих, которые мне

были показаны в видении. Затем пришел секретарь и говорит: "Мы вас вызвали по ошибке. Идите домой." Мы вышли, а за нами председатель, секретарь и те двое. Мы шли впереди, а они сзади на расстоянии пяти метров. Иван спросил:

"Куда эти четверо идут?" Я говорю:

"Меня арестовать." Но Иван не поверил. Потом мы увидели на дороге стоящую грузовую машину.

"На этой машине меня отвезут," - сказал я. Но Иван засмеялся. Когда мы зашли в нашу улицу, эти четверо догнали нас и стали спрашивать кто где живет: "Кто здесь живет?" "А кто здесь живет?" Когда подошли к моему дому, снова спрашивают: "А здесь кто живет?" Я ответил:

- Здесь живу я. Они говорят: -Мы зайдем к вам.
- Заходите в дом.

- Разрешите у вас сделать обыск,, потому что у вас есть оружие. Оружия они не нашли, но нашли две большие Библии, не помню уже, сколько Новых Заветов, Песенники и журналы. Потом связали всю эту литературу вместе, а мне говорят: "Вы арестованы." Я попросил:

- Разрешите мне помолиться с женой и детьми. Они ответили:
- Довольно вы уже молились. Жена с детьми стали сильно плакать. Так я попрощался со своей любимой женой и четырьмя дочками, и меня увезли.

Привели меня к машине, что стояла на дороге. Туда же привели Анну Роман, молодую девушку, и молодого юношу Михаила Чухрялю. На этой машине нас привезли в Хуст в районную тюрьму. Мы пробыли там одну ночь, а утром нас отвезли в Ужгород. Ввели в кабинет начальника тюрьмы и начальника КГБ. Там сделали обыск. У меня в кармане нашли Новый Завет и двадцать пять рублей, которые мне дала жена. Другие двадцать пять она оставила себе. Это всё что у нас было. Новый Завет у меня отобрали, а деньги отдали младшему лейтенанту, чтобы он передал моей жене. Потом меня раздели, одежду засунули в мой мешок и меня нагого завели в камеру. Я испугался, что должен буду находиться нагим. Когда я зашел в камеру, то там все люди были одетыми. Эти люди сказали мне: "Не бойся, они твою одежду отнесли в пропарку." Через некоторое время принесли мне мою одежду. Она была горячая настолько, что ее нельзя было взять в руки. Я стал одеваться, но все пуговицы на одежде были оторваны. Первую тюремную ночь я переночевал спокойно. На другую ночь меня вызывали на допрос. Записали фамилию, имя, адрес. Стали спрашивать, какого я вероисповедания. Потом следователь спросил:

Ваша община зарегистрирована в отделе религиозных культов?

- Нет. Потом следователь говорит:
- Палчай, если американцы будут наступать на Советский Союз, вы возьмете в руки оружие? Я ответил:

- У меня нет врагов, а если бы и были, то за них нужно молиться.
- Вы хотите молиться за тех, кто отбирает ваш дом и огород?
- Никто не отбирает у меня ни дом, ни огород.
- Вас нужно выслать в Америку, там подохнете, как собака, там нечего кушать, люди умирают с голоду, многие живут только травой, как скот. Вы антисоветский пропагандист. Он плунул на пол, растер ногой и добавил:

"Вас нужно уничтожать, как букашек." Многое он меня спрашивал и записывал в течение двух часов. Потом конвой отвел меня в камеру. Только я разделился и лег, как через пятнадцать минут снова приходит конвой и ведет меня к следователю. Еще два часа разговора. Потом отпустили на пятнадцать минут, и вновь на два часа к следователю. Так продолжалось всю ночь. Такие ночи у меня были в течение шести недель. Днем я находился в камере, но спать днем было нельзя. Если кого-либо находили лежащим днем, то закрывали в холодный изолятор. Я выбился из сил и очень ослаб. Каждые десять дней нас водили в баню. Когда десятый день выпал на субботу, я отказался идти в баню. Конвой сообщил начальнику тюрьмы, что один из заключенных отказался от бани. Приходит начальник тюрьмы и спрашивает:

- Кто отказался от бани?
- Я.
- А почему?
- Я верующий христианин, храню святой день субботу, и никакого дела в субботу не делаю. Он говорит:

- За это ты получишь пять суток карцера. И ушел. Заключенные сказали мне, что это был начальник, и что он скажет, то будет исполнено. Я ждал день, второй, но меня в карцер не посадили.

Каждый день заключенных водили на пятнадцатиминутную прогулку. Я тоже всегда ходил на прогулку, но когда наступила суббота, я не вышел. Пришел конвой и силой меня вытащил во двор. Поставил к стенке, которая вся была изрешечена пулями. Здесь яостоял пятнадцать минут, и потом меня отвели в камеру. Когда наступила следующая суббота, меня только спросили:

- Палчей, ты будешь выходить на прогулку?
- Нет.

Всех, как обычно, вели на прогулку, а меня оставляли в камере и закрывали двери. В это время приехали свидетели на очную ставку. Послали за мной конвой, чтобы привести к следователю. Приходит конвойный, открывает дверь и находит меня молящегося на коленях. Конвойный говорит: "Встань." Но я продолжал молиться и не вставал. Тогда он взял меня за куртку и начал трясти. Увидев, что мои глаза закрыты и я говорю какие-то слова, он сильно испугался и побежал за врачом. Пока женщина врач пришла, я кончил молиться и уже сидел. Она зашла в камеру.

- Здравствуйте! - сказал я. Она ответила:
- Здравствуйте. Потом спрашивает меня:
- Что случилось? Конвой говорил, что у вас были закрыты глаза и вы не хотели вставать.

- Я молился и разговаривал с моим Богом. Сейчас я разговариваю с врачом. Она похлопала меня по плечу и говорит:
- Правильно вы говорите, молодец. И ушла.

Мы сидели вдвоем в одной камере с братом Юром Саморыгом и пели вполголоса псалом. Конвой открыл на двери окошко и записал наши фамилии. Утром вызвали начальника тюрьмы и осудили меня на трое суток, а Саморыгу на пять суток изолятора. Его посадили в один изолятор, а меня в другой. Приносят мне стакан холодной воды, сто грамм черного хлеба и говорят:

"Это тебе на сутки." Я воду выпил, а хлеб положил на холодный радиатор. В изоляторе человек должен простоять целый день. К стенке прислониться нельзя, потому что она холодная, как лед. Пол бетонный. На ночь в изолятор четверо человек заносят тяжелую деревянную постель, как наручу. Эта постель без матраца и каких-либо постельных принадлежностей - только голые доски. До утра на этом ложе можно лежать или сидеть. В шесть часов утра этот лежак уносят. Затем приносят кусок черного хлеба и стакан холодной воды. Конвой заметил, что я не съел хлеб и спрашивает:

- Почему вы не съели хлеб?
- Я не голоден, - ответил я, взял другой кусок хлеба и положил на радиатор. На третий день пришел конвой с офицером. Увидели два куска хлеба и спрашивают:
 - Почему вы не едите хлеб?
 - Я не голоден. Тогда один другому говорит: "Уже третьи сутки ничего не кушает."

При наступлении вечера меня отвели в камеру.

В камере нас было десять человек. И девять были курящими. Там был священник Православной церкви, редактор газеты, начальник железнодорожной станции, директор школы глухонемых, председатель райкома и другие. Все хотели меня угостить сигаретой. Я отказался, а они удивлялись почему я не курю. Я им говорил:

"Моисею Бог сказал: "Сделай себе кадильницу, вложи в нее горящие угли и всыпь фимиам и ладан, благоприятное курение". А через пророков Бог говорил: "Курение отвратительно для Меня", - хотя это кадили кадильницей в храме. Апостол Павел говорит: "Вы храм Бога живого, и дух Божий живет в вас." Если Богу было отвратительно курение благоухания в храме, то неужели Богу угодно, чтобы мы курили мерзкие курения, которые приносят вред нашему здоровью." И хотя многие из сидящих в камере были греко-католиками, но все бросили курить. Я много говорил из Священного Писания, и так как с нами был священник, то они его спрашивали:

- Правильно Миша говорит? Священник потверждал:
- Да, так написано в Библии. Все очень любили слушать из Библии. Но когда следствие кончилось, то меня вызвали на очную ставку с председателем нашего села Ракущинцем и секретарем Тесличко. Когда я под конвоем зашел в кабинет следователя, то мне, как обычно, приказали сесть в угол, руки назад. Следователь спросил нашего председателя и секретаря:
 - Вы знаете этого человека?
 - Как нам не знать, он у нас был примерный человек.

Следователь спросил:

- Что вы можете сказать о Палчее? Первым заговорил секретарь:

"Мы знаем, что о нем сказать. У нас в селе нет больше человека, на которого, как на него, можно было бы положиться. Он очень много помогал нашему селу во всех работах, какие только ему предлагали. После окончания войны, когда венгры отступали, то они взорвали три железнодорожных моста. Сельсовет выбрал его начальствовать на постройке этих мостов. Каждый день мы посыпали по пятьдесят человек на стройку. И за сорок дней под его руководством эта работа была сделана."

Следователь перестал спрашивать председателя и говорит:

"За то, что он хороший человек, спасибо ему; за то, что он так много сделал для вашего села, тоже ему спасибо. А за то, что он не регистрирует церковь, не хочет работать в субботу и молится на языках, за это будем судить. Если сейчас перед вами он даст обещание, что от всего этого отказывается: зарегистрирует церковь, как все другие сделали, то мы сразу же освободим его, и он вместе с вами поедет домой." Но я ответил:

"Меня Бог призвал к себе не для того, чтобы я от Него отказывался, а для того, чтобы Ему служить и унаследовать уготованное Им." Затем в кабинет вызвали старшего следователя КГБ и тот долгое время убеждал меня, чтобы я согласился. Но я отказывался. Тогда он говорит:

- Вы должны подписатьсь, что вы антисоветский пропагандист.
- Никакой я не пропагандист, я христианин и подписываться не буду. Затем он спрашивает меня:
- Вы "Отче Наш" молитесь?
- Да, потому что эту молитву Христос завещал всем молиться.
- Тогда вы являетесь антисоветским пропагандистом. Вы говорите: "Да будет воля Твоя", а мы хотим, чтобы воля была наша. Вы говорите: "Да придет царство Твое", а мы хотим, чтобы царство было наше, а не Божье. Я ответил ему:
- Я не знал, что люди, которые молятся "Отче Наш", являются антисоветскими пропагандистами.

Потом он приносит кучу бумаг и показывает мне: "За вами следствие идет с 1934 года, с того времени, когда вы стали верующим." Затем завели меня в другой кабинет, сфотографировали и хотели еще сделать отпечатки пальцев. Но я отказался. Тогда двое конвойных взяли меня сзади за руки и стали тянуть, пока я не упал на пол. Потом они коленями уперлись мне в грудь и стали душить. Там была женщина-врач. Она увидела, что они долго меня душат и сказала:

"Довольно. Поднимите его." Они подняли меня, так как сам я не мог подняться. Потом один взял меня за руку выше локтя, а другой ниже локтя и стали так жать, что рука сделалась недвижимой. Так они сняли отпечатки пальцев и положили мою руку на окончательный акт. И говорят мне:

- Вы всё-таки сделали отпечатки пальцев.
- Не я сделал, а вы, - ответил я. Потом он меня спрашивает:
- Акты на следствии вы подписывали?

- Я не подписывал ни одного акта.
- А почему, - спрашивает он. Я ответил:

"Когда моего Господа Иисуса Христа осудили на смерть, Он акты не подписывал, я тоже не подписал." После этого меня отвели в камеру. От насилия конвоиров мои руки и все внутренности болели две недели. Это было во вторник.

Через три дня, то есть в пятницу, я получил из дома хорошую посылку. Всё, что было в посылке, я сложил в мешок. Но вечером приходит конвой в мою камеру и говорит:

"Палчей, забирай свои вещи и выходи." Я вышел, но без вещей.

- А вещи? - спрашивает он.
- Вещи в день субботний я не ношу, а сейчас уже настала суббота. Он повторил два раза:

"Забирай свои вещи! Забирай свои вещи!" Но я не брал. Тогда он приказал:

"Руки назад, шагом марш!" Мы пошли по коридору и зашли в кабинет, где уже сидели два офицера КГБ. Они посмотрели на меня и спрашивают:

- Где твои вещи?
- Сегодня суббота, а в святой день субботний, я вещи не ношу. Они приказали конвою отвести меня за вещами. Он привел меня в мою камеру и спрашивает:

"Где твои вещи?" Я показал на мешок и сказал: "Сегодня я его нести не буду." Он несколько раз пытался заставить меня нести мешок, но я отказался. Тогда он взял мешок за веревку и понес сам.

Когда мы зашли в кабинет, и офицеры увидели, что конвойный несёт мешок, стали сильно смеяться.

- Почему ты принес его вещи? Конвойный отвечает:
- Понимаешь, он - субботник, ему нельзя сегодня нести. Всё, что им надо было от меня, они спрашивали, писали, а потом приказали мне встать,
- Забирай вещи, выходи! Но я сказал:
- Я их сюда не нес и отсюда их нести не буду. Тогда конвойный взял мешок и мы вышли во двор. Там меня ждала тюремная машина. Конвойный бросил мой мешок к другим пяти мешкам, что уже там лежали. Нам всем приказали сесть на пол, спиной к вещам, и не разговаривать. Через некоторое время нас привезли в другую тюрьму. Машина остановилась, нам приказали: "Забирайте вещи и выходите." Каждый взял свои вещи, а мои вещи взял конвойный, и мы пошли. Он привел нас в помещение и передал нас другому конвою. Потом каждого из нас посадили в дощатые кабины, высотой в рост человека и шириной в восемьдесят сантиметров. Мы пробыли там около часа, затем приходят за нами из тюрьмы. Все взяли свои вещи, а я вышел без вещей. Конвой говорит:

- Вещи забирай!
- Я вещи в день субботний не ношу.
- А сюда их кто принес? - спрашивает он.

- Конвой. Тогда он взял мои вещи, привел нас и посадил каждого отдельно в карцер. Я пробыл в карцере до субботы после обеда. Пришел конвойный и говорит:

"Забирай вещи, выходи!" Я вышел, но без вещей. Этому конвою я тоже сказал, что в субботу вещи не ношу. Он без колебаний взял мои вещи и привел меня к другому конвою, который делал обыск. Этот конвойный, когда услышал, что я субботник и в субботу не ношу вещи, не стал делать обыск, а взял мой мешок и завел меня в кабинет, где сидело несколько КГБ-истов. Когда они увидели конвойного с мешком на плече, то громко смеялись, а потом спрашивают:

- Что такое, почему ты его мешок принес?
- Видите, ему в субботу нельзя, а сегодня суббота, и мы должны за ним носить. Они говорят:
- Ничего, отсюда он понесет сам. Пока я пробыл у них на допросе, солнце уже зашло, и суббота кончилась. Но я им ничего не говорил. А когда они хотели отправить меня в камеру, то вызвали еще одного конвойного. На моем мешке была длинная веревка. Один из них взял мешок и держал сзади меня, а другой этой веревкой привязал мешок ко мне, просовывая веревку сквозь каждую петлю пиджака. Когда мешок был хорошо привязан, они приказали:

"Руки назад, шагом марш!" Конвой привел меня в камеру, где находилось одиннадцать человек. Когда я зашел в камеру, то все устремили взоры на меня. Они подумали, что конвой привел к ним какого-то сумасшедшего. Я распутал мешок, встал на колени и с молитвой закончил день субботний. Эти люди не спускали с меня глаз. Когда я помолился, то развязал мешок и стал делить поровну все, что там у меня было. А был у меня красный перец, печенье и зерна грецких орехов. Все это я разложил по тумбочкам, подошел к своей тумбочке, помолился стоя и стал есть. Со мной рядом была кровать какого-то офицера. Он курит и на меня смотрит. Пока я ел, он мне ничего не говорил. А потом стал задавать вопросы:

- Почему вы не креститесь рукой?
- Мы, верующие, руками не крестимся. Он предложил закурить.
- Верующие не курят, - сказал я. Так целый вечер я говорил с ним о Священном Писании. Мы легли спать. Койку офицера от моей койки разделяла тумбочка, а моя койка была вместе с другим человеком. И этот человек шепчет мне на ухо:

"Больше с этим офицером не беседуйте, потому что он нас всех уже бил. Даже начальство в нашу комнату не приходит, потому что он всех бьет. Все его боятся. Мы ждали, что он будет бить вас и нас. Но завтра вы не останетесь в стороне, чтобы он вас не побил." Утром, когда мы встали, умылись, этот офицер пришел и сел на мою койку рядом со мной. Я подумал, что он пришел меня бить. Но он говорит:

"Этой ночью у меня был чудесный сон. Вы можете мне его разъяснить?" Я говорю:

"У меня нет такого дара: разъяснять сны. Такой дар был у пророка Даниила, который разъяснял сны царю Навуходоносору." Я подробно рассказал ему про Даниила, как написано. Потом рассказал ему про Иосифа, как он был заключен в темницу, а потом, как разъяснял сны Фараону Египетскому. После чего стал великим человеком в Египте. Но когда я закончил, он мне говорит:

"Какой вы верующий, если не можете разъяснить мне сон?" Я и сам понимаю, но не всё.

- Скажите, - говорю, - какой у вас был сон?

- Я видел во сне, что я нахожусь в каюте без окон, без дверей, без потолка и в грязи по колена. У меня одно занятие: беру обеими руками одну ногу и вытаскиваю из грязи, потом беру другую ногу и вытаскиваю из грязи. Но пока я вытащу другую ногу, первая проваливается в грязь. Такая у меня работа, никак не могу вытащить ноги из грязи. Я очень устал. Потом смотрю вверх и вижу женщину, стоящую наверху этой каюты. Она спрашивает меня: "Желаешь выйти из этой грязи?" Я говорю: "Да, но как я могу выйти из такой глубокой грязи?" Женщина говорит мне: "Простирай руки вверх." Она взяла меня за обе руки и вытащила наверх. Потом привела меня к двум речкам, и там была лодка. Она говорит: "Садись в лодку, и подала мне весло. А теперь - греби!" Я поплыл по речке, и проснулся.

- Я понимаю так: Глубокая каюта - это мое безвыходное положение. Грязь по колена - мои грехи. Та женщина, которая вытащила меня из грязи - это ваш Бог послал вас ко мне, чтобы освободить меня от греха. Но я не понимаю, что означают эти две речки и лодка? Тогда я говорю ему:

"Две речки - это два Завета: Новый и Старый Завет. А лодка - это церковь. Когда Бог вас освободит из тюрьмы, вы должны присоединиться к истинной Церкви Божьей и плыть с этим течением Господним." Он встал на ноги, а затем снова сел.

"А когда вы молитесь? - спросил он. Когда ложитесь спать, встаете и хотите кушать?»

- Когда я хочу спать, - ответил я, то я молюсь, чтобы Бог благословил меня на эту ночь и благодарю за прожитый день. Утром благодарю Бога за прошедшую ночь и прошу от Бога благословение на предстоящий день. Благодарю Бога за пищу и прошу от Бога благословение на пищу. Он попросил:

- Научите меня молиться. Я ему говорю:

- Если бы вам нужно было о чем-то просить начальника, то вы бы спрашивали кого-нибудь, как нужно просить?

- У начальника я знаю, как просить, а вот молиться не умею.

- Наш Бог такой, - говорю ему, - что тебе нужно, то и проси у Него. Он встал, пошел в угол, поднял руки вверх и начал молиться. Долго он молился, а когда встал, подходит ко мне, берет и обнимает меня обеими руками. Весь в слезах:

- Браток, меня Бог научил молиться. Все люди в камере молча смотрели на нас с великим удивлением. Потом он подошел к своей тумбочке, которая полностью была забита папиросами, и говорит одному человеку:

- Иван Иванович, забирай папиросы!

- Да, я заберу, а ты потом мне морду набьешь? - отвечает тот.

- С этих пор я бить никого не буду, и пока здесь нахожусь в моей тумбочке папирас не будет. Мы пробыли всего одну неделю вместе с ним в одной камере. И за это время он не отходил от меня. Днем и ночью он желал слушать Священное Писание.

Наконец меня вызвали в город Берегово на суд. Судили нас пятерых: меня, Михаила Чухрялю, Анну Роман из Рокосова, Ивана Гецко, Юру Саморыгу из Кущницы. Призвали двадцать человек свидетелей, которых долго спрашивали, пытаясь выдавить из них какое-нибудь обвинение против нас. Но все свидетели, кроме одного, говорили в нашу защиту. Правда, на это никто не обращал

внимание. Вынесли приговор - Расстрел всем пятерым! Потом заменили на двадцать пять лет дальних лагерей и пять лет поражения в правах с конфискацией имущества. В Берегове была и моя жена. Конвой не допускал людей близко к нам. Но моя жена видела машину, в которой нас привезли, она набралась смелости и подбежала ко мне. Она поцеловала меня и на прощание сказала:

"Да благословит тебя Господь! Мужайся и молись."

Так моя жена осталась одна с четырьмя дочками, которых нужно было одевать, кормить и воспитывать. Заработать было негде. В селе был только один колхоз, где она и начала работать от зари до зари, оставляя детей один дома. Для моей семьи настала очень трудная жизнь. Притеснения были со всех сторон. Радость для них была только в одном Боге.

Моя жена очень любила молиться и любила людей, боящихся Бога. Рядом с нами жила Мария Павлий, которая имела дар пророчества, и моя жена вместе с ней проводила много времени в молитвах. Бог через Марию ее часто наставлял, утешал, обличал. Еще у нее была близкая подруга - жена брата - Юлия Мондич. Они обе работали в колхозе и были очень близки друг другу. Но брат уехал на Сахалин на заработки и через некоторое время вызывал жену с детьми к себе. Там он стал работать на шахте, и ему хорошо платили. Но Иона, брат моей жены, не забывал и про свою сестру с детьми. Он вместе с женой посыпал посылки с материалом, который можно было продать и сшить одежду для детей. Моя жена умела шить и для других, чем тоже могла что-то заработать для пропитания. Другие верующие также старались помочь моей семье в то трудное, голодное время. Отец Михаила Чухряли, сына которого судили вместе со мной, не обходил мой дом, а часто посыпал своих двух сыновей помочь моей жене выполнить какую-нибудь мужскую работу. Моя жена была очень трудолюбива и сама старалась делать все, что только могла. Воспитывая детей, приучала их к трудолюбию и страху Божьему. Она часто вставала ночью и молилась наедине. Дети просыпались и спрашивали ее:

- Мама, почему ты плачешь?
- Я не плачу, детки, а говорю с Богом, - отвечала она. Бог часто вразумлял ее в сновидениях. Бог дал ей дар Духовных песен, в которых она имела большую радость. Она иногда пела по два, три часа, стоя на коленях. Дети очень любили соседку Бровдику, которую называли бабушкой. Она была вдовой, но старалась помогать всем нуждающимся, отдавая последнее от себя. Она радовалась, что мои дети ее любят, что они богобоязненны.

Глава 11

ЛАГЕРЬ В ВОРКУТЕ

После суда меня привезли обратно в областную тюрьму, где я пробыл еще несколько недель. После этого нас собрали в этапную камеру, где мы пробыли два дня. Здесь я тоже не переставал говорить о спасении Божиим. Один человек попросил слово, чтобы что-то сказать:

- Я видел многих верующих и беседовал с ними, но такого верующего как тот, что был со мною в камере, я еще не встречал. Что должно быть завтра, то ему Бог во сне возвещает, а он нам рассказывает утром. И что он скажет, то и сбудется. Как-то утром он встал и говорит нам: "Меня судила Москва заочно, и дали мне десять лет." Когда после обеда послышался шум у дверей, то он говорит: "Это мне идут зачитывать приговор." Так точно и случилось, ему зачитали приговор: Десять лет дальних лагерей! - и ушли. А он встал в угол и со слезами начал молиться и благодарить Бога, так что мы все - верующие и неверующие стали молиться вместе с ним. Мы видели, что с ним пребывает Бог. Я спросил этого человека:

- А его фамилию вы случайно не знаете?
- Да! Знаю: Родион Иванович. У меня от этих слов мурashki пошли по телу. От радости слезы на глазах появились: ведь это тот самый офицер, с которым я пробыл неделю в одной камере. Больше я его не видел, а только сейчас услышал о нем.

Потом нас отвезли во Львов на пересыльный пункт. Мы прибыли туда после обеда, и нас посадили в большую камеру с голыми бетонными полами. Как всегда, здесь я начал говорить людям из Священного Писания. Но один украинец прибежал ко мне и говорит:

"Я тебе сейчас покажу, ты оставил нашу украинскую веру и проповедуешь субботницкую." Он сам не знал, что он говорит, потому что украинской веры нет. Вера только одна

- Вера Божья. Когда он нацелился, чтобы меня ударить, то один благочестивый человек, тоже украинец, взял его за руку и говорит:

- Что ты делаешь? Этот человек говорит совершенную правду, а ты ничего не понимаешь. Ты бы слушал, да молчал. И он больше ни во что не вмешивался. Потом стали угождать меня сигаретами, но я сказал, что верующие не курят и стал им говорить из Священного Писания об этом.
- Если бы вам предложили тарелку пищи, смешанную с папиросами, то вы бы это ели?
- Нет.
- А почему?

- Потому, что это не чистая пища. Я продолжал с ними беседовать. Затем тот человек, который вступил за меня, говорит:

- Я до этого времени курил, так как не знал, что это скверна, а с этого времени я больше курить не буду. Его звали Паляница Николай.

Когда наступила ночь, нам принесли деревянные щиты. Конвой выдавал каждому по очереди, но когда пришла моя очередь, он говорит:

"Всё, больше щитов нету." Я молча отошел от дверей, думая, что придется простоять всю ночь. Но когда все улеглись на свои щиты, Николай Паляница говорит своему односельчанину:

"Давай сложим свои щиты вместе и будем спать втроем, бочком, потому что этому человеку не дали щит." Так мы переночевали ту ночь. На другой день нас перевели в другую камеру, где были двойные нары. Там уже можно было сесть и отдохнуть. В этой камере я встретил десять священников греко-католической церкви. Между ними был и православный священник, с которым мы были в одной камере в Ужгороде. Этот священник рассказал всем про меня. При наступлении вечера священники провели служение. Когда их служение закончилось, они говорят нам:

"Можете и вы провести свое служение." Мы встали, пропели короткий псалом Давида, потом преклонили колени, помолились. После молитвы Саморыга Юра встал на проповедь. За ним я, и с молитвой мы закончили служение. Всех нас в камере было около ста человек. Мы пробыли там несколько дней. После этого нас отвезли на железнодорожную станцию и начали грузить в товарные вагоны, как скот . Целый эшелон. В каждом вагоне были двухъярусные нары с голыми досками. Мы ехали без пересадок одиннадцать суток. В каждом вагоне было так много людей, что на нарах можно было спать только бочком и то не всем. На каждой остановке в вагон заходил конвой, днем или ночью, и каждого человека раздевал и делал обыск. В одно время я видел сон с названием города, куда нас ведут, я встал ночью и хотел записать , но так как не на чем было писать, то я записал на куске мыла. Утром зашел разговор о том, куда нас везут, называли разные города. Я сказал, что я знаю куда и побежал за мылом, однако кто-то уже пользовался мылом и название стерлось. Потом один человек назвал город Воркута, и я вспомнил и сказал: "Да, Воркута." Наш эшелон отправляли на север в город Воркуту.

В одну из этих ночей я видел сновидение: Надо мной висела сумка, а в ней было двенадцать яблок. Одни яблоки спелые, красные, а другие - зеленые. И ко мне был голос: "Куда ты едешь, там встретишь двенадцать верующих братьев." Потом вижу круговую железнную дорогу и на ней вагон-площадка, в котором я нахожусь. Вокруг не видно ни одного дерева, а только кусты. На одиннадцатые сутки наш эшелон прибыл в Воркуту. Нас отвезли в лагерь, где уже находились другие заключенные. Мы трое - я, Михаил Чухряля и Юра Саморыга попали в одну камеру. Вскоре приходят к нам трое верующих братьев из этого лагеря и спрашивают: "Есть между вами сыны Авраама?" Я очень обрадовался.

- Да, есть три сына Авраама. Другие неверующие не поняли, о чем мы говорим. Я тогда спрашиваю:

- А между вами есть еще верующие?
- Да, есть, но сколько, точно мы не знаем.
- Мне Бог открыл, что вас, верующих, здесь двенадцать человек.
- Завтра узнаем, Бог тебе открыл, или это был только сон. На другой день, сразу после подъёма, прибегает один из этих братьев и говорит:

"Поистине, Михаил, тебе Бог открыл, что нас здесь двенадцать человек. Мы до сих пор не знали, сколько нас здесь. Мы были очень благодарны Богу за сновидение." Потом я спросил этого брата, нет ли у него куска бумаги. Он дал мне кусок бумаги от цементного мешка. На этой бумаге я написал заявление начальнику лагеря: "Мы, трое верующих,-Михаил Гаврилович Палчей, Михаил Васильевич Чухряля, Юрий Юрьевич Саморыга - прибыли в ваш лагерь. По своим убеждениям мы по субботам работать не будем." Под этим заявлением мы все трое расписались. Я отнес заявление в кабинет начальника лагеря. Он взял его, и положил на стол под стекло. Вернувшись в свой барак, я увидел конвойного, который говорит:

"Собирайтесь на завтрак!" Он привел нас в раздаточную, потому что столовой у них не было, а была только кухня и небольшая раздаточная. Нам дали первое - одну чашку на двоих, и второе, также одну чашку на двоих. На первое дали пол-чашки супа, а на второе - две ложки овса. В раздаточной нельзя было кушать, - туда заходили только по два человека, получали свой паек и несли в барак. Когда выходили из раздаточной, поднялся такой сильный ветер, что первое в чашке невозможно было донести, только второе. Мы скучали по ложке овса, когда приходит конвой:

- Выходите все на снегоборьбу! Это было в конце мая. Пошел такой сильный снег, что все поезда остановились. Когда мы вышли на железную дорогу, я подошел к конвою и спросил:

- Скажите, а куда эта дорога ведет?
- На Воркуту, - ответил он.
- А от туда?
- Тоже с Воркуты
- Разве есть две Воркуты?
- Нет. Воркута одна, а только железная дорога круговая. Тогда я понял свой сон: Я иду по круговой железной дороге, где вокруг ни одного дерева, а одни только кустики. Мы пробыли на снегоборьбе восемь часов, потом нас привели в лагерь и мы пошли на ужин. На ужин дали борщ с мерзлой, черной картошкой. Несмотря на то, что борщ был очень горячий, каждый старался выпить его на месте, а второе несли в барак и там уже кушали.

На следующий день после завтрака нас отвезли на строительство, тоже на восемь часов. Вечером привезли обратно в лагерь. Питание здесь было двухразовое. Была пятница перед наступлением субботы. Все пошли на ужин, а мы трое остались. В субботу утром после завтрака приходит разнарядчик и говорит:

"Собирайтесь на выход!" Все вышли, а мы трое остались сидеть. Нарядчик подошел к нам и говорит:

- Почему вы не выходите на работу?
- Мы по субботам не работаем, - ответил я.
- Я не знаю никакой субботы. Он подошел и дернул меня за руку.
- Выходи! Потом вернулся за другим и также дернул его за руку. Я за это время сел на свое место. Он пошел за третьим, но за это время второй сел на свое место. Он увидел, что ничего с нами не может сделать, а люди у ворот стоят, ждут, плонул и оставил нас. Всех заключенных утром вызывают на проверку по карточкам. Идут сразу по пять человек, держа друг друга за руки из-за сильной пурги, которая может унести крайнего. Было много случаев, что люди гибли от пурги. Когда нарядчик вызывает по карточке, то за воротами каждого заключенного ожидают конвойные с собаками и зачитывают приказ: "Шаг назад или шаг вперед, будем стрелять!" Все должны идти молча в шахту или на строительство, кто куда способен. Когда развели всех заключенных на работу, то собралась вся лагерная администрация на вахту и нас вызвали туда. Я шел впереди, за мной Юра, следом за ним Михаил. Меня первого спросили: "Почему не вышел на работу?" Я ответил:

- Сего́дня свято́й день суббо́та, а Бог сказа́л: "Шесть дне́й работай и делай вся́кую рабо́ту, а седьмой день - суббо́ту, не делай никакой рабо́ты." За мной спрошили Юру. Он отве́тил, как и я. За ним Михаи́ла - он повтори́л те же слова. Тогда один из офице́ров говори́т:

"Смотри, какой молодой, а тоже знае́т, что отве́чать." Немно́го побеседова́ли с на́ми, а пото́м говоря́т:

"Зде́сь в лагере, ребя́тки, мы вас застави́м работать, потому что зде́сь никаких выходных не было и не будет!" Мы сказа́ли:

"Делайте с на́ми что хотите, но мы в суббо́ту работать не будем!" Тогда один из них встал:

"Ну что с ними будем делать?" Начальник режима говори́т:

"Расстрелять, как собак!" Жалко советской пули для таких негодяев." Пото́м спрашива́ют другого.

- А вы что предложите с ними сделать?
- Повесить на этой веревке, - говорит он.
- Нет, веревки жалко для таких скотин. Тогда его снова спрашива́ют:
- А что вы еще предложите? Он говорит:
- На собачник. Пусть их собаки растерзают! На это все закрича́ли:
- Правильно! Вызвали конвой и тот отвел нас на собачник. Собачник находи́лся довольно далеко в поле. Там было много сильных, злых овчарок. Конвой передал нас другому конвою, который управля́л собаками. Конвойный привел нас во двор и спрашива́ет:

"За какую провинность вас привели сюда на такую тяжелую смерть? Что вы сделали?" Я рассказал ему подробно все. Он спрашива́ет:

"У вас дома есть жены, дети?"

- Да, есть у меня и Юры, а Михаил не женат.
- Разве вам не жалко своих жен, детей, родителей? А вы сами отдаетесь на такую тяжелую смерть. Вы знаете, что такое собаки? Мне вас жалко. Вот зде́сь кучка шлака, я вам принесу лопату, раскида́ете этот шлак, а я позвоню, что вы работаете, и вас оправда́ют. Я сказал, что мы работать не будем, но он на это никакого внимания не обратил, а побежал и принес лопату. Дает мне ее в руки, но я не взял. Тогда он прислонил лопату ко мне, но я отодвину́лся, и лопата упала. Потом он сделал так с каждым, но никто не дотрону́лся до лопаты. Он пошел в телефонную будку и все рассказа́л. Вернувшись, он стал нас сильно уговари́вать. Но мы сказа́ли ему:

"Не уговаривайте нас. Мы готовы за свято́й день суббо́ту пойти на смерть." Тогда он зашёл в отделение собак, выбрал одну, надел на нее намордник. Потом привязал собаку на большую цепь к столбу во дворе. Мы находи́лись на таком расстоянии, что собака не могла нас доста́ть. Собака рвалась с цепи, лаяла, вся вспотела, но нас не доставала. Мы были очень легко одеты, еще в своей одежде и обуви. Так мыостояли на одном месте два часа, на сорокаградусном морозе. Наши ноги примерзли, глаза покрылись инеем, мы ничего не могли видеть. Слезы лились из глаз и застывали сосульками. Когда конвойный уви́дел, что мы ничего не боимся, он развязал собаку и отвел ее к другим собакам. Потом вызвал конвой, который нас привел на собачник. Тот дал приказ: "Руки

назад, шагом марш!" Мы пробовали идти, но наши ноги не двигались. Помаленьку, по десять сантиметров, мы пытались переставлять ноги. В продолжение долгого времени мы шли так, пока наши ноги не обрели способность нормально двигаться. Конвой привел нас в холодный изолятор. Но когда мы зашли туда, то нам показалось, что там жарко, хотя стены изолятора были белые от мороза. Там были нары из досок. Пришел начальник режима, а мы поем. Он нас спрашивает:

"Ну что, будем работать?" Мы ответили:

"Нет!" Он говорит:

"Кушать кушали, а работать не хотите.»

- По субботам мы не кушаем, потому что это приготовляется в субботу. Мы в пятницу всё приготавливаем на субботу, как на праздник. Потому что это заповедь Божья.

- Ладно, - сказал он и ушел. Утром открывает конвой двери изолятора и спрашивает:

"Сегодня на работу пойдете?»

- Да, - ответили мы. Он отвел нас на завтрак, а потом на строительство. Вечером мы пришли в лагерь. Приходит начальник записывать, кто что может делать.

- Есть между вами печники? Я встал:

- Я умею делать печки. Я уговаривал моих друзей, чтобы они тоже записались в печники, но записался только Михаил и еще какие-то два человека. На другой день нас отвели на шахту построить две печки. Нам двоим дали делать печку в одном бараке, а тем другим велели делать печку в другом бараке. Пришел прораб, показал где должна быть печка, дал колесики, плиту. Потом показал, где брать материал и ушел. Мы с Мишой начали работать, он подавал мне кирпич, раствор, а я делал печку. Когда печка была готова, мы немного протопили ее, чтобы обсохла. Потом поштукатурили, а когда обсохла штукатурка и побелили. В бараке стало тепло, и мы сели отдохнуть. Долго мы сидели, пока, наконец, пришел прораб. Он посмотрел на печку и на нас:

"Молодцы, у вас уже всё готово. Хорошие печники." Потом он пошел в другой барак, но печка там и до половины не была сделана, а кирпич на кирпиче без связки лежит. Он ударил ногой печку и она развалилась. Те двое, что записались печниками, думали, что будут работать с нами, а сами они не знали печных работ. Прораб им говорит: "Идите посмотрите, кто настоящие печники." Потом позвонил конвою, чтобы отвел нас в лагерь. На другой день нам дали новую спецодежду и отвели на шахту строить печку. В конце рабочего дня, когда мы шли в лагерь, нам навстречу идет начальник режима:

- Этот потолок нужно поштукатурить. Вы сможете это сделать? - спросил он.

- Попробуем, - оставьте нас завтра в лагере, и мы будем штукатурить.

- Я не могу вас оставить, - вы сами видите, что печников нет, а вы на шахте очень нужны. Лучше бы вы это после работы сделали. Там сделайте раствор и санками привезите сюда.

На другой день мы быстро сделали печку, приготовили раствор и привезли его в лагерь. Для штукатурки у нас был мастерок и сокол. Мы начали бросать раствор на доски, на которых была прибита дранка. Михаил любил работать, но штукатурить он не умел. Я начал работать в одном углу, а он в другом. Весь раствор, который Михаил бросал на потолок, падал вниз. Он весь был в растворе, а учить его было некогда. Когда мы закончили, пришел начальник и сказал:

-"Всё хорошо, больше не надо штукатурить. Я вижу, что работать вы хотите, только не в субботу. На следующую субботу у вас будет выходной." Мы проработали неделю, но когда пришла суббота, конвой выгнал нас на работу. Мы отказались. Он за это нас посадил в изолятор. Изолятор находился вместе с караульным помещением. Их разделяла только перегородка из досок. Мы стали молиться, петь песни, а конвойные все это слушали. Через два часа приходит начальник режима. Поздоровался с нами и стал извиняться, что нас посадили в изолятор.

"Больше такое не повторяться, - сказал он. Но сегодня уж потерпите, потому что сегодняшний день я изменить не могу. Я сегодня опоздал, а начальник лагеря уже издал постановление, и хотя я начальник режима, но это постановление изменить не могу." Потом он зашел в караульное помещение, а конвойные говорят ему:

- Отведи этих в холодный изолятор, они здесь кричат, поют. Своим пением мешают нам работать.

Никуда я их отводить не буду, сегодняшний день пробудете с ними. И пусть поют и молятся, - сегодня это их занятие. Мы через доски слышали весь разговор. Наутро нас освободили из изолятора.

Всю неделю мы спокойно работали до наступления субботы. Когда наступила суббота, пришел разнарядчик и, как всегда, закричал: "Стройтесь на выход, за исключением Палчея, Саморыги и Чухряли. У них сегодня выходной, по субботам они работать не будут, а будут молиться за нас." После этих слов весь лагерь загудел. До этого дня ни у кого не было никаких выходных в лагерях.

Когда заключенные-пятидесятники услышали, что субботникам дали выходной, то они в воскресение тоже не вышли на работу. Лагерное начальство, услышав об этом, собралось и стали по одному вызывать пятидесятников. Вызвали первого и спрашивают -

- Ты почему не вышел на работу? Он говорит:
- Сегодня воскресение, мне работать нельзя.
- Когда ты попал в лагерь? - спрашивают они его.
- Один месяц назад.
- А до этих пор ты работал в воскресение? -Да.
- Всё равно не попадешь в рай, - сказали они. И так каждого переспросили, и каждому сказали:
- Всё равно не попадешь в рай. Потом их посадили в карцер, сказав:
- До тех пор будете сидеть, пока не захотите выйти на работу. Они говорят:

"Как это несправедливо, вы троим субботникам дали выходной, а нам двенадцати не хотите дать."

- Мы им дали в субботу выходной, потому что они и дома праздновали этот день и никогда не нарушали. Они люди верные в своем вероисповедании. Они были готовы за субботу идти на смерть. А вы до этих пор нарушали воскресения, а сейчас хотите праздновать! Когда их задержали немножко в карцере, то они стали между собой разговаривать: "Напрасно мы в карцере сидим, потому что нигде в Священном Писании не написано, что в воскресение нельзя работать или надо свято чтить его." Между ними произошел спор: одни утверждали, что в воскресение можно работать, а другие возражали. Это услышал конвой и открыл двери:

"Ребята, может вы передумали? Пойдете на работу?" Тогда шесть человек встали и пошли работать, а другие шесть остались в изоляторе до утра. На следующее воскресение уже все пятидесятники без принуждения пошли работать. Мы с этими братьями всегда имели дружеские отношения и любовь Христову.

Глава 12

ЛАГЕРНАЯ ЖИЗНЬ

Недалеко от нашего лагеря находился женский лагерь, но там никто не жил. Женщин переселили в другое место, а лагерь был в запущенном состоянии: ворота сломаны, окна выбиты, печки развалены, во общем - всё поломано. В нашем лагере набрали специалистов для ремонта этого лагеря. Каждому дали инструменты и отправили в командировку, но постельные принадлежности мы оставили в своем лагере. Здесь нам выдали только по одеялу. Так как окна были выбиты, то пурга нанесла снегу в середину бараков, где все замерзло. Все начали работать - долбить кирками и выбрасывать лопатами лед. Плотникам привезли мерзлые доски, чтобы они сооружали нары. Мне - кирпичи, песок, глину, но всё мерзлое. Хотя очень тяжело делать печку в таких условиях, но, как можно было, я сделал. Затопили печку, а она начала дымить так, что дым глаза выедает. Труба вся была забита снегом, поэтому и дымило, а снег таял очень медленно. Хотя на дворе был сильный холод, но мы вынуждены были открыть окна из-за сильного дыма. Только поздно вечером перестало дымить, и мы затопили печь посильнее и закрыли окна. Но нары были из мерзлых досок, стены холодные, и в бараке всё равно было холодно. Мы ложились по двое, чтобы согреться. Утром нам дали мешки, в которые мы насыпали стружки в столярном цеху. Но стружек давали каждому понемногу, потому что в столярном цехе всё делалось вручную, и стружки было мало. Эти мешки мы использовали как матрацы. Так мы обстроили весь этот лагерь, а когда вернулись в свой, то там уже была построена столовая.

Я продолжал работать печником, а моего молодого друга Михаила взяли работать на тринадцатую шахту. Но мы находились с ним вместе в одном в лагере. Когда наступила суббота, Михаила стали заставлять работать, но он отказался.

Тогда за ним пришли несколько человек и силой вынесли его за ворота к другим заключенным. Потом вместе с ними отвезли на работу, он там пересидел рабочее время, а вечером его привезли обратно в лагерь. Так ему самому пришлось бороться за истину Божью.

А я сильно заболел. До этого я часто болел, и мне установили диагноз - болезнь желудка. Однажды вечером, когда все бараки были закрыты, а люди улеглись спать, у меня начался сильный приступ. Всю ночь я катался на полу - не мог встать, чтобы подняться на нары. Утром, когда открыли барак, меня сразу отвезли в больницу. Врача еще не было, дежурил фельдшер. Дали мне горячую грелку на больное место, но мне стало еще хуже. Когда пришел врач и обследовал меня, то срочно вызвал конвой и извозчика с санками. В то время в тех местах не было шоссейной дороги, а действовала только железная дорога. В нашем лагере хирурга не было, потому меня отправили на девятнадцатую шахту. Каждая шахта имела свои бараки с заключенными. Меня положили в санки, набросали на меня одеяла, но извозчик не мог сидеть в санках, потому что было очень холодно. Лошадка пошла сама со мной, а извозчик и конвойный шли сзади. Но потихоньку лошадка ушла вперед на приличное расстояние, идя по железной дороге. Сопровождающие неожиданно увидели, что навстречу нам несется поезд. Они стали кричать, свистеть мне, и когда я открыл глаза, то увидел перед собой поезд.

Я взялся за вожжи и повернулся лошадь с железной дороги. Только мы съехали в сторону, как поезд промчался мимо. Лошадь остановилась. Прибегают извозчик с конвойным ко мне, очень обрадовались и говорят:

"Божья рука над тобой. Если ты бы не повернулся, то вы вместе с лошадью погибли, а нас бы судили." Извозчик был не из заключенных. Больше они не решились идти пешком. Извозчик сел впереди, а конвой сзади на сани, и так мы приехали в больницу. В больнице дежурные спросили, смогу ли я сам пойти или они меня отведут? Я сказал, что смогу сам. Они взяли меня под руки и сразу же отвели в баню. В бане я уже не в силах был сам раздеться. Еще помню как пустили воду, а дальше уже ничего не помню, что и как было со мной. Я пришел в себя, когда меня положили на холодную целлофановую пленку на операционном столе. Я открыл глаза, а кругом меня люди в белых халатах с повязками на лицах. Они сказали: "Сейчас сделаем вам укол", и начали резать. Когда меня резали, я не чувствовал боли, но когда стали вытаскивать желудок, я почувствовал сильную боль. Они говорят: "Желудок здоровый", и после этого мне дали наркоз. Тогда впервые я услышал слово "наркоз." Поднесли мне под нос бинт и говорят: "Считай." Я начал считать, но не помню, сколько сосчитал, потом у меня в ушах зазвенело, и больше я ничего не помню. Резали правую сторону в подреберье. Нашли в желчном пузыре два острых камня величиной с лесной орех. Но так как желчный пузырь был очень воспален и загноился, то они его удалили совсем. В сознание я пришел на другой день в палате. Я находился в таком тяжелом состоянии, что никто из врачей надежды на мою жизнь не имел. Я открыл глаза, осмотрел себя, вижу: в моем животе торчит трубка, конец которой опущен в прикрепленную к койке бутылку. На третий день фельдшер с врачом пришли мне делать перевязку. Он взял пинцетом марлю и дернул так, что вместе с ней вырвал и трубку. Тогда стоящий возле него врач сказал:

"Ты угробил человека." Этот врач делал мне операцию. Он подошел ко мне ближе, погладил по голове.

"Ничего, всё будет в порядке", - сказал он. Но через два дня у меня начались сильные боли в животе. Сделали мне вторую перевязку. Но врач заметил, что у меня с каждым днем усиливается болезнь. Я даже разговаривать и дышать не мог. Тогда меня снова отвезли на операционный стол и положили возле меня стеклянный таз. Врач сам разрезал швы и оттуда весь гной вылился в таз. Больше рану не зашивали. Нарезали кучу бинтов, смочили их в каких-то лекарствах и положили с обеих сторон под кожу. Потом двумя пинцетами стянули кожу вместе и лейкопластырем склеили. Эту процедуру делали каждый второй день, пока рана не срослась. Но мне становилось еще хуже. На ране начало нарастать красное мясо. Это место так сильно болело, что я не мог сомкнуть глаз ни днем, ни ночью. Я держал рубашку в руках, чтобы она не прикасалась к больному месту.

Во время обхода врач поднял мою рубашку, посмотрел и быстро вышел из палаты. По его указанию меня немедленно взяли на операционный стол, - уже в третий раз. Санитары стали привязывать мои руки, а когда я их спросил: "Зачем вы меня вяжете?" Врач говорит: "Потому, что вы не выдержите. Будет очень больно, а обезболивающий укол вам нельзя делать."

"Нет, не надо меня вязать, я выдержу", - сказал я. И они отвязали меня. Врач взял короткий нож и начал резать, а я ухватился обеими руками за стол, на котором лежал. За то время, пока он резал, я думал: "Когда Иисуса Христа прибивали ко кресту, вбивали гвозди в его руки и терновый венок был на Его на голове. И во время этих страданий подавали ему уксус. О, как же больно было Ему!" "Он был как агнец перед стригущим безгласен". Я так же не подавал голоса. Когда врач вырезал всё красное мясо, то это место он намазал ляписным карандашом. После окончания операции врач мне говорит:

"Много я в своей жизни делал операций, встречал разных людей, но такого я еще не встречал. Чтобы при такой болезненной и долгой операции человек не подал голоса -это поразительно. Вы молодец, Михаил Гаврилович." Меня отвезли в палату.

Я пролежал на койке целый месяц. Простереться я не мог. Но вот однажды приходит врач и говорит:

"Довольно, Михаил Гаврилович, лежать, надо немножко и сидеть." Он опустил мои ноги на пол, и я минут десять просидел, потом он положил меня обратно на койку. Такую процедуру он делал со мной целую неделю по два раза в день. Через неделю взяли троих здоровых мужиков, они осторожно сняли меня с кровати и поставили на ноги. Потом двое держали меня под руки, а третий сзади толкал мои ноги. Так меня учили ходить. Эту процедуру проделывали со мной два раза в день, пока я не начал вставать на ноги сам. Когда я окреп, меня отправили в лагерь. Я никогда не забуду дорогого врача Полонского, которому Иисус дал разум и любовь ко мне.

Меня привезли в нашу лагерную больницу, потому что я еще был очень слабым. Всё мое тело стало желтым - у меня началась желтуха. Рядом со мной лежал украинец со сломанной ногой. Он спросил у меня, откуда я родом.

- Из Закарпатья, - ответил я.
- У меня был молодой напарник в шахте из Закарпатья. Он оставил нашу украинскую веру, стал субботником. Звали его Михаил Чухряля. Он проповедовал свою субботницкую веру, за что я его хотел убить. Если бы не этот несчастный случай, его бы уже на свете не было! Я бы всех субботников перестрелял! Я бы их иголками кормил! Ох, как я их ненавижу! Я промолчал и не сказал ему, что Михаил - мой друг. Было это как раз перед праздником Петра и Павла. Посреди нашей палаты стоял длинный стол, а вокруг стола длинные лавки. К столу собирались все находящиеся в больнице, чтобы отметить праздник. Один украинец, который меня хорошо знал, говорит:

"Михаил Гаврилович, вы бы не смогли сесть вместе с нами и сказать что-нибудь в честь праздника." Я собрал все свои силы, пошел и сел за стол. Сначала я говорил о Петре, рассказал, что он был простым рыбаком. И как Христос избрал его апостолом. Как Бог совершил великие чудеса руками Петра. Я рассказал им, как Петро с Иоанном шли в храм в час молитвы, и там был человек хромой от чрева матери. Его носили и сажали каждый день при дверях храма, так называемых Ворот Красных, и там он просил милостыню. Петр с Иоанном посмотрели на него и Петр сказал: Взгляни на нас. Он пристально глядел на них, надеясь получить что-нибудь от них. Но Петр сказал: серебра и золота нет у нас, что имею то даю тебе: Во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи! И взял его за правую руку, поднял и вдруг укрепились ступни его и колени. И вскочив стал, и начал ходить и вошел в храм с ними, ходя и скача, хваля Бога." Потом я еще рассказал про Петра, как руками Петра Бог исцелил хромого Енея, а так-же про Тавифу, которую через Петра Бог воскресил из мертвых. И еще многое другое я рассказывал им про Петра. Потом начал рассказывать про Павла, как Христос избрал Павла быть апостолом, хотя он был гонитель церкви Христовой. Про Павла я им тоже много рассказал. Было уже поздно, когда зашли к нам врач с фельдшером, и присели у края стола. Посидели немного и врач тихонько сказал фельдшеру:

"Скажешь им, что нужно закругляться и ложиться спать." Фельдшер сказал, и мы все пошли спать. Все высказывали мне свое благодарение, а я им отвечал:

"Благодарность Богу."

Когда мы легли спать, я снова обратился к собеседнику:-Ибо так написано: "Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за меня, радуйтесь и веселитесь, и ибо велика ваша награда на небесах. Так гнали и пророков бывших прежде вас."

Когда он уже мог ходить с костылем, то вышел на улицу и начал говорить про субботу, к нему собрались люди послушать. А потом говорят ему:

"Степан, тебе не должно жить. Ты потоптал свою веру." Его возненавидели. Степан Черненко был очень способным человеком, что однажды услышит, то дословно перескажет. Вскоре его выписали из больницы, и больше я его не встречал.

Между тем я настолько изнемог, что уже и кушать не хотел. Сначала мне носили пищу и ставили на мою тумбочку, а когда увидели, что я не кушаю, то перестали носить. Ожидали, когда я умру. Каждый вечер после работы ко мне приходил Михаил Чухряля. Посидит, увидит, что я не разговариваю, зальется слезами и уходит. Он тоже думал, что я умру. У меня на тумбочке был только стакан воды и палочка, на которую был намотан бинт. Я мочил этот бинт в стакане и этим прохлаждал губы. Однажды, когда я совсем плохо себя чувствовал, ко мне в больницу пришел верующий юноша-украинец. Подошел ко мне и говорит:

"Михаил, я принес тебе гостинец." Я еле слышно проговорил:

"Я кушать не могу, не надо мне ничего оставлять." Но он на это не обратил внимания - вынул кусок сахара рафинада, намочил его в воде и силой подал мне в рот. Когда сахар растворился во рту, я его проглотил и сразу почувствовал, как у меня обновляется внутренность. Юноша немного посидел, а потом вторично намочил кусок сахара и подал мне в рот. Когда я проглотил второй кусок сахара, то почувствовал выздоровление и стал с ним потихоньку беседовать. Затем он взял бублик, разломал его пополам, намочил в воде и подал мне одну половину, а затем вторую и ушел, оставив мне несколько кусков сахара и несколько бубликов. Это было утром, а вечером я сам попросил кушать - у меня появился аппетит. Я пришел в себя. Все удивлялись, как это так, уже умирал и вдруг стал ходить. Теперь скоро из больницы выпишут. Я так и не узнал фамилию того юноши, которого Иисус Христос послал ко мне в больницу, чтобы я стал здоровым и остался жить.

Когда меня выписали из больницы, то дали вторую группу инвалидности сроком на шесть месяцев. Меня предупредили, чтобы больше восьми килограммов не поднимал. Когда я пришел в барак, то около меня собралось много верующих и неверующих. Всем хотелось побеседовать. Хотя я и ходил, но выпрямиться не мог. Ходил согнутым. Один брат из Киева пришел и говорит:

"Михаил, ты будешь ходить прямо, только послушайся меня. Я тебе сделаю палку, а ты упирайся рукой на нее, и не обращай внимания ни на какие боли, а всегда выпрямляйся. Когда эта палка станет тебе коротка, я тебе сделаю побольше." Я так и делал. И мало-помалу начал ходить совсем прямо и бросил палку. Не прошло и шести месяцев, а начальство, увидев, что я хожу прямо, вызвало меня в кабинет начальника лагеря. Начальник говорит мне:

"Михаил Гаврилович, мы знаем, что вам работать нельзя, что вы хороший печник, но мы вас просим об одном деле, - у нас есть лошадь, которая стоит больше других девяти. Мы эту лошадь доверить никому не можем, кроме вас. Вам не нужно будет ничего делать тяжелого, только возьмете вожжи, и куда вас пошлют, туда и поедете. Там вас загрузят, разгрузят, а вы будете только сидеть и кататься.»

- У моего отца не было лошадей, и у меня тоже, - ответил я. - Я не знаю, как обращаться с лошадью. Как ее запрягать, как распрягать?
- Об этом не беспокойтесь, у нас есть конюх, и он будет этим делом заниматься. Я согласился.

Действительно, моя лошадь была красивая, здоровая и много выше меня. Сколько ей ни грузили, она всё могла отвезти. На мою подводу грузили в четыре раза больше, чем на другие. Мы с лошадью

очень подружились. Она была послушная и внимательная. Я ее ни разу не ударил, потому что она этого не заслужила.

Однажды мне дали приказ ехать на станцию - завозить в лагерь картошку. Каждый возчик запряг свою лошадь, а моя лошадь стоит, потому что конюх где-то пропал. Без меня не могут идти, так как моя лошадь всегда шла впереди. Я пошел на конюшню. Упряжь лежала перед лошадью. Я взял ярмо в руки, а лошадь сама стала на колени передними ногами, чтобы я мог надеть на нее ярмо и другую упряжь. Я очень обрадовался, погладил ее по голове и вывел к подводе. Всю картошку нужно было перевести в лагерный двор. Мы возили, а другие заключенные загружали, разгружали. На лагерном дворе ее раскладывали слоем толщиной в тридцать сантиметров. Картошка должна была так лежать три дня при сорокаградусном морозе. Когда картошка вся перемерзнет, ее складывали в кучу и накрывали снегом. Потом из этой кучи брали картошку для кухни. Перед тем как ее готовить, ее обливали кипятком, чтобы легко сходила кожура. Затем ее резали для борща, но она уже не была похожа на картошку. Она становилась черной, смердючей настолько, что ее было невозможно есть. Картошку всегда так хранили. Заключенные никогда не ели хорошей картошки.

У меня появилась возможность много беседовать с людьми. Мы все, сколько нас было верующих, каждый вечер сходились для молитвы. Во время молитвы у нас не было различия в вероисповедании. Большинство верующих были крещены Духом Святым, и часто шло пророчество. Среди нас были два немца. Они говорили, что крещены Духом Святым. Ибо, когда они крестились, то крестивший их сказал: "Крестится раб Божий во имя Отца и Сына и Святого Духа." Я их спрашиваю:

- А иные языки вы получили?
- Да, потому что до крещения мы говорили мирские слова, а теперь мы прославляем Бога. Мы никогда не спорили, а жили дружно в любви между собой.

Как-то вечером мы пошли молиться в новый барак, где еще никто не жил. Между нами был один юноша по имени Юхим. Он исполнился духа Святого и начал молиться на иных языках. Эти два немца стали усердно плакать. Когда мы закончили молитву, то брат Андрей, немец, говорит:

- Юхим, ты знаешь о чем ты молился?
- Откуда я могу знать, если не было истолкователя.
- Ты молился на нашем немецком языке, сказал Андрей. Ты молился о нас Богу. Теперь мы поняли и созаемся перед Богом, что мы не крещены Духом Святым. Мы были очень благодарны Богу, что он открыл это им самим. Другой брат немец - Федор работал внутри лагеря и часто преклонял колени для молитвы. Через некоторое время Бог крестил Федора Духом Святым. Андрей работал прорабом за зоной, и там не с кем было преклонять колени для молитвы. Он очень сожалел, что не может так часто молиться о крещении Духом Святым. Но вот как-то он заболел, и его положили в больницу. Там у него было много свободного времени для молитвы, и пока его выписали из больницы, он был крещен Духом Святым.

В один день после обеда в наш лагерь прибыл этап - около тридцати человек. Когда прибывает этап, то все бараки наглухо закрывают, чтобы никого не было во дворе. Но люди смотрят из окон - не увидят ли знакомого или земляка? Я вышел в коридор, где были большие дощатые двери с широкими щелями. Сквозь щели я тоже смотрел - не увижу ли кого-нибудь знакомого. Вдруг внутренний голос мне говорит: "Смотри, брат верующий." Я стал на него пристально смотреть, чтобы запомнить. Вновь прибывших отвели в пустой барак и закрыли, а другие бараки открыли. В бараке начальство записывало, кто из них что может работать. Я из коридора зашел в свой барак, где было со мной еще четверо верующих. Я им говорю:

- Братья, с этапом приехал один верующий.
 - Твой знакомый? - спрашивают они меня.
 - Нет, но я знаю, что он верующий.
 - Что же, у него на плечах было написано?
 - Да! Мне Бог открыл. Когда с ним встретимся, я вам покажу его.
 - Тогда мы узнаем, - тебе это Бог открыл, или ты просто сам так задумал. Только мы успокоились от этого разговора, а конвой приводит в наш барак этого брата. Я говорю братьям: "Это он." И сразу пригласил его к нашему столу.
 - Садитесь. Вы с дороги, попейте чайку, - говорю я. Он не отказался. Я налил ему чая, положил кусочек сахара и кусочек хлеба.
-
- Пожалуйста, пейте. Но он встал на ноги, снял шляпу и тихонько помолился. Когда он допил чай, я его спрашиваю:
 - Вы верующий? Он говорит:
 - Да, я баптист. От радости я аж прослезился. Все братья тогда уверились, что мне Бог открыл. Мы с ним познакомились. Он рассказал, что он с Волгодона, из города Плюс, а фамилия его Илья Ильчанинов.
 - А вы давно верующий? - спрашиваю его.
 - Да, давно. Меня арестовали за то, что я был пресвитером десять лет.
 - А у вас в Волгодоне есть крещеные Духом Святым?
 - Правду скажу, о таких я даже и не слыхал. Но он очень заинтересовался. Когда я начал ему разъяснять, что крещеные Духом Святым имеют знамение - дар незнакомого языка, то он говорит: "Я бы желал помолиться с такими людьми и слышать." Мы молились с ним, но так как он был строитель, то его на другой день перевели в другой барак. На строительство он выходил за зону.

Как-то мы с Юрий Саморыгом зашли к нему в барак и говорим:

"Пойдем, будем молиться." Чтобы нам никто не мешал, мы зашли в такое место, где никого не было. Когда мы стали молиться и, исполнившись Духа Святого, начали говорить на иных языках, он почувствовал, что через его тело прошел как бы электрический ток и тепло. При этом он испытал большую радость. Он дал себе слово, что будет пребывать в посте до тех пор, пока его Бог не крестит Духом Святым. Но нам этого не сказал. Мы разошлись после молитвы по баракам. Настал вечер, он лег на нары. Кругом были заключенные. Он накрыл голову одеялом и усердно, со слезами, просил Бога о крещении Духом Святым. Бог коснулся его уст, и он той же ночью получил иные языки. Утром он быстро встал и пришел в наш барак. Зашел и говорит:

"Порадуйтесь со мной, ибо нашлась погибшая овца." Весь залился слезами, повернулся и ушел. Я сразу понял, что Бог крестил его Духом Святым. Я вышел за ним. Он полез по лестнице на чердак, я

тоже. Там, на шлаке, мы преклонили колена. Он сразу исполнился Духа Святого и стал говорить иными языками. И пошло через него пророчество: Как Бог сделал дом Корнилия, как сделал дом Палчея, так сделает и твой дом. Этот брат стал образцом для всех нас - верующих. Он никогда не любил пустословить. Но очень любил назидаться словом Божиим и был очень богобоязненный.

Я работал возчиком, и у меня было много свободного времени для молитвы, а особенно в зимнее время. Зимнего времени было много, потому что только один летний месяц в том краю тепло. За это время многие были крещены Духом Святым. Когда настало лето, нас выгнали на сенокос. Одни косили, другие собирали в кучи, а мы на телегах возили. Зимой дороги всюду ровные, а летом очень плохие. Я немного поработал возчиком, и у меня заболели спайки. Я пошел к врачу, и врач мне сказал: "Вам сейчас нельзя работать возчиком" и выписал мне больничный лист. Я не вышел на работу. Вызывает меня начальник лагеря и спрашивает:

"Почему вы не вышли на работу?" Я сказал ему, что заболел и показал больничный лист. Он взял лист и сразу пошел к врачу:

"Что вы сделали? Вы дали больничный лист человеку, без которого мы не можем обойтись, а особенно сейчас в сенокос. У него передовая лошадь. Мы ее называем субботницей. Когда приходит контроль из области и видит стоящую в субботу лошадь, то спрашивают:

- Почему эта лошадь не работает? Мы отвечаем: - Эта лошадь субботница. У нее возчик субботник, и она отдыхает, а доверить лошадь кроме него мы никому не можем. Потом говорит врачу :

"Вы его вызовите и скажите: "Я думал, что вы работаете грузчиком, поэтому дал вам больничный лист, а возчиком вы потихоньку можете работать." Врач меня вызвал и всё так сказал. Но я почувствовал себя плохо и на другой день не вышел на работу. В те дни по всем лагерям проходила забастовка, и меня причислили к забастовщикам. Ночью меня отправили в штрафной лагерь. Там нас под конвоем водили на завтрак, потом закрывали в бараке и никуда не отпускали. Я переночевал одну ночь, а наутро приходит конвой:

- Михаил Гаврилович Палчей! Выходи с вещами. Все мне стали говорить, что, наверно, тебя признали организатором этой забастовки. Мы пошли с конвойным к начальнику штрафного лагеря, а у него в кабинете сидит один в гражданском. Меня спросили: "Кем вы работаете?" Я говорю:

"Работал сначала печником, но потом сильно заболел, стал инвалидом и начал работать извозчиком. В зимнее время я мог работать, а летом дороги очень плохие и я заболел, а меня признали забастовщиком." Тот, что в гражданском говорит:

"Я заведующий кухней и столовой. У нас все печки дымят, и каждый день надо делать побелку. Вам принесут разведенную известь, а вы только будете белить печки. Это вся ваша работа. Мы вас будем кормить, и жить будете не в штрафном бараке." Я очень обрадовался тому, что меня не обвинили в организации забастовки, о чем мне говорили другие заключенные. Он же мне говорит:

"Отнесите вещи в барак и приходите на кухню." Я пришел на кухню, а он меня отвел на склад. А там всяко добра: мороженая рыба, кислая капуста, хорошая картошка и всякие продукты. Я нашел большой ящик, разорвал его и принес на кухню. Заведующий увидел и спрашивает:

"Зачем это вам?" Я отвечаю:

"Чтобы не обрызгать полы." Я приложил картон ровным концом к стенке и начал белить. Заведующий смотрит, улыбается и говорит:

"Молодец, - за вами уже не надо убирать." Когда я выходил из кухни, он дал мне два куска сахара и две булочки, сказав:

"Когда захотите покушать капусты или рыбы, можете смело брать." Хотя он разрешил мне брать, но я ни разу не взял ничего сам.

Каждый день я ходил на кухню делать побелку. Когда я немного проработал, меня стали пускать без конвоя. Однажды перед ужином, как обычно, я помолился, то увидел один армянин и стал ждать, когда я докушаю. Выхожу, а он меня спрашивает: "Ты верующий или нет?"

- Да. Тогда он взял меня за руку и повел подальше от столовой.
- Я хочу знать, - поистине ты верующий или нет? Если ты верующий, то я буду с тобой приветствоваться. Пусть мне Бог откроет. Мы прямо на траве преклонили колени и начали молиться. И было сказано Духом Святым: "Это сын Мой, приветствуй его!" Тогда он с целованием приветствовал меня, и был очень рад встрече со мной. Я тоже был очень рад, что и здесь нашел брата во Христе. Но эта радость продолжалась недолго. Расследовали мое дело и нашли, что я не забастовщик. Через неделю пришел за мной конвой с возчиком, и меня отвезли в другой лагерь.

В тот лагерь, где я был раньше, я не попал, а попал в другой, что находился на седьмой шахте. Здесь я тоже встретился с детьми Божьими, которых здесь было четверо. Среди них был один стариочек, кандидат Василий Петрович Островский. Мы с ним часто беседовали и преклоняли колени для молитвы. Однажды он мне говорит:

"Михаил, здесь есть один коммунист. Он летчик, офицер, очень добрый человек. Я бы желал, чтобы ты с ним побеседовал."

- А вы с ним беседовали?
- Я не имею доступа к нему.
- А я тем более не имею.
- Всё равно я хочу тебя познакомить с ним. Мы пошли вместе. Когда мы зашли в барак к этому офицеру, Островский подозвал меня к нему и говорит:

"Знакомься, Михаил, это Федор Ульянов." Мы познакомились, он пригласил нас сесть и спрашивает меня:

- Вы откуда?
- Из Закарпатской области.
- А за что вас судили? Я начал подробно ему рассказывать, что я верующий христианин, что я говорил людям о покаянии, что в моем доме многократно сходился народ, и многие каялись, за это меня и осудили. Потом он рассказал, за что судили его:
- Служил я летчиком, однажды немного выпил и задумал прокатиться на своем самолете. Что мне взбрело в дурную голову, не знаю. Но меня схватили и судили. Сказали: "Ты хотел перелететь через границу." А я вообще об этом не думал, но меня всё равно посадили. Когда мы стали прощаться с ним, он говорит:

"Заходите почаще ко мне, будем беседовать, будем друзьями." Я стал часто его посещать и говорить ему о великих, чудных делах Божьих: о Христе, о Его смерти и воскресении. За короткое время мы с ним крепко подружились, он меня очень полюбил и доверился Христу. Однажды он мне говорит :

"Я был коммунист, моя жена тоже коммунистка, о Боге мы ничего не знали. Сейчас я уверовал и напишу жене, что я верю в Бога." Я посоветовал ему:

- Напишите так: "Дорогая жена, я до настоящего времени жив и здоров, за что слава Богу." Было это уже после смерти Сталина, и писем можно было писать сколько угодно. Он так и написал жене, как я ему сказал. Жена стала читать письмо, дочитала до того места, где он написал о Боге и тут же села писать ответ. Федор, - писала она, - я удивилась твоему письму, - ты никогда не вспоминал о Боге, а теперь написал о Нем. Неужели ты веришь Богу? Напиши мне откровенно, если ты веришь Богу, то и я буду верить." Когда он получил письмо, то сразу позвал меня и прочитал его вслух.

А сейчас что писать?

- Пиши всё откровенно. Что ты уверовал в Иисуса Христа и принял его в свое сердце, как спасителя. Когда его жена получила письмо, то сразу же пошла к монашке:

- Научите меня, как верить в Бога, и что нужно делать? А та ей говорит:

- Прежде дайте деньги на службу, и мы будем за вас молиться. Дадим вам книгу-молитвенник, и вы будете молиться. Она отдала деньги и написала мужу письмо: -Федор, я тоже верю в Бога. Я уже деньги дала на службу и паастас, а монашка дала мне молитвенник, и я читаю молитвы." Когда он получил письмо от нее, то ничего ей не объяснял, а вызвал ее к себе на свиданье.

В новом лагере рассмотрели мои документы, увидели, что я печник, и вызвали к начальнику лагеря. Он мне говорит:

"Вы будете работать у нас печником. У нас в лагере есть два печника, но ни одной печки в лагере нет, чтобы дверки не шатались, и щитки обогревательные нигде не греют. Мы вам будем подавать всё необходимое, чтобы вам не было трудно." Так с Божьей помощью я начал делать печки. На существующих печках не надо было ничего перестраивать, брал обручи и крепил их на дверке с одной и с другой стороны. Потом делал крепкий раствор с солью, замазывал, и мои дверки никогда не шатались. После установки дверок я начал устанавливать обогревательные щитки. Здесь надо было поработать больше. Когда у них задымится печка, они берут лом, проламывают перегородки, чтобы дым шел напрямую. Потому щитки и не обогревали. Когда я установил все щитки, всё начало греть по-новому, хорошо. У меня снова появилось много свободного времени. Прошло полгода, а ремонта нигде не надо было делать. Всё было в порядке, и хоть днем, хоть ночью - говори о слове Божьем. Во время собрания, где была вся лагерная администрация, смотритель говорит:

"Когда у нас были два печника, то каждый день мусорили, привязывали проволокой дверки, а они всё равно всегда шатались. Щитки обогревательные все поразрушили, и каждый день работали. А теперь, когда пришел малый печник, то вот уже шесть месяцев в моих бараках порядок. Все дверки держатся, как железо, и все обогревательные щитки греют." После этого пригласил меня начальник лагеря в свой кабинет и говорит:

"Я слышал, что вы хороший печник, а у нас до сего времени нет в бане парной. Хотя парную построили, но она не работает.»

Я никогда не видел парную. Но он мне сказал: "Иди, там есть банщик, и он тебе всё покажет." Я попросил у Бога благословения и успеха в работе, и пришел к банщику. Спрашиваю его:

"Где здесь парная?" Он мне говорит:

"Вам надо сначала парную или печку показать?»

- Сначала печку , - говорю. Он меня привел к печке, а я его спрашиваю:
- В чём дело? Он мне показал в парной на большую дверку и говорит:

"В печке находятся рельсы, на них лежат камни; когда печка топится, то камни раскаляются. Тогда закрывается задвижка, на камни льется вода, и весь пар должен идти в парную. А тут, всё наоборот, весь пар выходит в дымоход." Я сразу понял, что всё зависит от задвижки. Спрашиваю его:

"А задвижка где?" Он мне показал задвижку, и я принялся за работу. На том месте, где была задвижка, я всё разобрал, перебрал, поставил задвижку на свое место. Всё разобранное сложил вновь на место, заштукатурил и говорю банщику:

"Пробуйте затопить печку." Он затопил немного дровами, камни сделались горячими. Я закрыл задвижку, а он плеснул кружку воды на камни, и весь пар пошел в парную. Он сразу побежал к начальнику -

- Этот малый печник за один час всё сделал, парная работает. Так Бог давал мне во всём успех.

После этого начальник вызвал меня к себе и говорит:

- Вы хороший печник, а если бы мы вас, Михаил Гаврилович, выпустили в поселок без конвоя, вы бы совершили побег?
- Куда мне бежать, всё равно вы меня поймаете и будете судить. Но он говорит:
- Может быть, вы в поселке распространяли бы свою веру и сделали бы там молитвенный дом?
- Я бы сделал, если бы вы дали мне двух милиционеров и силой оружия заставляли верить в Бога. А так зря я буду говорить, никто меня не послушает. Кому предназначено быть верующим, тот и будет, а так без Бога - широкая дорога. Он говорит:

"Можете быть свободны." На следующий день меня вызвали на вахту с инструментами. Говорят:

- Идите на пекарню, там нужно ремонтировать печь. Я спрашиваю:
- А где конвой?
- Конвоя нет. Пойдете без конвоя. Мне стало страшно оттого, что я иду без конвоя. Заключенные рассказывали, что если кого-то хотят уничтожить, то пускают без конвоя. Потом сзади пристрелят и составят акт: "при попытке побега." Я подумал, что может и со мной так хотят сделать. Дорогой я начал молиться, чтобы Бог, если придется мне пострадать, дал силу и мужество перенести это. Но не успел я закончить молитву, как подошел к пекарне. Конвой с вышки крикнул:

"Стой, куда идешь?»

- На пекарню ремонтировать печь, - ответил я. Тогда он открыл мне ворота, и я вошел в зону пекарни. Пекари спросили меня, зачем я пришел. Я сказал зачем, тогда они мне говорят:

"Садитесь с нами. Попейте кваску. Попробуйте нашего хлеба. Отдохните, потому что печь еще горячая." Я отдохнул немного. Побеседовал с ними и принял за работу. Когда всё было готово, один из пекарей взял буханку хлеба, разрезал ее пополам и отдал мне. Целую буханку в зону заносить было нельзя, а половину можно, если дадут. Я пришел на вахту и рассчитывал на обыск, но конвой без слова запустил меня в зону. Как будто и не видел, что я несу в руке хлеб. После этого я ходил без конвоя и без каких-либо документов везде, куда было надо. Возле лагеря была расположена воинская часть, я и туда часто ходил ремонтировать печки. Я был знаком со многими людьми.

Одного дня я пошел проверить печки в дом свиданий. Дом свиданий находился возле проходной. Когда я был там, пришла одна женщина, а конвой спрашивает ее: "К кому вы пришли?" Она сказала к кому, но конвойный говорит:

- Этот человек находится на работе и, пока он не придет, мы не можем вас впустить в дом свиданий. Она стала его умолять:

- Я пришла издалека и сильно замёрзла, прошу - пустите меня. Я это все слышал, подхожу к конвою и говорю:

"Пустите женщину. Видите, как она замёрзла."

- А отвечать за нее будете? - говорит мне конвой.

- Я за нее отвечаю. Тогда конвой открыл дверь и впустил ее в общий зал. Я спросил ее - откуда она?

- С Донбасса.

- А к кому вы приехали?

- К брату.

- А вы верите в Бога?

- Я верующая христианка, - ответила она. И начала рассказывать мне как будто была давно со мной знакомая: "Вчера я была в Воркуте на служении. Было очень радостно и интересно. Там я встретила двух женщин, которые приехали к своим мужьям на тринадцатую шахту. Одна из них из России, а другая с Украины. Та, что из России, была верующей давно, но не была крещеной Духом Святым. И когда услышала, что ее муж крещен Духом Святым, то пожелала, чтобы за нее молились. Там же в церкви она была крещена Духом Святым, и все очень радовались. А другая женщина с Украины, я даже ее фамилию записала, Ильи Ивановича Паляницы жена. И она рассказала очень интересную историю:

- Я была безбожница. Однажды я приехала к мужу на свиданье. Когда мы встретились, я открыла чемодан и стала раскладывать продукты, которые принесла с собой. А мой Николай встал на ноги, поднял руки и начал молиться. Я его спросила: почему ты не крестишься? А он мне говорит: "Бог не требует рук человеческих." Потом я его спрашиваю: "Николай, кто тебя совратил с пути нашей Украинской веры?" А он говорит: "Когда я находился во Львове на пересыльном пункте, то там был один человек небольшого роста и он направил меня на путь спасения, на путь истины." Я говорю ему: "Если бы я встретила этого человека, я бы разорвала его пополам." Я сложила в чемодан все

продукты, которые принесла и говорю: "Я с тобой больше жить не буду." И, не попрощавшись с мужем, ушла. Приехала домой недовольная, злая, легла спать и мне снится сон. Пришел ко мне один человек и говорит: "Иди за мной, я тебе покажу, где ты находишься, а где твой муж находится." Привел он меня к одной двери, открыл ее, а там темно, смрад, мусор, так что негде встать, и говорит: "Здесь находишься ты." А сейчас я покажу тебе, где находится твой муж. И повел меня дальше коридором, открывает одну дверь, а там - светло, чисто, ароматный запах, комната сияет непередаваемой красотой, и говорит: "Вот здесь находится твой Николай." И я проснулась. По соседству от меня жила женщина, которая могла изъяснять сны. Я побежала к той женщине и рассказала свой сон. И прошу ее: "Разъясни мне, что значит этот сон?" А она отвечает: "Здесь нечего разъяснять. Ты находишься в грехах, а твой муж на пути истины." Я встала и говорю: "С этого часа я вам ни в чем, никогда не буду верить, вы все врете. Мой муж оставил украинскую веру, рукой не крестится, а вы говорите, он на истинном пути." Она отвечает:

"Я ничего не знаю, я только изъяснила тебе сон." Пришла я домой, но покоя не имею. Пошла к подруге-соседке, все ей рассказала, а она мне говорит: "Давай поедем к твоему мужу и увидим, какую он веру принял." Когда мы приехали к Николаю в Воркуту, он привел нас на служение, где было много проповедников. Когда мы услышали проповеди об Иисусе Христе, о Его чудесах, смерти, воскресении, о Его славе, то начали плакать и там же покаялись. За нас вся церковь молилась и благодарила Бога. И я тоже не перестану благодарить Бога за то, что Он не оставил меня в том смраде, а привел на путь истины и чистоты. Сейчас, говорит, я хотела бы видеть того человека, который направил моего мужа на путь истины, а через него меня и мою подругу. Я бы попросила у него прощения. Все в церкви плакали и радовались. Когда эта женщина рассказывала, я тоже плакала от радости. Мы преклонили колени и благодарили Бога.

Потом я ей сказал, что это я тот человек, через которого Бог призвал на путь спасения этих людей. И я ей подробно рассказал про Николая и про Илью. Когда с шахты пришел ее брат, мы с ним помолились, и я ушел.

По дороге в барак встретила меня врач и, положив мне на плечо руку, говорит:

"Вечером, Михаил Гаврилович, приходите на прием. Возьмите с собой кружку, ложку и полотенце." Я сразу понял, что она хочет положить меня в больницу, но говорю ей:

- Я не больной.
- Но вы умрете без болезни, ибо у вас осталась только кожа да кости. Сколько вы весите?
- Тридцать пять килограммов, - ответил я.
- Я не понимаю, почему вы так слабы?
- Потому что в столовой я не могу кушать, там разная нечистая пища.
- Мы положим вас в больницу не как больного, а как служащего. Вы будете ходить в своей одежде, только халат дадим вам. Будете помогать медсестре. Больница у нас большая, больных много, а медсестра одна. Будете разносить лекарства больным, а мы вас будем кормить тем, что Бог вам разрешает кушать. Я согласился. Вечером собрался и пришел на прием. На прием пришло много людей. И вызывали к врачу сразу по трое. Когда я пришел к врачу, мне дали белый халат и познакомили с работой. Так я остался в больнице. Кушать мне давали почти все молочное и вкусное, и я немного набрал вес. С утра раздам лекарства, и до вечера свободен.

В нашем лагере в то время находился один ученый из Эстонии, профессор медицины Петров. Я имел большое желание побеседовать с ним, но не имел возможности. Возле него всегда собирались ученые люди, и каждый хотел с ним поговорить. Но в один солнечный день он взял одеяло и вышел отдохнуть на траву, и там читал книгу. Я подошел к нему, поздоровался и говорю:

- Вас можно о чем-то спросить?
- Пожалуйста, - отвечает он.
- Скажите, книга Библия - это хорошая книга или нет?
- Библия - единственная книга, которая не подлежит никакой поправке, это истинная правдивая книга. Библейскими законами даже в судах пользуются.
- У меня еще один вопрос: Что вы скажете о Боге? Бог есть или Его нет?
- Зачем вы задали такой вопрос? - спрашивает он.
- Многие ученые говорят, что Бога нет.
- Это неправда, потому что все ученые знают, что Бог есть. Так говорят недоучки или переучки, а ученые люди знают, что Бог есть. Только мы закончили беседу, а около него уже собралось много людей, и я ушел.

Я имел теперь много свободного времени. Мог ходить по баракам и в больнице, беседовать с людьми об Иисусе Христе, о спасении. Даже имел возможность часто выходить за зону посещать друзей. Однажды я пожелал поехать на тринадцатую шахту, где жили мои друзья, между которыми были Илья Ильчанинов и Паляница Николай. Расстояние между седьмой и тринадцатой шахтой около двадцати километров. В одно воскресное утро я быстро раздал лекарство и пошел на вахту. Конвой меня спросил:

- Куда идешь?
- На автобусную станцию, - отвечаю. - Хочу поехать на тринадцатую шахту. Он открыл мне дверь и сказал:
- Счастливо. Приехав на тринадцатую шахту, я стал спрашивать:
- Где тут живет Паляница Николай? Мне сказали, что он на вольном поселении, и указали его дом. Подхожу к этому дому, а там как раз заканчивается утреннее богослужение. Меня увидел Николай, подбежал и мы радостно поприветствовались. Он говорит:

"Я сейчас позову жену. Мы живем с двумя нашими сынами на вольном поселении." Потом приводит ко мне свою семью и представляет жене:

- Это тот брат, через которого я уверовал во Христа. А она сложила руки и говорит: "Прости меня, браток, - я согрешила против тебя."
- Как ты могла согрешить против меня, если я тебя первый раз вижу? Тебя Бог простил, когда призвал к себе.
- Я благодарю Бога за то, что мой муж стал верующим через тебя, а через него и я. Когда мы окончили беседу, все знакомые стали подходить ко мне приветствовать. Подходит ко мне Илья Ильчанинов, а я его спрашиваю:

"А твоя жена где?"

- Она была здесь на свидании, получила крещение Духом Святым и поехала домой. Жена Николая приготовила угощение, мы попрощались и разошлись.

Вернувшись в свой лагерь, я нашел в больнице одного верующего инженера по фамилии Москвич Иван Иванович. Мы с ним познакомились и много делились словом Божиим. Через несколько дней принесли на носилках одного парализованного эстонца. Он был человек рослый, но его надо было обслуживать, как маленького ребенка. Врач созвал всех людей, которые были не сильно больны и физически посильнее. Набралось десять человек. Потом фельдшер составил список. Я был десятым в списке. Из этого списка все по очереди должны были обслуживать больного эстонца - каждый в течение суток. Врачи думали, что он долго не проживет, но на десятые сутки пришла и моя очередь. Я обслуживал его охотно, думая, что будет не тяжко обслужить его один раз в десять суток. Но когда на одиннадцатые сутки пришла очередь первого в списке, тот отказался. Фельдшер пошел ко второму, третьему и так до девятого, все отказались: "Лучше выписывайте нас из больницы, а обслуживать его мы не будем." Тогда врач вызвал меня и говорит:

"Михаил Гаврилович, я не смею вас просить. Я не рассчитывал на вас и потому написал вас в списке десятым. Мы думали, что он больше пяти суток не проживет. А сейчас все отказались. Помогите нам еще хотя бы одни сутки, пока не найдем замену." Обслужил я его одни сутки, третьи сутки, а замены нет. Так он остался при мне. Обслуживал я этого парализованного около семи месяцев. Когда я его обслуживал, то его земляки-эстонцы, проходя мимо, смотрели в другую сторону.

Тем временем наш лагерь разделили на две части. В одной части были заключенные с малым сроком, а в другой - с большим. Так как я имел большой срок, то меня перевели в другую половину, где тоже положили в больницу. Я пробыл там два дня, и у меня случился сердечный приступ: сильное сердцебиение. Врач этой больницы не знал, какие лекарства мне нужно от сердца. Тогда он вызвал конвой и сказал:

"Отвези его к врачу в другую больницу, а потом привези обратно." Когда я пришел к врачу в той больнице, он сильно обрадовался и говорит:

"Больше вы отсюда никуда не выйдете." А, обращаясь к конвою и возчику: "Можете быть свободны, больной остается здесь." Потом говорит мне:

"Наш больной, с тех пор как вы ушли, не кушает и не принимает лекарства. Мы уже не знаем, что с ним делать. После этого врач послал фельдшера к парализованному, чтобы тот дал ему лекарство. Но больной закрыл рот и глаза и отвернулся. Так же он сделал, когда к нему подошла медсестра. Потом к нему пришел сам врач:

- Умоляю вас, возьмите лекарство. Но он даже не посмотрел в его сторону. Потом врач говорит:

"Михаил Гаврилович, подойдите ближе." Как только больной это услышал, то сразу открыл глаза и рот. Он принял лекарство, я его покормил, переодел. Все в больнице удивлялись этому. Потом он мне говорит:

"Я знал, что ты придешь. Все эти люди злые, как собаки. Они меня бьют, а ты хороший. Я тебя ждал." Я снова начал за ним ухаживать. В больнице меня часто посещал Василий Петрович Островский. Как-то он пришел, и мы с ним вышли на улицу. Там была длинная лавка. Мы сели в одном конце, а на другом конце сидел латыш из нашей больницы. Он склонил голову на колени, и мы думали, что он

спит. Василий Петрович был из пятидесятиков и начал говорить, что верить так, как он, правильно, а субботу праздновать не надо. Я ему ничего не возражал. Но латыш поднял голову и говорит:

"Дайте я вам что-то скажу, - и обратился к Василию Петровичу. - Если хотите узнать, чья вера справедлива, то зайдите в больницу и спросите всех людей. И они вам скажут, потому что вера оправдывается делами. Михаил Гаврилович уже семь месяцев обслуживает больного эстонца, которого нужно раздеть, помыть, одеть в чистое, накормить. Когда он это делает, то земляки-эстонцы стыдливо смотрят в другую сторону, а он это делает доброхотно. Поэтому, когда он говорит из Библии, то его все со вниманием слушают. Ибо добрые дела - ключ к вечной жизни." После этого Островский больше не заводил разговоры на спорные вопросы.

В то время вышел Указ Центрального Комитета об освобождении инвалидов. На всех инвалидов врач оформлял документы, и их отпускали домой. Я ждал своей очереди. Потом пришел к врачу и спрашиваю:

"А меня почему не отпускаете? Я думал, что вы меня в первую очередь отпустите домой. Я ждал - не дождался и сам пришел к вам." На это он говорит:

"А что мы будем делать с больными без вас?" Но на мое счастье пришел приказ - всех больных перевести в другой лагерь, а этот лагерь сделать вольным поселением. Тогда врач вызвал меня к себе и начал оформлять мои документы. Но я так и не дождался освобождения. Меня перевели в другой лагерь, который находился от Воркуты за триста семьдесят километров в сторону Сивой Маски. Когда меня привезли в Сивую Маску, то тоже положили в больницу, как больного. Но, когда начальница санчасти рассмотрела мои документы, то увидела, что я печник. Она вызвала меня:

- Михаил Гаврилович, вы печник?
- Я был печником, когда был здоровым, а теперь я инвалид.
- Я знаю, что вы больной, - говорит она. Но я вам дам одного человека, он будет работать, а вы будете ему только показывать. Я согласился. У меня в документах было написано, что я бесконвойный. Я смело мог ходить куда хотел и проповедовать Благую весть. В этой больнице я пробыл три месяца. Потом меня выписали и поместили в барак, где находились нерабочие инвалиды.

Это были развратные люди. Они отвергали слово Божье. Не хотели слушать, смеялись. Но один мужчина принял это слово в свое сердце и очень ценил его. Он желал слушать день и ночь, он принял спасение через Иисуса Христа. Фамилия его была Бордяков. В этом бараке я тоже пробыл почти три месяца.

В один из дней приходит посыльной и вызывает меня к начальнику лагеря. Я зашел в кабинет, а начальник мне говорит:

- Мы хотим вас сделать заведующим портняжной.
- Какой из меня портной, если я даже шить не умею.
- Это ничего, - сказал он. Завели меня в портняжную, дали ключи и - делай, что знаешь. У них был до этого заведующий портняжной. Он пил чифирь, и его выгнали. Но заведующим я тоже был только одну неделю.

Снова приходит посыльной и вызывает меня к начальнику лагеря. Только я открыл дверь, а он мне говорит:

- Михаил Гаврилович, хотите идти на волю?
- Как нет. - Конечно, хочу. Начальник дает мне в руки обходной лист и говорит:
- Идите быстро рассчитывайтесь и приходите ко мне. Я взял обходной лист и сначала зашел в барак к брату, который уверовал, и говорю ему -
- Я свободный. А он меня спрашивает:
- Ты никакого вразумления не имел? Сон или что-нибудь?
- Ничего такого у меня не было. Был сон, но незначительный.
- Расскажи сон. Я стал рассказывать: Как будто я находился в огромном помещении, и у меня в руках подвода с шестью колесами и очень тяжелым грузом. Вдруг эта подвода двинулась вперед сама по себе и ударила в стену передом. Стена упала, и подвода вышла из помещения.
- Сколько ты пробыл в лагере? - спросил он меня.
- Шесть лет.
- Шесть колес - это шесть лет, - говорит он, - а что груз был тяжелый, то это вся тяжесть, которую ты перенёс. Когда я обошел всех, кого мне нужно было обойти с обходным листом, то пришел к начальнику. Он дал мне документы об освобождении, деньги на билет и говорит:

"Тебя нужно сегодня отправить.»

Я попрощался с начальником, потом со всеми в бараке, а особенно с братом Бордяковым. Мы помолились в последний раз с ним, и я отправился на железнодорожную станцию. Но я взял билет не домой в Закарпатье, а в Воркуту. Я хотел попрощаться со всеми моими друзьями, с которыми за шесть лет лагерного заключения имел радость в Господе.

Все они находились на вольном поселении. Мне нужно было проехать триста семьдесят километров. Когда я прибыл в Воркуту, то пошел по железной дороге на автобусную станцию. Как вдруг заметил на железной дороге Федора Ульянова. Когда мы увидели друг друга, то стали бежать от радости навстречу друг другу. Мы были так рады встрече, что аж расплакались. Федор говорит мне:

"Как это так! Мы с женой про тебя вспоминали, а ты приехал. Тебя Бог сюда прислал, ибо моя жена так желала тебя увидеть. Я ей часто о тебе рассказывал, как я покаялся и принял Иисуса Христа. Она сейчас живет здесь на вольном поселении с дочкой. Она тоже приняла спасение в свое сердце. Я сейчас не могу оставить работу. А ты иди прямо по железной дороге и увидишь на правой стороне дом, возле которого лежит куча длинных деревьев. На этих деревьях сидит моя жена с дочкой. Они вяжут свитер. Подойдешь и скажи им: "Федор послал меня к вам, ибо я тот, которого вы желали видеть." Когда я пришел к ним и сказал так, как мне велел Федор, они тотчас же встали и пригласили меня в дом. Мы сразу преклонили колени и поблагодарили Бога за встречу, а особенно она за то, что Бог исполнил ее желание. Мы провели вместе довольно времени, а потом они проводили меня на автобусную станцию. Там мы попрощались, и я поехал автобусом к моим друзьям, с которыми был судим вместе, к Михаилу Чухряле и Юре Саморыге. Они тоже очень были рады встрече, так как их

также освободили. Но Михаил нас не ждал, а сразу после освобождения поехал домой. Саморыга остался со мной.

Каждый вечер мы собирались на служение, и каждый раз в другом доме и на другой шахте. На седьмой шахте был пророк Божий Андрей Волокитин, и мы с ним вышли в тундру, преклонили колени для молитвы. Через него было сказано мне: "Я тебя освободил, потому что ваша община упала духом. И хочу через тебя поднять народ мой!" Было сказано много, но я дальше не помню. Затем мы поехали на четвертую шахту в дом брата Ивана Харламповича Грушевского. Его жена Ирина с дочкой Надей тоже жили на вольном поселении. Сестра Ирина имела дар видения. Когда мы преклонили колени, то она видела видение: Открытую Библию и голос ей говорит: "Пусть прочитает Михаил место из Захарии 4:9: "Руки Зоровавеля положили основание Дому сему, его руки и окончат его и узнаешь, что Господь Саваоф послал Меня к вам!" Мы довольно порадовались с ними, попрощались и пошли с братом Саморыгом дальше. За одиннадцать суток я обошел всех братьев по всем шахтам Воркуты, чтобы встретиться, порадоваться, а также попрощаться. Через одиннадцать суток мы расстались и поехали домой.

Глава 13

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Михаил Чухряля, приехав домой, сказал моей жене, что и я скоро должен приехать. Она каждый день выходила к поезду встречать меня. Но так как меня долго не было, то в один день она не вышла к поезду.

Когда я сошел с поезда на станции в Рокосово, многие люди из нашего села, кто был в это время там, приветствовали меня. А некоторые побежали возвестить радость моей жене. Эту радостную новость принесла в мой дом Анна Кудрун. Мои старшие дочки Мария и Юля в это время были на заработках в Полтавской области. Мальвину, нашу среднюю дочку, жена отправила в магазин. Дома была наша самая младшая Аня, которой было девять лет. Когда жене сказали, что я иду, то она сразу побежала мне навстречу. Я немного задержался, разговаривая с людьми. Где-то на полдороги встречает меня жена. Мальвина шла сзади и думала, что это ее отец с деревянным чемоданчиком, но не смела подойти. Но когда она увидела мать, приветствовавшую меня, то и она поприветствовала. Находясь в окружении людей, я и не заметил, кто меня приветствовал. Когда мы подошли к нашему дому, я спросил жену: "А где наши дети?"

- Все они здесь, - говорит она. Но я их не узнал. Потом пришли меня встречать моя мать, сестры, жена брата и все соседи.

Дома мы собрали всё наше собрание, чтобы благодарить Бога за мое освобождение. Мы преклонили колени, и я начал первый молиться. Потом взяла молитву моя жена, и больше никто уже не брал молитву. После чего я впал в сомнение. В Воркуте было сказано: "Бог хочет поднять народ свой". А здесь никто даже не поднял голоса для молитвы. Видно было, что здесь нужен духовный труд, а меня сразу встретили и плотские проблемы. За шесть лет заключения я не принес домой даже рубля. Жена работала в колхозе от зари до зари, получая мизерную зарплату, которой не могла даже прокормить детей. Дом наш был деревянный, а полы в нем глиняные, и в доме завелся грибок. Он уничтожил стены в доме на метр в высоту и от этого гриба нечем было дышать внутри дома. Когда мы поженились, то моей жене дали в приданное новую мебель - спальню, теперь всё это гриб уничтожил. Не на чем было переспать. Я вернулся домой инвалидом второй трупы, но пенсии никакой не получал, потому что у меня было пять лет поражения в правах. Тяжелую работу я

выполнять не мог. Но мы с семьей решили, что надо браться за дело. Землю с полов на восемьдесят сантиметров мы выбросили вон, а вместо нее навезли щебня. Со стен ободрали штукатурку и почистили дерево. Набили новые дранки и оштукатурили снова. Штукатурка не просыхала долгое время, и на ней снова появился грибок. Верующие собрали нам короткие доски и пастрегольцы и сделали деревянные полы. Но через год грибок уничтожил их. Мы вынуждены были снова жить без полов на щебенке.

Как-то приехал к нам из села Заречья молодой юноша Саксон и говорит:

"Михаил, мой отец просит вас приехать к нам.»

- Зачем? - спрашиваю я его.
- Я вам не скажу зачем, - отец вам скажет.

Когда мы пришли к ним, то я увидел, что старый дом они развалили и начали укладывать фундамент под новый. Фундамент уже кто-то сделал и даже два ряда камня сверху были положены.

- Михаил, я тебя призвал, чтобы ты построил нам дом, - сказал мне отец Саксона.
- Но, я не могу, потому что мне нельзя поднимать тяжелое. Тогда он говорит:

"У меня есть два сына и зять. Они каждый камень положат туда, куда ты им скажешь. Ты будешь только руководить." С Божьей помощью мы начали строить. Проработав несколько дней, на субботу я приехал домой. Брат Саксон дал мне авансом пятьдесят рублей. Когда я принес эти пятьдесят рублей домой и отдал жене, то она от радости заплакала и благодарила Бога, что у нас в доме уже есть пятьдесят рублей. Я продолжал работать у брата, а на субботу приезжал домой и каждую пятницу приносил деньги. Когда мы закончили фундамент, то они меня попросили ставить стены. За эту работу у брата Саксона мне хорошо заплатили.

Затем я начал работать в строительной организации. Но здесь начались притеснения из-за субботы. Нам сказали, что если не будем работать в субботу, то нас сократят. Нас, субботников, в этой организации было несколько бригад, и все были хорошиими строителями. Собралось начальство и стали решать. Одни говорили - сократить, а другие возражали: если мы их сократим, то с другими рабочими мы ничего не построим. Решили не сокращать.

Когда в Строй участке начальника Горбункова сменил Купар, то всё пошло к лучшему. У нас в это время родилась пятая дочка, которую мы назвали Марта. Начальство узнало о моем трудном положении, что у нас родилась дочка, что наш дом разваливается, и нам негде жить, и мне из организации разрешили выписывать материалы по самой низкой цене: цемент, доски, шифер и всё, что нужно было для дома.

Мы разрушили наш старый дом и на его месте начали строить новый. В то время две наши дочки уже были замужем. Мария вышла замуж за Степана Ромочевского из села Ильница, а Юля за Михаила Радя из села Кушница. У Юлиного мужа был свой дом, и они переехали жить в Кушницу. А у Степана нашлись деньги, и они построили дом в конце нашего огорода. Степан тоже мне много помогал в строительстве нашего нового дома. Когда мы сооружали фундамент, жена с детьми делала глиняные кирпичи для стен. На работе мне дали отпуск на один месяц. За этот месяц мы с женой и детьми построили наш новый дом.

Глава 14

ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

В 1960 году у нас родился шестой ребёнок - мальчик, мы назвали его Виктором. В плотской жизни мы продвинулись немного вперед, но и в духовной жизни мы не стояли на месте. За то время, когда я был в заключении, многие в нашей общине потеряли дар незнакомых языков, видения. Мы стали больше пребывать в молитвах, постах, и Бог начал обновлять потерянное. На служения во время постов мы часто собирались в селе Копане у брата Андрея Чейпеша. Мать его жены имела дар пророчества, и Бог через нее часто нас наставлял, обличал и утешал. Также мы собирались у брата Тафичука для молитвы.

Когда нашему сыну Виктору было четыре месяца, он сильно заболел и непрестанно плакал. Мы всегда, если кто-то заболеет, в первую очередь, просили исцеления у Бога. Но в то время в нашем доме находилась одна бедная женщина из другого района. Женщина эта часто приезжала в Рокосово, потому что наши верующие любили помогать бедным людям. Она останавливалась в нашем доме, так как моя жена была очень гостеприимной. Эта женщина жила у нас несколько дней, а когда ей принесут всего столько, что еле может унести, тогда она шла домой. В присутствии этой женщины мы не хотели молиться, потому что для молитвы нужна свободная обстановка. Но поскольку ребёнок не переставал плакать, то мы решили молиться при ней. Жена держала ребёнка на руках. Во время молитвы я слышу внутренний голос: "Бери ребёнка на руки." Когда я взял его на руки, он начал смотреть в потолок и перестал плакать. Тогда я отдал его матери, но он снова начал плакать. Жена видит, что он плачет, и снова отдает мне ребёнка. Когда я его взял, он перестал плакать, закрыл глаза и уснул. Мы поблагодарили Бога за исцеление, я положил ребенка в кровать, и он до утра не просыпался. Эта женщина, увидев, что Бог сделал в нашем доме, везде и всем рассказывала об этом. Когда она рассказала об этом случае в селе Гетене, то брат Червак Юрий пришел к нам узнать, правда ли это.

В 1961 году у нашей дочки Марии родился сын, которого они назвали Иваном. Когда он уже сидел, мать дала ему игрушки, а сама на кухне что-то готовила. Я со Степаном пошел к его родному брату Федору помочь по строительству. Мы там проработали около получаса, когда прибегает Мария с ребёнком на руках и говорит:

"Что делать? В амбулаторию мы не успеем добежать, потому что ребёнок уже посинел и скоро умрет." Я ей говорю:

"Быстро пошли в наш дом." Когда мы пришли домой, то сразу преклонили колени для молитвы. Мария держала ребёнка на руках, а все молились. Но когда ребёнок перестал дышать, она отдала его матери, а сама, рыдая, побежала в другую комнату, думая, что ребёнок умер. Мы все еще продолжали молиться. Потом моя жена говорит:

"Вставайте, ребёнок умер, не дышит. Хватит молиться." В это время мне внутренний голос говорит: "Бери ребёнка на руки вниз лицом." Когда я его перевернул, то у него изо рта выпал кусок красной свеклы, и он снова начал дышать. Бледное его лицо начало краснеть. Я отдал ребёнка жене, а она кричит дочке:

"Марийка, иди сюда! Иванко живой!" Но она не поверила. Когда же увидела, что ребёнок действительно живой, то упала на колени и громко начала восхвалять Бога.

В те дни Бог совершал много дел по нашей молитве и вере. У моего друга Михаила Попа, который жил возле православной церкви, было четверо сыновей и две дочки. Однажды он пришел к нам и говорит:

"Михаил, возьми с собой инструмент и прийди к нам постричь моих сыновей." Я взял коробочку с инструментами для стрижки, и мы пошли. Когда мы пришли, я положил коробочку на стол, а Михаил мне показывает на своего девятилетнего сына Мафодия, который сильно плачет.

- Смотри, уже третий день плачет. Так скорченную ногу три дня и держит в руках. Не спим ни мы, ни он. Нога его так болит, что дотронуться нельзя. Я подошел к его сыну, взял ногу обеими руками, простер и спрашиваю:
- Болит?
- Нет. Потом он соскочил с постели и стал кричать: "Нога уже не болит! Я здоровый!" Его отец и мать Анна вместе с другими детьми упали на колени. Мы начали горячо благодарить Бога за исцеление. Это исцеление произошло по их вере. Когда Михаил меня звал, то он знал - зачем он меня зовет, но мне об этом ничего не сказал. Он имел сильную веру, если я дотронусь до больной ноги его сына, то он будет здоровый. Этот брат во многих случаях имел глубокую веру и очень любил молиться. Иногда даже ночью он приходил к нам молиться. Бывало, мы уже всё закроем перед сном, а он стучит в окно или дверь. Жена мне говорит:

"Михаил Поп пришел молиться." Хотя он жил не близко от нас, но всё равно приходил для молитвы.

Как-то вечером, когда собрание проходило у Миши Павлия, все собирались, а Попа нет. Мы начали служение, как вдруг меня вызывают в коридор. В коридоре меня ждал Поп. У него вся верхняя губа распухла от большого нарыва. Он мне говорит:

"Михаил, пошли помолимся у твоей дочки дома. У меня так сильно болит губа, терпеть не могу. Я верю, если ты помолишься за меня, то я буду здоровый." Дом моей дочки Марии был рядом, по соседству, мы зашли в коридор и начали молиться. Когда мы закончили молитву, он берет меня за палец на правой руке, кладет на больное место, и говорит:

"Меня Христос исцелил!" Мы снова поблагодарили Бога и пошли на служение.

В 1964 году у нас в семье родился еще один сын. Он был седьмым, и мы назвали его Мишой. Когда он начал разговаривать, то стал прислушиваться, что говорят взрослые, и очень много запоминал. Он помнил много событий из Библии. Рассказывал наизусть о том, как Бог сотворил вселенную, о Ионе и ките, об Иосифе, Данииле и о многих других местах Библии. Он также пел песни. Особенно любил петь песню «Великая Школа.» Одно время я лежал в нашей сельской больнице, и моя жена часто приносила его с собой ко мне. Когда больные узнавали, что он придет, то выходили из палат и встречали его, как взрослого. Он не стыдился, хотя еще немного и шепелявил. Говорил он громко, медленно и все его понимали. Всем было интересно, как ребёнок рассказывает устами из Библии.

Из Сахалина вернулся брат моей жены Иван. Он приехал домой с пятью детьми, но без жены Юлии. Она умерла на Сахалине, а он на шахте стал инвалидом. Их дом был недалеко от нашего. Его старшая дочка Ирина получила на Сахалине высшее образование. Когда она приехала в Закарпатье, то начала искать работу. Ей предложили должность начальника вокзала. Она оформила все документы и на

другой день должна была приступать к работе. Придя домой, она глубоко задумалась, так как на этой работе она должна была работать в субботу. Ее отец в это время жил в Ужгороде, а она жила в старом доме возле нас со своей сестрой Юлей. Они часто приходили к нам, к своей тетке - моей жене. Ирина любила побеседовать о Библии. В тот вечер она задумала - пойду к шурину и ничего ему не буду рассказывать, а только скажу, что оформила документы на работу. Если он меня спросит за субботу, то тогда пойду и сразу заберу документы. Она пришла к нам и сказала, что ее приняли на работу начальником вокзала, и что работа там очень хорошая. А я ее спрашиваю:

- А с субботой как там будет? Она прослезилась и спрашивает:

- А ты что мне предложишь делать?
- Если хочешь исполнять заповеди Божьи, то иди на стройку, - сказал я ей. В это время я уже не работал, а был на пенсии по инвалидности, но мои дочки и зятья работали в строительной организации. С начальством этого участка я был в очень добрых отношениях. Когда они строили магазины в нашем селе, то приезжали за мной на машине и я им сделал разбивку под магазины. Работать я не мог, но собрал бригаду, назначил бригадира, и они начали строить. В это время они сооружали фундамент под магазины, и там работала моя дочка Анна. Я Ирине говорю:
- Иди к Ане на строительство.
- Когда? - спрашивает она меня.
- Завтра можешь начать работу. В тот вечер у нас дома был Поп Михаил. Он слушал, и слёзы текли из его глаз.
- Ирина, о субботе мы уже поговорили, а что ты скажешь о духе Святом? - спросил я ее.
- Я желаю получить, но еще не получила.
- А ты веришь, что Бог даст тебе Духа Святого?
- Верю, - ответила она и прослезилась. Мы стояли на колени, начали молиться, и не прошло и двух минут, как она начала говорить на иных языках. Мы поблагодарили Бога. Она особенно была благодарна Богу за то, что Бог открыл ей субботу, а потом крестил ее Духом Святым. На другой день она забрала документы, а после обеда пошла работать на строительство. Через некоторое время Ирина вышла замуж за сына моего друга Юрия Кострабу. Бракосочетание было в селе Лисичево. Мы наняли автобус и всем Рокосовским собранием поехали туда. После поездки в Лисичево Михаил Поп сильно заболел. Вместо мочи у него текла кровь. За ночь он сильно истек кровью. Он не мог говорить, сам встать или сесть. Желтый, как воск, он лежал и ожидал смерти. Его жена говорит ему:

"Михаил, может ты хочешь призвать братьев, чтобы они помолились за тебя?" Он тихонько ответил:

"Призови Михаила и Гаврилу, моей сестры мужа." Она сразу побежала. Сначала зашла к Гавриле, чтобы он не уехал на работу, но не успела. Гаврилы уже не было дома. Потом она пришла с плачем к нам и говорит:

"Мой муж умирает и хочет, чтобы вы с Гаврилом помолились за него." Я быстро собрался, и мы вместе пошли. Когда я зашел в дом, то думал, что уже всё кончено. Он лежит бледный, как воск, не разговаривает, дети плачут. Я подошел к его кровати, мы все преклонили колени и стали молиться.

Когда мы окончили молитву, он берет меня за правую руку и кладет на свой живот. У него появилась речь.

- Меня Христос исцелил! - сказал он. Мы вновь преклонили колени, а он поднял руки вверх и стал благодарить Бога. Жена с детьми от радости, что их отец остался жить, подняли сильный плач. Когда он рассказал в служении, какое чудо сотворил Бог в его доме, то все ободрились и стали больше доверять делам Божиим.

У нас вновь началось Духовное движение. В это время моя дочь Мальвина вышла замуж за Михаила Юркива, и Бог через него начал это движение. Сначала наша молодежь была крещена Духом Святым. Потом они получили Духовный Хор, а также видения. Потом к нам начали приезжать из разных мест - почти все молодые, и кто бы ни приезжал, все были крещены Духом Святым. Наш дом был близко возле дороги, и мы часто собирались на молитву в доме моей дочки Мальвины.

Однажды я сильно заболел и лежал в постели четыре недели не вставая. Я позвал зятя Степана, чтобы он меня побрил. Когда я посмотрел на себя в зеркало, то увидел, что у меня выросла борода. Я говорю жене:

"Юля, что ты скажешь, если я оставлю бороду." Она говорит:

"Оставляй." Я подумал: "Всё равно долго жить не буду, а когда умру, тогда и побреют." Но у меня ночью было сновидение: Я молюсь, а потом пою Духовные песни, и вся ночь у меня радостная." Я запел громко, а моя жена взяла ручку и записала. Это были слова из песни "Правды":

"Хочет он, чтоб вы нуждались и пришли к нему просить,

И Он даст вам, и Он даст вам, и Он даст вам Духа, чтобы вас водить; Духа, чтобы вас водить.»

И я проснулся. Утром жена рассказала всем детям. Они все сошлись и усиленно молились, прося Бога о моем исцелении. Я встал на ноги и начал ходить. С тех пор я не брил бороду.

Мой брат Иван не был крещен, потому что он не так доверялся Богу, как мы. Но его жена и дети были крещены духом Святым, и они всегда с ним беседовали. Он видел, как много народа Бог крестил духом Святым в доме Мальвины, и как все эти люди получали великую радость. Он до этого всегда говорил - я крещен духом, и уже не имел смелости сказать: "Помолитесь за меня." Однажды он говорит жене:

"Я иду к Мальвине, может, им нужен лук." Он собрался и пошел, а жена за ним, она уже догадывалась, зачем он идет. Утром сестра Кудрунка имела видение: Иван будет крещен в пять часов. Она пришла к нам, но у нас никого не было дома. Тогда она идет к Мальвине и на огороде встречает мою жену. Она боялась говорить о своем видении, потому что и сама не полностью доверяла, но рассказала моей жене. Жена говорит ей:

"Он уже у Мальвины в доме сидит." Молитва за молитвой проходила, а он ничего не говорил, только смотрел, слушал и рассуждал. Но где-то около пятого часа попросил:

"Помолитесь за меня. Я тоже хочу быть крещен духом Святым." Все начали молиться за него, и точно: в пять часов он был крещен и получил дар незнакомых языков. После этого ему не пришлось долго жить. Вскоре он умер.

Как-то мне надо было перенести старые двери с одного места на другое. Моя жена взялась за двери впереди, а я сзади. Мы донесли их до калитки в огород, и здесь двери ударились о столб, на котором висела калитка. Я сильно стукнулся об угол двери животом, и у меня порвалась двенадцатиперстная кишка. Я опустил двери и еще смог дойти до дома. До кровати я не дошел, а упал. Жена сильно испугалась: все случилось так внезапно. Она побежала к медсестре, которая жила по соседству. Медсестра пришла, сделала мне укол и вызвала скорую помощь. Меня взяли на носилки и отвезли в Хустскую районную больницу. Со мной поехали жена и зять Степан. Дети остались дома и сильно молились. Соседи, которые видели, как меня заносили в скорую помощь, говорили: "Такая причта смерти." Когда дети молились, то через моего зятя Михаила Юркива было сказано духом Святым: "Не бойтесь, он не умрет, ибо ангел Господень сопутствует ему и будет хранить его." Меня привезли в больницу вечером и сразу положили на операционный стол. Дали наркоз и только успели разрезать, как в этот момент в больнице погас свет. Что делать? Окно операционной комнаты выходило во двор на первом этаже. Тогда к окну подогнали машину и светили фарами все время, пока проходила операция. А операция длилась три часа. Меня зашили, забинтовали и, как мертвого, отвезли в палату. Жена с зятем стояли у дверей операционной комнаты, и когда врач выходил, жена спросила у него о моем самочувствии.

- Операцию мы сделали. Но будет он жить или нет - Бог святый знает. Должен жить, - ответил он. Три дня я лежал в палате, и кушать мне не давали. На третий день была перевязка. Пришел доктор с медсестрой на обход ко мне в палату. Медсестра сняла с меня бинт, а врач как увидел шов, спрашивает:

"Кто его зашивал? Разве так зашивают живого человека!" - Взял ножницы и все швы порезал. Потом чем-то меня помазал и больше не зашивал. Так как после операции нельзя кушать, то меня держали под капельницей. Через зятя Юркива было сказано: "Ангел Господень подносил ему кушанье." Он сказал об этом моей жене и другим нашим верующим соседям. Когда моя жена пришла ко мне утром, то первое слово у нее на устах:

- Юркиву было сказано, что ангел Господень подкрепил тебя пищею. Я прослезился и говорю:

"Да, ангел Господень уже приносил мне пищу и питие, только я его не видел. Мне нужно было только открыть рот, и пища мне была подана. Такой вкусной пищи нет в мире, как эта была. Я проглотил ее и сразу почувствовал исцеление. У меня ничего не болело и я начал рассуждать, что же это такое? Потом мне была подана вода. Я напился той воды и сразу ободрился. Снова я никого не видел, мне нужно было только открыть рот." После этого многие приходили и спрашивали: "Истинно ли было пророчество?" Я всем отвечал:

"Точно так было. Божья истина." Через некоторое время приходят две сестры из Букового - Маргарет Тафичук и Надя Чайпеш. Они в палату не зашли, так как в это время возле меня был врач. Двери палаты были стеклянные, и они видели, как медсестра меня перебинтовывала. Врач говорит медсестре: "Вот старик. Одной ногой был уже на том свете." Потом меня забинтовали, и они ушли. А сестры как увидели незашитую рану, то и говорят между собой: "Всё, умрет наш брат." Потом они заходят ко мне в палату со слезами на очах. Спрашивают меня:

"Как ты себя чувствуешь?" Отвечаю:

"Я здоровый." Они сначала подумали, что я без сознания в сильной температуре. Мы немного побеседовали. Они увидели, что я в порядке, мы помолились вместе, и они ушли с радостью домой. Врачи, когда увидели, что я не умер, начали каждый день делать мне перевязку. Врач на обходе, увидев мою рану, заживающую так быстро, сказал:

"Вот, дед, стал ты обоими ногами на свет Божий." Врач, который присутствовал ежедневно при перевязке, рассказал обо мне главному врачу. Они оба пришли утром на обход. И палатный врач говорит главному врачу:

"Смотри, этот дед выскочил из смерти." Для всех было чудо, что рана так быстро заживает. Как-то в нашу палату зашла старшая сестра и подошла к КГБисту, лежащему в нашей палате. Он ее спрашивает:

"Многие у вас умирают?" Она показала пальцем на меня и говорит:

"За Палчея никто не думал, что будет жить. Какая-то сила Божья спасла его от смерти, и вот он живет. Скоро выпишем."

Я вернулся из больницы, и снова началась духовная работа. Но трудиться уже было легче, потому что много труда было сделано нашим зятем Юркивом. Он работал на лесозаготовках в Прибалтике и России, но бывал часто дома и трудился на духовной работе по нашей области и за ее пределами.

Мои зятья одно время работали в Латвии на лесо-заготовках. Там они познакомились с верующими и ходили к ним на служение. Один Рижский брат захотел строиться, и мы, двенадцать человек, пошли строить ему дом. Мы были знакомы с братом Банадой, которому Бог дал дар исцеления. Мы часто молились вместе. Однажды Сергей Танкевич пригласил всю нашу бригаду к себе в гости. Перед тем как идти туда, мы молились и было сказано через брата Банаду: "Идите, будете иметь радость." У брата Танкевича была тетка-старушка с иссохшей ногой. Она два года не вставала с постели. Мы и не думали о ее исцелении. Когда мы пришли туда, брат Банада начал спрашивать эту старушку, и она показала свою иссохшую ногу, тонкую, как два пальца. Он говорит всем нам: "Будем молиться о ее исцелении." Кто мог, тот преклонил колени для молитвы, а кто-то молился стоя, потому что помещение было очень маленьким. Брат Банада подошел, взял эту старушку за руку и говорит:

"Во имя Иисуса Христа! Вставай и ходи!" Она встала дрожащими ногами и начала ходить. Горячо благодарила Бога за исцеление. После этого она прожила еще восемь лет.

Моя жена некоторое время работала на лесозаготовках в Кировской области. Здесь работала бригада наших верующих из Закарпатья. Они валили лес для заготовки древесины, а моя жена с

сыном Виктором и дочкой Мартой собирали в кучу оставшиеся ветки от деревьев. Потом они всё это сжигали. В начале лета, когда лето еще не было жаркое, и земля была еще влажной, каждая куча сгорала особо. Но лето стало жарче, просохла земля, и куч набралось много. И в один день, когда они подожгли одну такую кучу, то загорелась вся площадь. Огонь начал приближаться к эстакаде, где лежало много кубов заготовленного леса. Жена сильно испугалась. Они со слезами начали искренне молиться. Во время этой молитвы большое дерево упало на землю вместе с корнями и преградило путь огню. Шум падающего дерева нарушил их молитву. Когда они увидели, какое чудо сотворил Бог, то начали еще сильнее молиться, прославляя Бога за великую милость, оказанную им.

Как-то мы пошли посетить одного верующего брата - Ивана Яника, жившего в селе Росош. Его посещали многие братья и сестры Закарпатья, потому что он был слепой. Он был очень начитанный в Священном Писании и богобоязненный человек. У него были два женатых брата, но не было в живых ни отца, ни матери. Нас поехало шесть человек: Василий Тафичук с женой, Андрей Чейпеш с женой, Надя Чейпеш и я. Когда мы зашли в дом этого брата, то там уже сидели другие посетители. Мы приветствовали всех и помолились. После этого я начал говорить о чудных делах Божьих, которые он совершил и сейчас совершает. Ему надо только довериться. Мы в нашем селе многократно видели над собой руку Божью, когда Бог исцелял через одного брата. Я не хотел говорить открыто об этом брате. Но когда я говорил об исцелении, то одна сестра встала и говорит:

"Если бы этот брат пришел сюда, то я бы была здорова. Я уже долгое время болею, и врачи ничем мне не могут помочь." А я говорю:

"Сестра, этот брат не исцеляет, и никто из людей этого сделать не может. Исцеления совершаются именем Иисуса. Он находится здесь. Если ты только веришь, мы призовем нашего исцелителя и во Его имя ты будешь исцелена." Мы преклонили колени, а эта сестра начала кричать: "Хвала тебе Иисус, что Ты пришел сюда исцелить меня! Иисус Христос! Я благодарю тебя за мое исцеление!" Мы встали с молитвы, еще немного побеседовали и ушли.

После этого одна старушка в селе Копане заболела. Ее отвезли в больницу. Посетить ее пошла сестра Мальвина Чейпеш. Она спросила ее о самочувствии. А та говорит:

"Я чувствую себя очень плохо. Если придет к вам брат Михаил, то скажите ему, пусть помолится за меня, и я буду исцелена." Я часто посещал служение в Копане, в Буковом, и она знала: если не в субботу, то в воскресение я буду там. По воскресениям в этих сёлах всегда было постовое служение. Когда я пришел туда, то Мальвина мне рассказала о просьбе сестры. Мы преклонили колени и с верой молились. Когда сестра Мальвина пошла в больницу к той сестре, то старушка уже была здорова. На другой день ее выписали из больницы.

Случилось, что у Мальвины Чейпеш заболел ребёнок, а мы сошлись к ним на служение. Мальвина говорит:

"Брат, я верю, если ты возьмешь ребёнка на руки, то он будет здоровый." Она дала ребёнка мне на руки. Мы начали искренно молиться о его исцелении, и Бог его исцелил.

В одно время их дочки познакомились с девчатами из села Поляна и позвали тех к себе на субботу. В воскресение должно было быть постовое служение, поэтому Полянские девчата решили остаться у

них и на воскресение. Ночевать они пошли к соседям, там тоже жили две верующие девушки. Но ночью одна из Полянских девчат сильно заболела. В воскресенье мы собрались на служение. До начала оставалось уже мало времени, а из соседского дома, где ночевали эти девчата, никто не приходит. Мальвина пошла узнать, что случилось. Хозяйка дома ей говорит:

"Ночью одна из девчат сильно заболела желудком. У нее высокая температура. Мы не спали всю ночь и не знаем, что с ней будет. Сейчас я боюсь оставить ее." Мальвина вернулась домой и вызвала меня в коридор. И мы вдвоем пошли к больной девушке. Я подошел к ней и говорю:

"Ты, сестра, веришь, если мы призовем имя Иисуса Христа и будем молиться за тебя, то ты будешь здорова?" Она тихим голосом сказала:

"Да!" Мы преклонили колени, помолились, и Бог ее исцелил. Потом мы все вместе пошли на служение. В тот день обе Полянские девушки были крещены Духом Святым.

Как-то в пятницу приехали в наше село четыре молодые сестры из села Росош. Они желали быть крещены Духом Святым, но не знали нашего адреса. Тогда они решили между собой: идем куда нас Бог поведет. В то время в нашем селе начали притеснять верующих за субботний день. Особенно детей в школе заставляли ходить на занятия в субботу. Эти молодые сестры не желали никого спрашивать, чтобы никто не узнал, что какие-то чужие верующие приехали в наше село. Они говорят, пойдем по улицам, может, Бог нам укажет. Они сошли с автобуса и дошли до развилки. Куда нам теперь идти: направо или прямо? Решили: пойдем прямо, и пошли. Шли они медленно, заглядывая в каждый двор. Вдруг видят одного мальчика во дворе, молящегося с поднятыми руками: это был кто-то из моих сыновей или внуков. Мы этого не видели, потому что мы готовились к субботе. Но эти сестры смело зашли во двор со слезами на очах. Мальчик прибегает к нам и кричит:

"К нам гости верующие пришли!" Одна из сестер задумала, когда входила в калитку: Когда я зайду в их дом, преклоним колени, и я буду крещена Духом Святым. Моя жена подготовила кушать, и мы встали, чтобы помолиться. Когда мы окончили молитву, я спрашиваю:

"Вы, сестры, крещеные Духом Святым?" Они отвечают: "Нет. Мы из-за этого и пришли сюда." Одна из них говорит: "Я во время этой молитвы была крещена." Она нам рассказала, как она задумала, когда заходила к нам. Мы покушали и поблагодарили Бога за пищу, а также за крещение сестры. При этой молитве Бог крестил и другую сестру. Перед тем, как идти на вечернее служение, мы еще молились, и Бог крестил и всех остальных сестер. После этого они часто приходили к нам в гости. Они приезжали в пятницу после обеда и оставались на субботу и на воскресение - на постовое служение.

В одну из пятниц к нам приехали три сестры, тоже из села Росош. Это была мать с дочерью и ее подружкой. Вечернее служение было у брата Василия Палчея, жившего по соседству с нами. Когда служение закончилось, то старшая сестра подошла ко мне и говорит:

"Я привела этих девушек с собой, потому что они желают духовного крещения." Было уже позднее время, и я не хотел затруднять народ. Я ей говорю:

"У нас будет еще завтра служение, а в воскресение будет постовое служение. Мы будем молиться, и сестрички будут крещены." Я так думал и так сказал. Но Божьи мысли - не наши мысли. Моя жена

пригласила этих сестер к нам на ночлег. Мы покушали, и пока жена готовила постели, мы еще немного поговорили с сестрами о Духовном Крещении. Перед тем как идти спать, мы преклонили колени для молитвы. Я думал коротко помолиться и ложиться спать. Но одну из этих молодых сестер Бог побудил молиться о Духе Святом. Она начала со слезами молиться и получила крещение Духом Святым. Мы поблагодарили Бога за сестру и встали с молитвы. Потом мы начали беседовать о чудных делах Божьих. Но вторая сестра не хотела ждать, а стала на колени, и мы с ней тоже. И она также была крещена Духом Святым. В субботу на собрании мы рассказали об этом событии, и все благодарили Бога.

В одну из суббот, когда я пришел в Копаню на служение, там уже сидел руководящий брат Василий из Виноградовского района. Это было ранним утром перед служением. Этот брат говорит:

"Мне нужно брата Банаду, он бы возложил на меня руки и я был бы здоровый.»

- Брат Василий, - отвечаю ему, - это не Банада исцеляет, а Иисус Христос. Он - наш исцелитель. Станем на колени и будем просить Его об исцелении. Мы начали молиться, а он говорит:

"Меня мой Иисус исцелил.»

Наш зять Юркив как-то познакомился с еврейками, которые после приняли Иисуса Христа в свое сердце. Это были мать и дочка. Мать звали Люба, а дочку Роза. Роза работала директором гостиницы. Наш зять пригласил их в гости в Закарпатье, и они приехали отдохнуть на один месяц. Им очень понравилось у нас, и мы с ними очень подружились.

Мы часто молились вместе. Когда моя жена молилась на иных языках, то Люба спросила у нее:

- Юля, ты понимаешь, что молишься на иных языках?
- Как я могу понимать? - отвечает она.
- Ты молишься на нашем еврейском языке, - говорит ей Люба. Она начала рассказывать, о чем моя жена молилась: "Не оставлю вас, соберу вас, как птичка собирает птенцов своих, под крылья свои. Вас, дочерей ваших, сыновей ваших и внуков ваших." Эти слова повторялись многократно при каждой молитве. Люба всегда переводила. Это повторялось много раз, так что я уже начал сомневаться, может, Люба говорит это в угоду нам, потому что они живут у нас. Как-то моя жена сказала, что имеет хороших знакомых - евреев в городе Хуст. Фамилия их Принц. Они пошли к ним в гости. Там хозяйка накрыла стол разными угощениями и пригласила их к столу. Еврейки говорят моей жене:

"Юля, помолись о пище." Жена начала молиться, а потом немного помолилась на ином языке. Когда они сели за стол, то хозяйка говорит моей жене:

"Я и не знала, что ты тоже еврейка.»

- Но я не еврейка, - отвечает она.

- А где ты научилась по-еврейски разговаривать?
- Я по-еврейски ничего не знаю, - говорит жена. Это Бог мне даровал через Духа Святого незнакомый язык. Тогда еврейка говорит:

"Ты благодарила за хлеб, за питие, за овощи и за всё, что Бог произрастил.»

Однажды наши сестры-еврейки пожелали поехать в город Мукачево, там жили наши знакомые верующие. Наш зять Юркив взял таксиста, чтобы отвести их туда. Когда они пришли с таксистом, то мы еще кушали. Таксист был молодой еврей, и я его спросил:

"Вы когда-нибудь читали Библию?»

- Я никогда не видел Библии, - сказал он. Тогда я нашел несколько мест в Библии и дал ему прочитать. А он говорит:

"Я хочу читать сначала." И он читал до тех пор, пока мы кушали. Перед тем как отправляться в дорогу мы преклонили колени, чтобы попросить у Бога благословение на дорогу. При молитве моя жена стала молиться на иных языках. Когда мы встали с молитвы, Роза спросила у таксиста:

"Ты понимал то, что Юля говорила во время молитвы?»

- Как же не понимать своего родного языка, - ответил он. Она молилась, чтобы Бог благословил и сохранил нас в дороге, и что будет приятная встреча. А про другое я расскажу вам в машине. Он нам еще много рассказывал, только всего я сейчас не помню. Когда мы приехали на место, наши друзья увидели нас через окно и вышли на улицу, радостно приветствуя нас.

Глава 15

ЭМИГРАЦИЯ

В 1975 году многими странами, в том числе и СССР, было подписано "Хельсинское соглашение." Там же была подписана "Декларация прав человека", в которой было записано, что каждый человек может покинуть свою страну и свободно возвратиться в нее. Прочитав эту декларацию, мы поверили, что это заявлено не только на бумаге, но и на деле. Мы написали заявления в ЦК КПСС на имя Брежнева о выезде за границу в любую не коммунистическую страну, в которой на государственном уровне признают Бога. Мы начали готовиться к выезду, ожидая разрешения. Мы продали дома, а нам пришел отказ. Мы вторично написали заявления, но нам вновь пришел отказ. Когда мы увидели, что нас не отпускают, то мы вернули людям деньги за дома, а они нам дома. Мы уже перестали писать заявления, но нас многократно начали вызывать в район на беседу. Эти заявления принесли нам очень много беды. При беседе нам много раз говорили, что если мы не откажемся от этого, нас будут судить. Начали следить за нашим зятем Юркивом. Его тоже уговаривали, чтобы он отказался, но так как он не соглашался, то его арестовали. Следствие длилось девять месяцев. Ему хотели приписать растрату на работе. Был суд. И хотя он доказал, что никакой растраты не имел, его всё равно осудили, потому что его считали организатором выезда за границу. До суда моя жена видела видение: Крутящаяся лента - и на этой ленте было написано числами от одного до десяти. Когда число десять подошло, лента порвалась.

- Нашему зятю дадут десять лет, - сказала моя жена. Многие говорили, что больше двух-трех лет ему не дадут. Но закончился суд, и ему присудили тринадцать лет с конфискацией имущества. Но он подал на пересмотр дела, и три года ему сняли.

Нашего сына Виктора забрали в армию. Не успел он вернуться, как другого сына - Мишу забрали в армию. Наша младшая дочь Марта вышла замуж за Фомина Виталия, и они поехали жить в город Ригу. Так сложились обстоятельства нашей жизни, что моя жена много переживала, тосковала и заболела - у нее обнаружился сахарный диабет. Она долго не шла к врачам, и у нее сильно повысился сахар. Когда она пришла к врачу, то та испугалась и сразу выписала ей направление в больницу. В больнице она переночевала одну ночь, а наутро ее парализовало: у нее отнялась вся правая сторона. Мы не надеялись, что она будет жить. В ее палате лежало пятеро женщин, и все они умерли, только она одна осталась жить. Мы молились, и Бог дал ей способность ходить с помощью костыля и говорить. Через шесть недель ее выписали домой из больницы, но за ней нужен был постоянный уход. Такая была воля Божья. Нас посещало много верующих, и она была очень рада всем. Мы всегда молились за нее. Она и сама вставала вочные часы для молитвы, и всегда старалась свято хранить заповеди Божьи.

После лагеря я часто болел и в 1980 году заболел снова. Такая была моя жизнь, - как пишет Экклесиаст, - "Все суeta и томление духа" Мои дети с внуками пришли молиться за меня. Я лежал трое суток в постели, и приступы сердцебиения у меня за это время не прекращались. Когда у меня случался такой приступ, то мне нужно была полная тишина. Они пошли молиться подальше от меня, а я молился в кровати. Они молились тихо, мои внуки - Витка, Тамарка и Марийка молились с плачем. Когда они возревновали при этой молитве, Бог крестил Тамарку Духом Святым. На другой молитве была крещена Витка и Марийка, а меня Бог исцелил и поднял на ноги. Эту дату мы запомнили, потому что это было как раз на восьмое марта.

Как-то я начал строить сарай. Утром я встал и пошел посмотреть глиняные кирпичи, потому что начался дождь. Я шел по фундаменту, нечаянно наступил на камень и упал вниз левой стороной тела на камни. Я повредил легкое около сердца. Дочери вызвали скорую и меня отвезли в Хуст в поликлинику. Там сделали снимок и сразу отправили в больницу. В больнице врач меня обследовал и говорит дочерям:

"В больницу мы его класть не будем. Зачем класть на три дня?" Он дал понять, что я больше трех дней не проживу. Он выписал какое-то лекарство и сказал:

"Положите ему под голову три подушки, чтобы ему было высоко лежать и перевяжите его грудь простыней." Я пришел домой, меня перевязали и начали усиленно молиться за меня. И я по милости Божьей был исцелен.

Я дальше трудился для дела Божьего. В нашем селе собиралось много молодежи для крещения Духом Святым. Они начали собираться в нашем доме по воскресениям и в среду вечером для молитвы. За короткое время Бог начал крестить Духом Святым. В начале 1988 года за несколько месяцев было крещено двадцать шесть человек. Хотя почти все, кто желал, были крещены Духом Святым, они всё равно продолжали собираться вечерами для молитвы. Потом все вместе мы совершали Вечерю любви. Это было очень радостное событие.

Летом мы любили сидеть во дворе под тенью виноградной лозы. После служения нас посещало много гостей - наших братьев и сестер в Господе. В один субботний день к нам пришли молодые сестрички, лет тринадцати или четырнадцати. Я их спрашиваю:

"Сестрички, вы пришли молиться?»

- Да. Мы зашли в дом, помолились, побеседовали, и они ушли. В другую субботу они пришли вновь. Я их спрашиваю:

"Вы желаете молиться?»

- Да, мы желаем и верим, что будем крещены Духом Святым. Мы зашли в дом, и они начали с плачем взывать к Богу. И на этой молитве все шестеро были крещены. Они получили такую радость, что имели желание приходить каждый вечер для молитвы.

В 1989 году началась вторая волна иммиграции, стало больше свободы, и мы еще раз решили иммигрировать. У нас были израильские вызовы, и мы начали оформлять документы на постоянное жительство в Израиль. Мы продали дома, нас заставили отказаться от гражданства, за что мы заплатили по семьсот рублей за каждую душу, и после этого нам выдали израильские визы. Мы купили билеты на Израиль, и за день до вылета Юркив пошел в израильское посольство заверить визы на все наши семьи. На его семью ему заверили визу, но когда он подал наши документы, то они увидели, что мы не евреи, и отказали нам всем в визах. Его визу тоже забрали назад и написали: "Виза отменена." А его семья уже с чемоданами была в Москве. Пришлось им вернуться домой в Закарпатье. После этого мы оформили бланки в американском посольстве на постоянное место жительство в Америку. И начали ждать. Дома мы продали всё, осталось лишь то, что было в чемоданах. Через полгода нам пришел ответ, и нас вызвали на интервью в американское посольство. После интервью нам присвоили статус беженца, и мы ждали еще полгода, пока в Америке нам найдется спонсор. За это время нас не переставали посещать наши друзья во Христе. Через шесть месяцев нашелся спонсор в штате Флорида. 18 ноября 1990 года нам назначили вылет из Москвы на Нью-Йорк. Друзья из разных мест пришли прощаться с нами. Многие из них высказывали нам свои пожелания. Многие плакали. В среду вечером перед отъездом наш дом был битком забит. Я прощался с каждым как-будто навсегда. Мы просили друг у друга прощения. За нашу жизнь, возможно, кто-то имел на нас какую-либо обиду. После этого мы все вместе преклонили колени и просили у Бога благословения на дорогу. Эту последнюю ночь мы не спали. Люди разошлись лишь перед самим утром. Утром два молодых брата - наши соседи, Миша и Сережа, отвезли нас в Мукачево к поезду. Там мы сели на поезд до Москвы. В поезде мы еще встретили наших друзей во Христе. Это был брат Грига Иван с сестрами, они ехали до Львова. До Москвы мы ехали чуть больше суток. В Москву нас поехали провожать зять Степан, сын Виктор и дочери Мальвина и Юля. Мы с ними попрощались и в 11:30 утром сели в самолет. В 9:30 мы приземлились в Нью-Йорке. В Нью-Йорке мы переночевали, а утром сели на другой самолет и полетели во Флориду, в Вест Палм Бич. Там нас встречали наши спонсоры и наша дочка Марта, она прилетела в Америку немного раньше нас. Пока мою жену сажали в инвалидную коляску, я вышел из самолета и вдруг увидел двух моих

внуков - Виталия и Руслана. Я подумал, что это сон! Позднее приехала наша дочка Мальвина с семьей. Всех нас приехало в Америку и поселилось во Флориде четырнадцать душ.

Моей жене не пришлось долго жить в Америке: через девяносто шесть дней она отошла в вечность. Как Бог сказал Иезекиилю: "Возьму у тебя утеху очей твоих" Эти слова были сказаны точно и для меня. Моя жена очень любила петь псалмы: 20, 23, 80 и 103, а также все песни "Правды", которые написал Артур Райт. Она также любила петь песни странника, а особенно "Ожидание." Мы всегда с ней пели эту песню.

Ожидаю царства, где мир я найду, Где от притеснений свободен буду. Я ищу помощи, той мощи крепкой, Которая ведет меня в свой покой.

Ожидаю дом благами наполнен, Который будет Богом восстановлен. В нем увижу я Искупителя, Услышу глас Его среди рая.

Ожидаю, чтобы встретить всех святых, Как мучеников в мире страдавших, Которых надежда в царство славы Здесь побеждали вражеские силы.

Эта надежда мне утешение, Даst мне в сердце ободрение И берет меня с домин смерти, Внушая мне пророческие вести.

Что же, если путь тернием преграждает, И жизнь мою скорбью окружает. Лета протекают и близко царство, В котором я получу блаженство

Последние слова, которые она сказала для нас: "Живите в любви между собой."

Заканчивая короткую историю моей плотской и духовной жизни, я хочу сказать: "Я написал ее не для того, чтобы прославить себя, но я желаю прославить нашего любящего, дорогого Господа. И чтобы многие спящие сном смертным, пробудились для славы Божьей. И те, которые мертвы во грехах, чтобы воскресли из мертвых, и чтобы освятил их Христос. Ибо у Господа есть место для каждого грешника, кающегося во грехах. Он призывает всех: "Придите ко мне все труждающиеся и обремененные и Я успокою вас, и найдете покой душам вашим" (Матфея 11:28-29).

АМИНЬ!»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ИСТОКИ 9

БЛАГАЯ ВЕСТЬ 18

ТРУД 33

ВОДНОЕ КРЕЩЕНИЕ 38

ЖЕНИТЬБА 40

ВЕНГЕРСКАЯ ОКУПАЦИЯ 42

ДУХОВНЫЕ ПОЗНАНИЯ 54

ПРИХОД СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ 60

НАЧАЛО ДУХОВНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЗАКАРПАТЬЕ 65

АРЕСТ 78

ЛАГЕРЬ В ВОРКУТЕ 93

ЛАГЕРНАЯ ЖИЗНЬ 104

ОСВОБОЖДЕНИЕ 133

ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ 136

ЭМИГРАЦИЯ 153

ББК 86.3 П 82

УДК 291.68

Літературно-художнє видання Михайло Палчей "ПРОСТАЯ ПРАВДА"

Оповідання Для широкого загалу (Російською мовою)

Редактори: Анна Палчей Михайло Юрків

Версія обкладинки Наталія Наумченко Оригінал-макет за проектом автора виготовив Роман Повч.

Здано до макетування 18.07.2003 р.

Підписано до друку 25.07.2003 р. Формат 60x84/16. Папір офсетний. Тираж 1000 примірників

Видруковано у приватній друкарні Романа Повч м.Ужгород, вул. Великокам'яна, 31,

тел./ факс: (0312) 613717 (свідоцтво про державну реєстрацію: серія 3т, № 11 від 13 липня 1998 р.)